

ДМИТРИЙ САНГУЛИА

ЗНАК
ПОЖИРАТЕЛЯ

Двести лет назад Чёрный лес поднялся на границах Семи княжеств, окружив их непроходимыми дебрями. С тех пор ни одна живая душа не смогла пройти их и выжить, чтобы рассказать об этом. Ну а мёртвые... мёртвые хранят свои секреты.

Старики говорят, что во времена их дедов мертвецы оставались в могилах, ведьмы не покидали глухих чащоб, а иные порождения мрака и вовсе в те дни не видывали. Да только нынче в это верится с трудом. Каждый день охотники на ведьм разводят новые костры. Одни в панике сжигают невинных. Другие и правда стараются защитить людей.

Это — история о том, что даже в мире, населённом нежитью и монстрами, главным чудовищем остаётся Человек.

Это — история о том, что даже в мире отчаяния есть место надежде, пока остаются те, кто готов нести её свет.

Глава 1

Трактир был полон.

Наступила долгожданная весна, перевалы открылись, и путешественники всех мастей хлынули на тракт. Паломники, коробейники, наёмники и посыльные — все они были здесь. Душный, пропахший потом и выпивкой воздух, гудел от их голосов. Кружки со стуком сталкивались, слышалось чьё-то громкое чавканье, кто-то горланил старую песню охрипшим голосом.

«Лучше доброго мёда — только баба и дорога...»

Креслав тяжело вздохнул. Он сидел в затенённом алькове за отдельным столом. Это укрывало его от посторонних взглядов, но не от гула общего зала. Креслав был уже немолод, хотя всё ещё крепок и силён. Но весной и осенью ныло левое колено, когда-то разбитое ударом дубинки, живот, некогда крепкий и плоский, заметно округлился, кожа начала обвисать. И самое главное — чем старше он становился, тем больше его начинало раздражать общество людей. Креслав бросил хмурый взгляд на дверь, отхлебнул из стоящей перед ним кружки, вытер рот тыльной стороной ладони, и пробормотал сквозь зубы:

«Ну и куда этот хрен запропастился?»

Словно в ответ на его слова, дверь распахнулась. На пороге стоял невысокий человек, скрытый длинным плащом, доходившим почти до пола, широкополой шляпой и высоким кожаным воротником. Оглядевшись, он направился напрямик к Креславу. Хотя плащ скрадывал очертания фигуры, было видно, что вошедший не отличался крупным телосложением. Креслав нахмурился. Похоже, теперь в охотники берут всех подряд — даже щуплых юнцов, едва вывалившихся из родительского гнезда.

Между тем незнакомец прошёл через весь зал, легко лавируя между людьми, и опустился на стул перед Креславом. Появившаяся из-под плаща левая рука в перчатке положила на стол медальон, на котором была изображена рука, объятая пламенем.

— Не больно-то ты похож на охотника, — сказал Креслав, вновь приложившись к кружке. — Скорее на церковного служку.

Из-под полей шляпы на него смотрели большие голубые глаза.

— Не больно-то ты похож на наёмника, — донеслось в ответ. — Скорее на обычного пьянчужку.

Креслав едва не поперхнулся от удивления.

— Баба на службе Церкви?

— Моё имя — Лада, — холодно ответила женщина.

Наёмник, смутившись, пожал плечами и пробормотал:

— Прощения просим, госпожа, за неуважение. Да только это что-то новое.

— Мне сказали, что у тебя есть информация.

Шляпа легла на стол. Под ней оказались длинные, медно-рыжие волосы, заплетённые в косу.

— Есть, как не быть. — Креслав чуть понизил голос и наклонился вперёд. — Неподалёку, в дне пути отсюда, есть деревенька под названием Чёрный ручей. Слышал я, там в последнее время молоко киснет, да телята мёртвыми рождаются. Поговаривают, туда посланник княжий отправлялся, да только сгинул без следа. В общем, по всему видать — завелась там ведьма.

Лада кивнула. Действительно, все признаки указывали на это, но никогда нельзя быть уверенной заранее.

— Как найти эту деревню?

— По тракту — до Каменной переправы. Там — через речку, да в горы. Дорога там одна. Не промахнёшься.

— Хорошо, — Лада надела шляпу и кинула наёмнику кошель.

Тот ловко поймал его на лету, затем оценивающе посмотрел на женщину.

— На ночь глядя не стоит ехать. Подожди до утра. Может мы могли бы, — Креслав заглянул в её глаза, задумался на миг, затем помотал головой. — Нет, ничего.

Лада молча вышла за порог, оставив наёмника допивать свою медовуху.

Смеркалось. Над лесом поднимался серебряный серп молодой луны. Возможно, ехать ночью действительно было глупой затеей, но женщина не любила общество людей. Особенно такое, что обычно собиралось в придорожных трактирах.

Как и ожидала, своего спутника Лада нашла на конюшне. Тот о чём-то болтал с мальчишкой-конюхом и расчёсывал гриву своего коня, выбирая из неё прилипший репей. Заметив её, он усмехнулся.

— Пора седлать, сестрёнка? На ночь здесь не остаёмся?

Его звали Дроган. Это был высокий, широкоплечий молодой человек с растрепанными волосами цвета соломы. Тело его закрывала кольчуга, конический шлем и большая двуручная секира были приторочены к седлу.

Ничего не ответив, Лада подошла к своему коню и подтянула подпругу.

— Говорил же, что на ночь мы здесь не останемся, — весело бросил мужчина конюху.

Тот лишь покачал головой.

На привал остановились час спустя. Спутники съехали с тракта на поляну за небольшой стеной сосен. Дроган сразу же развёл костёр, и вот уже скоро над ним дымился котелок с ароматной похлёбкой. Лада расчёсывала лошадей, привязанных к стволу одинокого дерева, росшего посреди поляны. Его ветви нависали над лагерем, давая ненадёжное укрытие от возможного дождя. В ночной тишине раздавался треск поленьев, пожираемых огнём, да далёкое уханье совы.

Дроган протянул плоску своей спутнице, усевшейся поближе к костру, и та благодарно кивнула. За всё время с тех пор, как они покинули трактир, они не сказали друг другу ни слова.

Когда с едой было покончено, Лада собрала посуду и вымыла её в ближайшем ручье. От воды стыли руки, но женщина была привычна к тяготам походной жизни. Когда она вернулась, то обнаружила, что Дроган уже раскатал походные постели поверх еловых лап и достал из своей седельной сумки гусли. Вскоре тихий грустный мотив зазвучал в ночном лесу.

Лада забралась под одеяло, положила под голову скатанный плащ и взглянула на звёзды. Этот вид никогда ей не надоедал. Треск костра, тихий наигрыш Дрогана и звуки ночного леса клонили в сон, и вскоре её веки сомкнулись.

Утро было зябким. Тяжёлая холодная роса покрывала мёртвые угли костра. Лада выбралась, повела носом, ловя смолянистый запах деревьев, и закуталась в плащ. Дроган уже сутился на поляне, седлая лошадей. Как обычно, он был отвратительно бодр с утра.

Наскоро перекусив, охотники забрались в сёдла. Солнце поднималось всё выше над горизонтом, прогревая землю и превращая росу в пар. Промёрзший за ночь грунтовый тракт становился всё мягче, постепенно покрываясь грязью. Ехали молча, Дроган лишь тихо насвистывал какую-то мелодию.

Уже начинало смеркаться, поднялся ледяной ветер с гор, когда Лада заметила в стороне каменный мост через речку. Махнув рукой своему спутнику, она свернула с тракта. Копыта гулко застучали по заросшему мхом камню. Вода широкого ручья, медленно нёсшего свои воды меж камышовых зарослей, действительно казалась чёрной. Невдалеке, на вершине пологого холма, куда вела дорога, начинали загораться огни.

Когда охотники въехали в деревню, большинство жителей уже разошлись по домам. Редкие прохожие, попадавшиеся им на пути, кидали взгляды, полные неясных подозрений, и старались быстрее скрыться за дверьми.

— Как всегда, радостные лица и гостеприимно открытые двери, — усмехнулась Лада.

— Да и бесы с ними, — пожал плечами Дроган. — Мы здесь не для того, чтобы нас любили. Да и с чего бы им встречать нас с хлебом и солью?

— Неплохо было бы, для разнообразия.

— Если нас любят, значит, мы плохо делаем свою работу, сестрёнка. Хватит унывать, пойдём, поищем корчму. Уж там-то нам будут если и не рады, то, по крайней мере, накормят.

Корчма нашлась неподалёку. Это было приземистое одноэтажное здание без вывески. Входя внутрь, Дроган пригнулся, чтобы не задеть головой притолоку. Внутри было темно, свет шёл лишь от лучин да очага в центре. Сначала Ладе показалось, что в зале пусто, но затем их окликнули.

— Здравы будьте, путники.

Дроган снял шлем и с опаской выпрямился, бросив косо взгляд на низкий потолок. От его макушки до потемневших от времени досок оставалось не больше ладони.

— И тебе не хворать, хозяин. Соорудишь нам какую-нибудь похлёбку и место для ночлега?

Хромая, корчмарь появился из тёмного угла и внимательно оглядел пришедших. Затем кивнул и указал на единственный длинный стол у стены, со скамьями по бокам. Он был довольно молод, лет двадцати, хотя годы уже оставили свой отпечаток. Лицо пересекал уродливый шрам, лоб покрывали морщины, руки загрубели от тяжёлой работы. Уверенными привычными движениями корчмарь раздул огонь и повесил над ним котёл, после чего поставил перед гостями крынку кваса и пару кружек.

— Надеюсь, вы — люди привычные, место могу предложить только на конюшне.

— Нам всё сойдёт, — Дроган сидел вполоборота, наблюдая за хозяином. — Что с ногой?

Корчмарь бросил мрачный взгляд через плечо.

— Бывает так — уходишь на войну здоровым, а возвращаешься с перебитой ногой и раскроённой мордой.

— Бывает, — кивнул охотник. — Не с чудскими ли псами сражался?

— В третьей сотне ополчения.

— Под Венежским озером не бывал?

— Как не бывать? — хмыкнул корчмарь. Там нас чудская конница и смяла. Очнулся в овраге, кое-как до лагеря дополз. Потом уж только с обозом ехал, пока в ближайшей

деревеньке меня не оставили.

— Выпьем, — Дроган наполнил кружки и одну из них подтолкнул хозяину. — Как звать-то тебя?

— Сом.

— А я — Дроган. Твоё здоровье.

Лада отодвинулась в тень. Всем напиткам она предпочитала воду. Кроме того, сейчас её глаза внимательно следили за корчмарём. Тот, подошёл, осушил кружку в несколько глотков, со стуком поставил её на стол и отёр рот.

— Я знаю, кто вы.

— Так уж и знаешь? — ухмыльнулся Дроган.

Но, несмотря на улыбку, глаза бойца оставались цепкими и настороженными. Лада была знакома с ним шесть лет, и знала, что за внешностью добродушно увальня кроется острый и холодный, как кинжал, ум.

Корчмарь кивнул.

— Видел таких. Все знают, что кроме людей у чуди были и, — он задумался, подбирая слово, — другие. Чудь белоглазая, которую сталь не брала, а только железо холодное. Говорят, шли у князя в дружине охотники, которые только и могли эту нечисть одолеть. Вы за тем сюда приехали? Нашу ведьму поймать?

— А что думаешь, есть у вас тут ведьма-то?

Сом пожал плечами.

— Я человек простой. Молоко скисает, скот прямо на полях валится. Стало быть, какая-то нечисть точно завелась. А уж ведьма то, или что другое — мне неизвестно.

— Понимаю, — кивнул Дроган. — А скажи, что ещё в округе происходит? Да и заодно, раз уж пошёл такой разговор, и об окрестностях расскажи. Что у вас здесь есть приметного, с кем поговорить можно.

— Деревня, как деревня. Поговорить попробуй со старостой, Мирчем его зовут. К отцу Хотену обязательно зайдите. Думаю, если бы не он, давно бы уже всем нам конец пришёл. Благодаря ему только и держимся.

— Добро, завтра с утра заглянем в церковь.

Корчмарь вернулся к котлу. Вскоре перед путниками оказались деревянные миски, над которыми поднимался густой пар. Сом вернулся в свой угол, но Лада видела, что он, то и дело, смотрит в их сторону. Очевидно, Дроган тоже это заметил — наскоро закончив ужин, он отставил миску, налил себе ещё кваса, и сказал, не поворачиваясь:

— Ты что-то спросить хотел? Давай, не стесняйся.

Сом замешкался перед тем, как заговорить.

— Откуда это всё берётся? Ведьмы, колдовство?

— А разве святой отец не читал вам проповеди?

— Читал, — Сом, задумавшись, наморщил лоб. — Писание говорит, что Создатель порицает колдовство. И что оно случается по его попущению, да идёт от демонов, обретающихся в Нави. Но как-то это всё непонятно. Как так — колдовство идёт от демонов, а заклятия читают ведьмы? Они здесь, демоны там, как те так слышат-то хорошо? Да и мало ли, что какая баба бормочет? Почему нечистые им вообще помогают?

Дроган обернулся к Ладе. Та уже слегка задремала в тепле, прислонившись спиной к стене, но нить разговора не теряла. Женщина посмотрела на корчмаря, раздумывая, стоит ли отвечать на его вопросы, а если и отвечать, то как объяснить, чтобы он понял. Затем

подалась вперёд.

— Не всё ведовство идёт от демонов, — тихо проговорила она. — Оно несколько сложнее. Навь сама по себе является источником энергии, которая пронизывает наш мир. Некоторые люди способны направлять её так, чтобы она вызывала изменения в окружающей реальности. Не обязательно во зло. Иногда бывает, что эта энергия проявляется стихийно, и тогда могут сами собой оживать мертвецы, возникать проклятые места. А есть и такие люди, которые как бы заключают с демонами Нави договор. Они получают способность творить заклинания, используя ту же самую энергию, но взамен обязуются использовать их во зло людям. На них-то мы в основном и охотимся. Понимаешь?

Сом неуверенно кивнул. Лада усмехнулась и откинулась обратно — она уже видела подобный взгляд. Теперь-то корчмарь окончательно уверился, что от колдовства добра не жди.

— Ну ладно, — Дроган встал со скамьи. — Утро вечера мудренее. Завтра возьмёмся за работу, а ты, добрый человек, свои догадки о нашем ремесле держи при себе. Всё равно слухи быстро разнесутся, но хоть день выиграем.

— Не извольте беспокоиться, — заверил Сом. — Ступайте на сеновал, я тут пока приберусь.

Охотники вышли за дверь. Пока они ужинали, над землёй раскинулся звёздный купол.

— Думаю, он и половины не понял из того, что ты ему сказала.

Лада кивнула.

— А если бы я рассказала ему всё, как есть, то и вовсе сошёл бы с ума. Пойдём. Завтра длинный день — надо бы до заката выяснить, что у нас тут. Ведьма, или кое-что пострашнее.

Лада проснулась с первым криком петуха. Солнце едва взошло, и в конюшне был серый, зыбкий полумрак. Поднявшись с расстеленного спального мешка, охотница на ведем размяла мышцы и огляделась. Дрогана рядом не было. Куда бы ни решил отправиться её спутник, вещи он прихватил с собой. Лишь его конь, Демон, смиренно стоял в отведённом ему стойле. Несмотря на имя, у животного был крайне спокойный, даже меланхоличный, характер.

Выйдя наружу, Лада глубоко вдохнула. Тяжёлый конский запах здесь отступил перед ароматом свежей травы и мокрой земли. Ночью шёл дождь, и теперь капли воды блестели под восходящим солнцем, играя тысячами маленьких радуг. Где-то на ветвях деревьев, росших за конюшней, заливался соловей.

Зал корчмы, куда направилась Лада, был пуст, не считая Сома, который, едва увидев её, кивнул, отрезал большой ломоть хлеба, и налил квас. Охотница опустилась на скамью и принялась молча жевать. Сом тоже не проронил ни слова, удалившись в свой угол. В тишине прошло минут пятнадцать. Закончив с едой, Лада положила на стол пару мелких монет.

— Мой друг сказал, куда направился?

— Он расспрашивал про дохлый скот. Как, чего, и где у нас пастбище. Я и сказал, что пастбище у нас за деревней, в полях, в сторону хуторов. Дальше по дороге, что идёт через деревню. А животные мрут очень ужасно, кровь у них глазами идёт, кричат сильно, а потом падают. Так что на выпас сейчас уже никто не гоняет, держат в хлеву. Да и к тушам, что там лежат, подходить боятся. Как бы мор не начался...

Лада прервала его, нетерпеливо подняв руку.

— Ты что-то упомянул про хуторы? Вчера ничего о них не говорил.

— Да как-то в голову не пришло. Есть у нас такие, дальше в горы, за лесом. Люди там живут странные. Вроде как держатся старой веры. Занимаются бортничеством, да травы всякие собирают. Мы тут, в Ручье, мало о них знаем. Ближе всех живёт Хольга-травница, к ней часто ходят бабы наши за целебными отварами.

— У вас под носом живёт травница, а местные до сих пор не попытались обвинить её во всех своих бедах и отправиться к ней с вилами и факелами? — недоверчиво нахмурилась Лада. — Это что-то новое.

Сом невнятно проворчал себе под нос, затем поднялся и подошёл к госте.

— Ты, милсдарыня, нас за зверей каких-то считаешь, не иначе. Люди, конечно, разные бывают, только зачем же так вот сразу-то? Хуторяне, хоть и народ от нас далёкий и скрытный, всё же добрыми соседями издавна были. Скольких деток при родах Хольга спасла — не упомнить. Неужто мы за её добро огнём отплатим? Да и для чего нам вредить? Мы никогда ей дурного ничего не делали. Жили мирно и с остальными хуторскими. Мёд и ягоды у них брали, молоко и хлеб давали. Никогда друг друга не обманывали.

Лада внимательно выслушала корчмаря. Когда он закончил, охотница примирительно положила ладонь ему на предплечье.

— Прости, если я тебя оскорбила. Ты прав, люди бывают разные.

Сом нахмурился, прямо посмотрев женщине в глаза, затем кивнул и вернулся на место. Попрощавшись, Лада вышла за порог. Теперь она знала, что за люди населяли Чёрный ручей. Задетый до глубины души, Сом без утайки рассказал об их чувствах и мыслях.

Её размышления прервал надрывный крик, донёсшийся откуда-то из центра деревни. Это был жуткий не то вопль, не то вой, полный боли и страха. Сорвавшись на бег, Лада бросилась вперёд, как раз чтобы увидеть, как молодая женщина падает на землю, зажимая руками лицо. Из-под ладоней несчастной лилась кровь.

Со всех сторон слышались голоса — к месту трагедии спешили люди. Мужики, как раз уходившие в поля, спешно возвращались. Из распахнутых дверей появлялись женщины, запикивавшие назад детей, рвавшихся посмотреть, что случилось.

Лада успела первой. Она опустилась на колени перед молодой девушкой, не старше четырнадцати, но помочь ей уже ничем не могла. Пару раз вздрогнув всем телом, та замерла в пыли. Руки бессильно упали на землю, открывая то, что когда-то было глазами, а теперь — чёрными кровотокающими провалами. Лада быстро осмотрела тело, но никаких меток или следов колдовства на нём не было.

Между тем крестьяне продолжали прибывать. Увидев незнакомую женщину, склонившуюся над телом, они замолкали и хмурились. Прошла минута, и вокруг Лады уже образовалось кольцо молчаливых мужчин, мрачно сжимавших мотыги. По толпе прошёл тихий шёпот, продолжавший нарастать, пока кто-то не осмелился выкрикнуть громче:

— Ведьма!

И тут же это слово разнеслось по деревне подобно грому. Оно звучало с испугом, в гневе, с десятками разных оттенков в голосе, и вот уже люди подняли своё импровизированное оружие, подались вперёд.

— Не дайте ей начать колдовать! — крикнул кто-то.

Одновременно с этим Лада поднялась на ноги, стремительно, будто на пружинах, и сунула руку под плащ. Пальцы сомкнулись на небольшом стальном амулете.

— Пойдите! — сухой женский голос остановил уже готовую сорваться с места толпу.

Люди расступились. В проходе появились двое — невысокий, но широкоплечий мужчина в кожаном фартуке, шедший на негнущихся ногах, и ссутулившаяся женщина лет тридцати. При виде них крестьяне опускали головы и бормотали что-то едва слышно. Мужчина подошёл к телу и упал перед ним на колени, уставившись в пустоту невидящим взором. Его дрожащие ладони скользили по волосам мёртвой девушки. Женщина, осунувшаяся и постаревшая, встала рядом, положив руку на плечо своего спутника. Затем заговорила тихим голосом, прокатившимся по рядам людей, словно тяжёлый камень.

— Моя дочь не хотела бы, чтобы пострадала невинная. Позовите священника.

— Что здесь происходит? — раздался в ответ глубокий звучный бас. — Что случилось?

Толпа расступилась ещё больше. Со стороны церкви к собравшимся быстрыми шагами приближался немолодой человек в белых одеждах священнослужителя.

— Что здесь за шум, я вас спрашиваю? — снова прогудел он, подходя.

Увидев тело, священник нахмурился и осторожно приблизился. Заглянув в глаза несчастной, он провёл открытой ладонью по своему лицу, делая охраняющий знак.

— Мы поймали ведьму, прямо тут, — неуверенно ответил ему кто-то из крестьян.

— Прямо тут, значит? — отец Хотен оглядел Ладу с головы до ног тяжёлым, изучающим взглядом. — А ну-ка, вытщи то, что держишь за пазухой. Только помедленнее, не торопись. Люди, как видишь, здесь нравом круты. Совсем не агнцы. Могут и на вилы поднять.

Лада кивнула и медленно извлекла из-под плаща стальной амулет. Увидев его, святой отец поменялся в лице.

— Она не ведьма, — хрипло произнёс он. — Помогите Хорсту и Вишке, добрые люди. А ты — следуй за мной, поговорить надобно.

Священник развернулся и пошёл прочь, не проверяя, следует ли за ним Лада.

Церковь оказалась неподалёку. Это было простое бревенчатое строение с остроконечной крышей. Над ней тускло поблёскивала на солнце потемневшая латунная Длань Создателя. Переступая через порог, Лада прижала правую ладонь к сердцу в традиционном жесте.

Внутреннее убранство оказалось таким же незатейливым, если не сказать аскетичным. Плохо оструганные доски пола и ничем не прикрытые бревенчатые стены потемнели от времени. Каменный алтарь, без украшений, был покрыт белой тканью. Несколько людей, в основном женщин преклонного возраста, стояли перед ним на коленях, исступлённо бормоча молитвы. Даже случившееся на улице не отвлекло их от этого занятия. Проходя мимо, Лада прислушалась.

Литания ограждения от зла.

«Создатель, не покинь чад своих в час нужды, ибо ты есть моё дыхание. Утри мои слёзы, закрой мои раны, огради от всякого зла и соблазна.

И в самую тёмную ночь укрой меня от тварей, что бродят во мраке...»

Лада вспомнила всех, кого не уберегла эта простая молитва. Детей, разорванных упырями, расплотившимися на полях сражений. Женщин, изнасилованных и убитых торжествующими врагами. Мужчин, которые медленно умирали в грязи со стрелами в животе.

Охотница верила в Создателя. Искренне, преданно, безусловно, как учили её сёстры-монахини. Просто с каждым годом становилось всё сложнее не задавать вопросов.

От размышлений её отвлёк голос священника.

— У тебя в руках — Печать Очищения. Похоже, что ты в своём уме, а ведь даже не каждый безумец осмелился бы её украсть. Стало быть, она твоя. Позволь спросить, почему Церковь направила к нам охотников на ведьм с такими широкими полномочиями?

Лада покачала головой.

— Я не могу ответить на этот вопрос. Напротив, я хотела бы задать несколько своих.

Священник кивнул, не сводя с собеседницы настороженного взгляда.

— Прежде всего, почему он белый? — Лада указала в сторону алтаря.

— Что? — растерялся священник.

— Алтарный покров. В деревенских церквях стелется алтарный покров чёрного цвета. Белый — в городских храмах и гарнизонных часовнях.

— Верно. Сам я здесь недолго, чуть меньше полугода. До этого служил священником в Миргороде. С месяц назад кто-то украл старый изношенный покров, и пришлось постелить тот, что у меня был с собой. Хотя я послал весть в Белый город, новый пришлют ещё не скоро. Дороги только недавно очистились от снега. Да и ведь важна вера, а не цвет ткани, не так ли?

— Так, хотя многие посчитали бы это очень смелым заявлением. Значит, ты здесь не так давно. Что случилось с предыдущим священником?

— Его в лесу загрызли волки, как я слышал. Но, конечно, это было ещё до моего появления.

Лада отметила, что Хотен непроизвольно отвёл взгляд перед тем, как ответить.

— Расскажи, святой отец, что именно здесь происходит, и когда это началось.

— Примерно с месяц, — на миг задумавшись, ответил Хотен. — Вся деревня уже в страхе. По ночам скисает всё молоко, что оставалось с вечера. Скот мрёт, и у всех с глазами то же самое, что у бедной Милицы.

— Милица — погибшая дочь тех людей, которые остановили толпу?

— Верно. Кузнец Хорст, жену его Вишкой зовут.

— До этого люди не умирали?

Священник покачал головой.

— Такой ужас — первый раз. — Помедлив, Хотен добавил: — вера людей тает.

Лада, всё это время наблюдавшая за молящимися, кивнула.

— Люди быстро теряют веру, если та не может им помочь. Так значит, всё это началось месяц назад? Вскоре после того, как пропал старый алтарный покров? И кто же в деревне способен на такое богохульство?

Священник пожал плечами.

— Я, честно сказать, паству узнать стараюсь, но чтобы понять, что у кого за душой — на это годы надобны. Ты лучше со старостой об этом поговори. Он своих односельчан лучше знает. Может, подскажет что.

— Хорошо. Ещё что-то странное?

— Ничего больше. Но вот ещё одно, о чём тебе лучше знать. Пару недель назад приезжал посланник от самого князя Мирослава. Как только у нас эта чертовщина твориться начала, я послал мужика в город, к митрополиту Феофану. Видно, тот князя и упросил этим заняться. Да только посланник этот отправился к хуторам, и пропал.

— Поищем при случае. А что за люди живут на хуторах?

— Безбожники. Язычники. Я много раз говорил, что честным верующим грешно с такими общаться, да только не слушают меня селяне. Здесь местных знахарок почитай, что и нет. Только Вишка, разве что, а она, как раз, с хуторскими и общается. А повитухи хорошей у нас нет совсем. Так что я хоть и не одобряю на проповедях общение с теми еретиками, но на своём не настаиваю.

— Боишься, что и тебя волки при случае могут загрызть?

Священник вздрогнул, словно от удара.

— Прости, сестра, но мне не нравятся такие речи. Что бы ни случилось с моим предшественником, я не верю, что жители деревни за тем стоят.

— А кто тогда? — Лада повернулась и пристально взглянула в глаза священника.

Тот наклонился чуть вперёд, и ответил, чётко проговаривая каждый звук:

— Волки.

Пару мгновений они сверлили друг друга взглядами, после чего Лада медленно кивнула.

— Хорошо. Ещё что-нибудь ты хотел сказать?

Священник лишь покачал головой. Охотница развернулась и пошла к двери мимо верующих, продолживших иступлённо бормотать молитвы. Её путь лежал за окраину деревни. Припомнив наставления корчмаря, она быстро отыскала дорогу к пастбищам. Солнце уже взошло над землёй и озаряло окрестности ярким золотым светом. Безмятежно гудели пчёлы. Аромат свежих трав, лишь недавно проклюнувшихся из земли, висел в воздухе густым, успокаивающим покрывалом.

Дроган встретился на дороге, не доходя до пастбища. Он приветливо махнул рукой и улыбнулся. Лада ответила взглядом исподлобья.

— Пока ты прогуливался, в деревне меня чуть не объявили ведьмой. Со всеми

вытекающими из этого последствиями.

— Ох, как, — радостное выражение на лице Дрогана сменилось озабоченностью. — Плохо. Стало быть, всё ж привлекли мы к себе внимание. Небось, теперь знают, кто мы, и зачем приехали?

Лада подавила желание ударить товарища, зная, что этот толстокожий увалень всё равно ничего не почувствует.

— Спасибо за заботу, братец ты мой названный. Я глубоко тронута твоим беспокойством за мою жизнь, особенно после того, как ты меня бросил одну. Веди, показывай, что успел найти.

Она пошла дальше по дороге. Запоздало опомнившись, Дроган отправился следом.

— Прости, сестрёнка. Конечно же, твоё здоровье меня заботит, но я подумал, что ты вполне способна за себя постоять. И — видишь! — я же был прав. С тобой всё хорошо. Потому, что ты у меня умная, сильная, и вообще хоть куда! А пока идём, может, скажешь, что сама успела узнать?

Ещё с десятков метров Лада хмурилась и молчала, но затем начала рассказ. Она не упустила ни одной детали, поделившись и своими подозрениями.

— Так что я думаю, — закончила она, — что смерть предыдущего священника и кража покровы как-то связаны с тем, что здесь происходит.

Дроган почесал подбородок, затем с явно звучащим в голосе сомнением ответил:

— Насчёт покровы — может быть. Действительно приметное совпадение. Но вот что касается смерти священника — тут уж, прости, сильно вряд ли. Полгода прошло, как-никак. И с тех пор ничего странного не было.

— Меньше полугода. Мне кажется, что эти события всё же как-то связаны. Когда вернёмся, надо будет расспросить старосту. Как там, Сом сказал, его зовут? Мирч?

— Вроде так, да. И к хуторам надо будет пройтись. Посмотреть на эту их повитуху. Местные ей доверяют, и до этого она им зла не делала, но я всё ж хочу сам посмотреть. Мало ли, что могло случиться. Кстати, мы пришли.

Дроган вытянул руку, и Лада не смогла сдержать короткое восклицание. На ярком зелёном лугу, залитом солнечным светом, то тут, то там, возвышались небольшие тёмные холмики. Каждый из них был грудой гниющего мяса.

— Да здесь, должно быть, половина деревенского стада, — озабоченно произнесла охотница, подходя к одной из туш. — Если так дальше пойдёт, деревня вымрет. Не от колдовства — так от голода.

Лада присела, осматривая голову погибшего животного. Оно умерло давно, и падальщики уже успели сорвать почти всё мясо с костей. В чёрных провалах глазниц копошились жирные белые черви, но сомнений не было — корову постигла та же участь, что и бедную дочку кузнеца. Немного чёрной запёкшейся крови ещё было видно поверх оставшейся на морде шерсти. Поднявшись, Лада ещё раз огляделась.

— Какой же силы должна быть ведьма, чтобы устроить такое?

Дроган покачал головой.

— Уж точно это не деревенская ворожея. Может быть, болотная карга могла бы. Похоже, отец Ивар был прав, когда выдавал нам Печать. Рядом с Миргородом появился кто-то из Древних.

На солнце набежало небольшое облако.

— Ну что, толку-то здесь стоять? — спросил Дроган и сплюнул на землю.

Лада кивнула. Всё, что нужно, она уже увидела.

— До хуторов пройти, что ли? — снова подал голос её названный брат. — Всё одно уже часть дороги позади. Дойдём до травницы, а потом уж к старосте заглянем. Может, что новое узнаем.

— Пойдём, — ответила Лада, повернулась и направилась к видневшимся невдалеке деревьям. Дорога плавно огибала холм, на котором начиналось пастбище, и ныряла под раскидистые лапы елей, стеной стоявших на краю леса.

Темнота сгустилась, как только охотники вошли в него. Солнечный свет запутывался в ветвях и почти гас — лишь оборванные лоскутки лучей добирались до земли. Рыжая хвоя под ногами скрадывала звуки шагов. Но лес жил своей жизнью — под деревьями возились мелкие грызуны, шумно выяснявшие отношения, в ветвях пели птицы. Иногда между мрачными тёмными елями мелькали белые столбики берёз.

И вдруг — словно рука неведомого божества накинута покрывало тишины. Враз смолкли и птичьи трели, и пронзительный писк ссорящихся мышей. Даже солнце будто померкло ещё больше. Где-то неподалёку раздался волчий вой. Одинокий. Тоскливый.

Зловещий.

Дроган насторожился, скинул с плеча топор, перехватил покрепче рукоять.

— Самострел твой где? — бросил он через плечо.

— На конюшне остался, — отозвалась Лада, мысленно ругая свою забывчивость.

Боец покачал головой, но промолчал.

Снова раздался вой, уже ближе. Что-то странное в нём теперь почудилось Ладе. Словно не звериная плотка издавала этот звук, а человеческое горло. Она собиралась поделиться этой мыслью с товарищем, но тут на дорогу перед ними вышли два зверя. Лада не заметила, как они появились, хотя шкуры их были светлыми, приметными окружающем полумраке. Обернувшись, охотница убедилась, что ещё двое молча возникли позади, отрезая путь к отступлению.

Дроган замер. Лада не видела его лица, но чувствовала, как он напрягся. Словно опытная гончая перед броском. Ей самой ничего не оставалось, как достать из-под плаща кинжал и встать спиной к спине товарища. Быстрым движением она отстегнула плащ и намотала на предплечье.

Волки бросились без предупреждения, все одновременно. Один резко нырнул в сторону, отвлекая внимание на себя, другой бросился на руку. Лада подставила защищённое плащом предплечье и, как только клыки сомкнулись на нём, нанесла быстрый колющий удар снизу вверх. Прямо в горло. Давление челюстей пропало. Но вместо того, чтобы распороть глотку, кинжал без сопротивления прошёл сквозь воздух — страшный хищник исчез. Краем глаза Лада увидела движение. Её противник каким-то образом оказался в пяти шагах сбоку. Охотница бросила быстрый взгляд за спину, чтобы подтвердить свою догадку, и верно — руны на топоре её товарища ярко сияли. Она как раз успела увидеть, как смертоносное лезвие опускается прямо на череп одного из хищников, и тот рассыпается клочьями тумана. На этот раз — навсегда.

Духи.

Лада повернулась обратно слишком медленно. Клыки сомкнулись на её ноге, чуть выше голенища. Резкий рывок, и женщина потеряла равновесие, не удержав тихий вскрик. Рыжая хвоя мягко приняла её тело, взметнулась вверх. Волк продолжал тянуть её, не давая встать, пока второй стремительно приближался. Лада метнула кинжал, но тот прошёл сквозь тело духа, не замедлившись. Клыки хищника уже лязгали у самого горла охотницы, но были бессильны прокусить плотный кожаный воротник, защищавший шею. Улучшив момент, Лада перекатилась на бок и вывернула руку, чтобы достать второй кинжал. Тот, который она носила специально против подобных противников. Оружие из холодного железа. На миг она встретилась взглядом с безжизненными глазами своего противника, и вот тот уже распался белёсыми клочьями под ударом клинка.

Второй призрачный волк продолжал тянуть за ногу. Лада попыталась встать, но снова рухнула спиной на землю. Лодыжку терзала пульсирующая боль. Оставалось надеяться, что артерии целы. Барахтаясь, Лада заметила, как Дроган разделался со вторым своим противником, резко отпрыгнув в сторону и ударив топором сбоку. Вновь вспыхнули руны, и боец обернулся, чтобы посмотреть, как дела у его названной сестрицы. Та лишь слабо махнула рукой, обмотанной плащом. Быстро подскочив, Дроган закончил бой одним стремительным ударом. Лада села, тяжело дыша, и принялась тут же осматривать ногу.

— Не дёргайся, — рядом опустился Дроган, снимая бурдюк с плеча. — Кость цела?

— Кажется, да. Сосуды тоже не задеты. Надо промыть и перевязать место укуса.

— Батьку будешь учить суп есть, — проворчал боец. — Кто это были?

— Похоже, какая-то разновидность баргестов. Больше ничего на память не приходит.

— Ладно. Пошевели ногой. Хорошо, похоже, действительно цела. Завтра будешь, как новая. Вот так, сейчас закончу.

Аккуратно перевязав ногу, Дроган помог Ладе подняться. Убедившись, что она может идти, он медленно зашагал рядом, чуть поддерживая, и готовясь в любой момент подхватить женщину. Лада на ходу откупорила одну из склянок, висевших у неё на поясе, и залпом выпила содержимое. По телу разлилось приятное тепло. Боль отступила. Конечно, раны не заживут, как по волшебству, у тела есть свои ограничения. Но, по крайней мере, нога не будет сильно мешать. Похрамывая, Лада поплелась дальше по лесной дороге.

— Может, вернёмся в деревню?

На миг охотница задумалась, не стоит ли сходить за лошадьми, но потом упрямо потрянула головой.

— Ерунда, всего лишь содранная кожа. Ничего серьёзного.

— Как знаешь.

Постепенно лес светлел. Всё меньше было мрачных тёмных елей, всё больше — светлых берёз. В одном месте на пути встретился могучий дуб, шелестевший листьями на лёгком ветру. Издалека донеслась быстрая дробь дятла. Деревья постепенно отступали, и вот уже дорога вынырнула на большую, залитую светом, поляну. Лада остановилась на краю, под деревьями, и всмотрелась, прикрыв глаза рукой от яркого солнца.

Посреди открытого пространства стояла землянка. Края двускатной крыши спускались к самой земле. Верх был покрыт травой, из-за чего жилище почти терялось на виду и напоминало небольшой холм, окружённый плетнём. В стороне, на огороженных грядках, росли цветы и травы. Однако сколько ни вглядывалась Лада, она не увидела ни одной живой души. Не слышны были обычные для крестьянских хозяйств крики скотины и домашней

птицы. Не заметно было и присутствие Хольги.

— Может, она в доме? — сказал Дроган, угадав мысли спутницы.

— Может быть. Давай-ка аккуратно обойдём вокруг, стараясь лишний раз не попадаться никому на глаза.

И охотники двинулись в обход под прикрытием деревьев. Оказавшись на противоположной стороне поляны, Лада вновь остановилась и пригляделась. Вокруг была та же мирная тишина.

— Смотри, вроде бы насыпь свежая впереди.

— Так и есть, — отозвался Дроган, как следует вглядевшись. — Знаешь, а ведь на могилу похоже. Вот и камнями присыпана, чтобы звери не раскопали.

— Давай посмотрим поближе.

Дроган кивнул, и охотники приблизились. Перед ними действительно был небольшой курган с камнем в изножье, как было принято у людей старой веры.

— Раскопаем?

— Нет необходимости, — Лада указала в сторону, где в траве виднелся какой-то предмет.

Дроган подошёл и поднял покрытый налётом ржавчины остроконечный шлем с позолотой. Заглянув внутрь, он проверил кузнечное клеймо.

— Вот, видать, мы и нашли княжьего посланника. Так что, выходит, травница его угробила?

— Селянка — крепкого взрослого воина?

Дроган пожал плечами.

— Женщины коварны. Может, она таки ведьма? Колдовством своим в могилу и свела.

— И потом похоронила?

— Закопала, чтобы тело никто не нашёл.

— Сделав насыпь, чтобы защитить тело от диких зверей?

— Ну, а вдруг они разрыли бы могилу, стащили чего-нибудь, а потом деревенские охотники нашли останки?

Лада покачала головой.

— Не придумывай. Посланник похоронен, согласно традиции. Камень в изножье. Шлем она на могилу положила, не скрывая. Думаю, в сторону он случайно откатился. Изначально лежал вот здесь.

Дроган положил шлем на место, куда указывала Лада.

— Давай-ка навестим дом. Думаю, если она там, то уже заметила нас. Если куда-то ушла — тем лучше. Осмотримся.

Более не скрываясь, охотники подошли ко входу. Несколько плоских камней лежало на спуске к двери, находившейся на метр ниже земли.

— Что это за венок над входом? — указал Дроган.

— Чертополох. По крестьянским поверьям он защищает дом от злых сил.

Дроган хмыкнул, подошёл к двери и толкнул её. Внутри царил полумрак. Свет шёл лишь из щелей в ставне на небольшом окне в противоположной стене. Полоски солнечных лучей расчерчивали утоптанной земляной пол ровными линиями. В землянке пахло травами. Вязанки их висели под потолком и на стенах. Всего убранства в жилище только и было, что лежанка, да большой сундук, накрытый простой скатертью. Он же, судя по всему, служил и столом.

К нему Дроган и направился первым делом. Тихо крикнув, откинул тяжёлую крышку.

— Травница-то, по всему видать, особа не из хилых.

Лада, между тем, рассматривала засушенные растения. Какие-то она помнила из книг, что читала в монастыре. Другие были ей совершенно незнакомы. Те, что охотница узнала, были лекарственными. Ромашка против воспалений. Девясил от кашля. Тысячелистник для заживления ран. Хотя, было ещё что-то. Лада наморщила лоб, пытаясь вспомнить. Кажется, брат Ерофей Пустынный писал, что это растение также используют для насылания порчи. Но в те времена, когда жил этот старец, колдовство и шабаши чудились Церкви везде, так что можно ли на него полагаться?

От размышлений её оторвал голос Дрогана.

— Подойди-ка сюда. Посмотри.

Лада заглянула в сундук. Её товарищ как следует покопался внутри — вещи были раскиданы, и на дне нашёлся ещё один сундучок, гораздо меньшего размера. Крышку его покрывала сложная руническая вязь и геометрические символы.

— Что это? — спросил Дроган, указывая на них.

— Защитные сигилы. Знаки первоэлементов, природы. Они очень часто встречаются на личных предметах жрецов старой веры.

— Здесь есть какие-нибудь охранные чары?

Лада прикрыла глаза, вытянула вперёд руку, едва не касаясь символов кончиками пальцев, и прошептала несколько слов. Ничего не произошло.

— Всё чисто, открывай.

Дроган осторожно прикоснулся к дереву. Видно было, что воин всё же опасается какого-то колдовского подвоха. Медленно он приподнял крышку, готовясь в любой момент отдернуть руки, но всё было спокойно. Внутри лежала небольшая книга в обложке из телячьей кожи, связка восковых свеч, несколько флаконов, нож с белой костяной рукоятью, медный колокольчик и каменная чаша.

— Вот оно как, — хмыкнул Дроган.

— Не делай поспешных выводов, — посоветовала Лада, доставая книгу. — Хольга может быть простой сельской заклинательницей погоды. Ты же знаешь, что не все ведьмы — безусловное зло.

Охотница перевернула несколько страниц, водя пальцем по старому пожелтевшему пергаменту, пахшему сладковатым дымом. Выцветшие чернила складывались в строки на архаичном языке, давно позабытом большинством жителей семи княжеств.

— Ну и что там? — нетерпеливо спросил Дроган.

— Как я и думала. Несколько простых природных и защитных заклинаний. Пара печатей давно забытых духов. Гадания. И сельские секреты — как задобрить домового, увеличить надои. Никаких проклятий, рецептов вызова баргестов. Пойдём, подождём её снаружи. Думаю, она сама нам расскажет, что случилось с княжьим посланником.

Дроган насторожился сразу же, как только шагнул за порог.

— Что случилось?

— Здесь кто-то был, — ответил боец. — Подходил к дому, пока мы были внутри. Смотри.

Лада наклонилась к земле и взглянула, куда показывал её товарищ. Трава была примята, на почве ясно отпечатались следы. Женщина переглянулась со своим спутником, во взгляде которого ясно читалось «Я же говорил!».

Сомнений не было — следы были волчьи. Они тянулись вокруг дома — животное приблизилось, обошло землянку и, незамеченное, заглянуло в окно.

— Думаю, Хольга здесь не появится. Обычный волк не подошёл бы так близко к жилищу. Я в таких вещах не разбираюсь, конечно, но мне кажется, что тварь следила за нами.

— Духи не оставляют следов, — Лада пожала плечами. — Это был обычный волк.

Ей всё ещё не верилось, что травница — и есть та зловещая ведьма, что напустила мор на деревню, но спорить не хотелось. Если Дроган вбил что-то себе в голову, выбить это можно было только железными фактами. Сейчас же он подобрался, взял след. Нырнув обратно в землянку, воин вернулся с небольшим сундучком в руках.

— Будем ловить на приманку. Если захочет снова поколдовать, придётся ей самой к нам прийти.

— А ты не думал, что у неё может быть ещё одна книга? — спросила Лада, прищурившись, глядя на медленно плывущие в небе облака. — Та самая, которая с проклятиями?

— Вполне возможно, — простодушная ухмылка исчезла с лица Дрогана. — Если Хольга явится к нам, значит, эти вещи действительно для неё ценны. Они — единственные её магические инструменты, передававшиеся из поколения в поколение, судя по их виду. И мы получим возможность её допросить. Если же она не придёт, стало быть, у неё есть другие орудия, другая книга и, возможно, логово. Нам будет, о чём подумать.

Лада опустила глаза и встретилась взглядом со спутником.

— Иногда даже я забываю, что твоё простодушие — это просто маска для окружающих.

Улыбка снова тронула губы воина.

— Ты мне льстишь. Пойдём, пора потолковать со старостой. Мне кажется, я начинаю понимать, что здесь происходит.

— Ты догадался, кто ведьма?

— Я догадываюсь, где искать ответы.

Солнце клонилось к закату, когда охотники вернулись в деревню. Не было слышно ни вечерних песен, ни весёлых голосов. Чёрный ручей накрыл плотный покров тишины. Лада, казалось, кожей ощущала липкие щупальца страха, обвивавшие каждый дом. В каждом окне виднелись ставни. Лишь в некоторых сквозь щели между досками пробивались робкие тусклые проблески света.

Дом старосты окружал небольшой частокол, но всё же охотникам не пришлось долго ждать. Мощный кулак Дрогана трижды обрушился на ворота, и вскоре Лада услышала, как отодвигается засов. Одна из створок повернулась на массивных медных петлях. В образовавшемся проёме появился невысокий, но крепко сбитый мужик в серой льняной рубаше и выцветших красных шароварах, ничем не выделявшихся среди одежды прочих селян. И всё же было нечто во взгляде его прищуренных глаз, в том, как он держался. Лада поняла — этот человек привык, что окружающие слушают каждое его слово.

Староста тоже узнал охотников. Смерив путников долгим, оценивающим взглядом, он отступил в сторону.

— Знал, что вы скоро появитесь, — ворчливо сказал он. — Добро пожаловать в мою избу. Не скажу, что очень уж рад вас видеть, буду честен. Но помогу, чем смогу.

От ворот к крыльцу шла дорожка из шлифованных плит. Судя по всему, Мирч заказал их из самой столицы, слишком уж хорошо они были обработаны по меркам деревенских мастеров. По сторонам выстроились рядами яблони, шелестя листьями на вечернем ветру. Их цветы наполняли воздух едва заметным нежным ароматом.

Сопровождая незваных гостей, староста поднялся на крыльцо, открыл дверь и крикнул внутрь дома:

— Лена, накрывай на стол! Высокие гости у нас нынче!

Войдя, охотники очутились в просторном, по деревенским меркам, зале. Дроган мог стоять в полный рост, не рискуя задеть потолочные балки головой. Пространство в центре занимал длинный стол на массивных резных козлах, слева белела печь. Дальний правый угол был уставлен иконами с ликами святых, едва видневшимися в полумраке — единственным источником света в зале была пара лучин. Перед иконостасом, накрытый чёрной тканью с серебряным шитьём, стоял небольшой домашний алтарь.

Лада и Дроган опустились на лавки по бокам стола, когда из двери в дальней стене появилась молодая девушка. Коротко поклонившись, она прошла в комнату и принялась суесться у печи, стараясь не поднимать глаз.

— Лена, дочь моя, — пояснил староста, садясь рядом с гостями.

— А что же, больше у тебя домашних нет? — брякнул Дроган. — Дом большой, а никого не видно.

Мирч заметно посмурнел.

— Были, да только не теперь. Дочь у меня одна осталась.

— Прости, — поспешно сказала Лада. — Мы не хотели тебя задеть.

— Верно, — кивнул Дроган. — Прости за дурные напоминания. В опасном мире мы живём. Что случилось-то? Волки, или хворь какая?

Тщательно примерившись, Лада лягнула товарища ногой под столом. Если тот и почувствовал удар сквозь стёганые штаны, то не подал виду — ни один мускул не дрогнул на

его лице.

Староста же лишь махнул рукой.

— Если бы! — вздохнул он. — Сбежала жинка моя. Да детей, что помладше, с собой прихватила. Только старшая со мной и осталась. Если бы не она — догнал бы дурную бабу, да голову ей открутил. Знаю я, к кому она в Миргород подалась, что б его черти...

Меж тем Лена, достав из печи каравай, подошла с ним к столу, заметно прихрамывая. Рядом с едой встали крынка яблочного сидра и три глиняных кружки. Девушка закончила приготовления как раз, когда её отец принялся костерить свою жену.

— Успокойся, отец, прошу тебя, — голос Лены был тихий, но приятный. — Неудобно перед гостями, да и тебе волноваться нельзя.

Староста пару раз сжал и разжал кулаки, затем мрачно кивнул.

— Твоя правда. Дочь у меня — золото, не человек. Простите, гости, что не сдержался. Ну да вы, сдаётся, о другом поговорить-то хотели.

— Верно, — с облегчением кивнула Лада, радуясь, что разговор, затеянный её наречённым братом, наконец ушёл в спокойное русло. — Ты сам знаешь, зачем мы здесь, староста. Так что давай напрямую. Что местные говорят? Какие-то странности, приметные события? Может, подозреваешь кого?

Мирч пожал плечами.

— Да вроде бы и некого подозревать. Что же до странностей — ну так вы и сами видели, что у нас творится. Куда уж страннее. Хотя, ежели подумать, вроде бы ещё старик Ягода, полоумный бирюк, нёс что-то про ночные огни на погосте. Да только туда мы давно уже не ходили. Из людей у нас редко кто умирает, а теперь, когда старик село взбаламутил, мужики побаиваются. Думают, духи на могилах появились. Неупокоенные мертвецы поднялись. Этого ещё не хватало, сохрани нас Создатель.

Староста провёл рукой перед лицом, делая охраняющий знак.

— Как же это — «подозревать некого»? — подала голос Лена, сидевшая в углу. — А Хольгу? Все знают, что она якшается с лесными духами. И в Создателя нашего не верует, всё о Старой вере толкует.

— Ну да, верно. Есть такое. Да только Хольга-травница с нами уже сколько лет живёт. Ещё родители её родителей тот хутор держали, да помогали нам.

— Ну а Вишка, жена кузнеца Хорста? Опять же, все знают, что она на старое капище ходит, приносит жертвы каждую полную луну.

Староста с силой хлопнул ладонью по столу.

— Ты про Вишку дурного слова сказать не моги! Она дочь единственную потеряла. Тебе, дурная твоя голова, невдомёк, что значит смерть ребёнка! Чтоб не слышал больше ничего про это!

В избе воцарилась звенящая тишина. Староста хмурился. Лена и гости молчали. Наконец, Мирч произнёс:

— Жалко бабу. Хорошая она. И девчушка у неё была ладная. Все её любили.

— Не так уж она и хороша была, — тихо пробормотала Лена из своего угла.

Староста медленно поднялся, мрачно глядя из-под седых кустистых бровей на дочь.

— Ступай отседова, — процедил он сквозь зубы. — После поговорим.

Не поднимая глаз, Лена встала и вышла через заднюю дверь. Как только та закрылась, Лада спросила:

— Что она имела в виду, говоря так про дочь кузнеца?

Мирч отвёл взгляд, покряхтел, затем, с видимой неохотой, ответил:

— Не особенно мою Ленку покойница любила. Издевалась над ней с подружками.

— Из-за хромоты?

— Да нет, ещё до того, — мотнул головой староста.

— А что с её ногой, если уж зашёл об этом разговор? — подал голос Дроган, молча смаковавший деревенский сидр.

Ладе показалось, что с каждой новой фразой старосте становится всё неудобнее. Он отвёл взгляд и отвечал, будто нехотя.

— Полгода назад это случилось. Аккурат в тот день, когда нашего прошлого церковника в лесу волки загрызли. Лена тоже там была, хворост собирала. Говорит, как вой услышала, побежала назад в деревню, что было мочи. Да только под снегом не заметила корень, вот и попала в него ногой. Расшиблась сильно. Как ни старалась Хольга, нога правильно не срослась. С тех пор Лена замкнулась. Видать, всё простить не может травнице, оттого на неё и наговаривает. Да вы внимания не обращайтесь, сердце-то у дочки доброе. Несчастливая она просто. Что до Милицы, покойницы нашей, так тут девичье. Мужиков-то после войны в нашем селе поменьше, чем баб, осталось. Вот и грызутся те меж собой. Эх, теперь-то, хромая, думаю, так и останется моя в девках.

Лада кивнула, стараясь не морщиться от таких рассуждений старосты. Вопросов у неё больше не было. Она бросила быстрый взгляд на Дрогана, но тот коротко мотнул головой. Видимо, тоже узнал всё, что хотел.

— Ну, спасибо за гостеприимство, хозяин. Мир твоему дому, — слегка поклонилась Лада, поднимаясь с места.

— Добрый сидр. Не зря яблочки зрели, — добавил Дроган.

— Эх, вам бы свежего попробовать, — отозвался староста, провожая гостей до ворот. — Этот-то прошлогодний. Заезжайте к нам месяца через два.

Особой искренности в его словах, впрочем, не было.

— Не взглянуть ли нам на кладбище, пока совсем не стемнело? Как раз успеем обернуться, — предложил Дроган, как только за спиной лязгнул засов.

Подумав пару мгновений, Лада кивнула. Чем бы ни были те огни, о которых рассказывал полоумный старик, за ними вполне мог скрываться очередной кусочек загадки.

Захоронения, расположенные позади церкви, окружала невысокая старая изгородь. Некоторые камни уже выпали из неё, и успели порости травой. Охотники легко перемахнули через ограду, и принялись осматриваться, ловя последние отблески гаснущего дня. Вскоре Ладе улыбнулась удача.

— Смотри, — окликнула она Дрогана, отошедшего в сторону.

Когда воин приблизился, охотница продемонстрировала огарок факела. Судя по его виду, тот пролежал в кустах всего пару дней перед тем, как быть найденным.

— Вот тебе и ночные огни, — кивнул воин. — Насколько мне известно, призракам факелы ни к чему. А смотри-ка, что я нашёл.

С этими словами Дроган протянул руку. В его ладони лежал латунный браслет с затейливым орнаментом. Украшение не успело даже потемнеть или покрыться зеленоватым налётом.

— Определённо, кто-то регулярно навещается сюда. Судя по размеру, этот браслет на женское запястье. Хотя сам по себе он ничего не доказывает. И мы всё ещё далеки от понимания того, что здесь происходит.

— Не скажи, — пожал плечами Дроган.

Он хотел что-то добавить, но вдруг замер и вскинул руку. Пару мгновений Дроган вслушивался в ночную тишину, затем коснулся двумя пальцами кончика правого уха и указал на здание церкви. Лада напрягла слух, и вскоре тоже разобрала звуки, насторожившие её товарища. Снова раздался тихий вскрик, а за ним — неясное бормотание. Стараясь ступать бесшумно, охотники прокрались к ближайшему окну. Изнутри оно было закрыто массивным ставнем, но снаружи, при должной ловкости, можно было забраться на раму, достаточно глубокую, чтобы сесть. Дроган подставил руки, и его лёгкая спутница вспорхнула вверх. Устроившись поудобнее, она огляделась. Вокруг чернели громады зданий. Посеребренная от времени древесина под ногами Лады пахла сыростью. В щели между камнями набились семена. Где-то далеко, в лесу, трижды ухнула сова.

Сомнений не было — подозрительные звуки доносились отсюда. Лада припомнила расположение комнат в церкви и поняла, что она сидит на окне покоев священника. Достав кинжал, охотница аккуратно поддела край ставня, подхватила его, и выставила внутрь. Доски оказались довольно тяжёлыми — опуская на пол, Лада едва сама не упала с окна. Тем не менее, она всё же спрыгнула в комнату, перекинула наружу верёвку, и огляделась.

Убранство было таким же простым, как и в главном зале. В углу стояла небольшая бадья для омовений, у одной из стен — старый, разохшийся комод, на столешнице которого почти полностью растеклось несколько остывших уже свеч. Дальняя часть комнаты была отгорожена ширмой, расписанной сценами деяний святых. Оттуда и доносились звуки, которые привлекли внимание Дрогана. Шлепок. Ещё шлепок. Тихий вскрик. Приглушённое бормотание.

Между тем воин, взобравшись по верёвке, опустился на пол рядом с Ладой. Переглянувшись, они принялись обходить ширму, стараясь ступать как можно тише. Приблизившись, они одновременно выглянули с разных сторон.

Отец Хотен стоял на коленях, склонив голову. Торс его был обнажён, спину и плечи покрывало множество недавних шрамов. Священник взмахнул рукой. Плеть поднялась и опустилась, кожу прочертила ещё одна полоса. Свежая, алая. Хотен вздрогнул, выждал пару мгновений, и вновь стеганул по спине, раздирая свою плоть. На этот раз он не удержался от тихого вскрика, затем забормотал что-то едва слышно. Лада напрягла слух и уловила отрывок:

«...закрой мои раны, огради от всякого зла и соблазна...»

Знакомые слова. Охотники переглянулись. Дроган жестами спросил, что делать дальше, но в этот миг священник, словно услышав что-то, резко обернулся. На лице его отразилась паника.

— Не волнуйтесь, святой отец, — ухмыльнулся Дроган. — Ваши увлечения останутся тайной.

— Вы принадлежите к флагеллантам? — спросила Лада, бросив на товарища суровый взгляд.

Священник медленно поднялся. С плети на тёмный пол упали несколько капель алой крови и смешались с застарелыми пятнами. Отец Хотен медленно подошёл к небольшому столику рядом с кроватью, взял стеклянную баночку, и принялся растирать её содержимое по плечам, не сводя цепкого взгляда с нежданных посетителей.

— Нет, — наконец ответил он коротко.

— Тогда зачем это?

Охотники прошли вперёд, оставаясь по разные стороны ширмы и перекрывая любую возможность бегства, если вдруг священник решит прорываться. Но тот не был настроен столь радикально. Закончив процедуру, он натянул нижнюю рубаху, покрытую сухими бурыми пятнами, и с явной неохотой пустился в объяснения.

— Я ничего подобного не делал раньше. До тех пор, пока не оказался в этом проклятом месте. Поначалу я был рад своему назначению. Прослужив здесь несколько лет, я мог рассчитывать на хороший пост в Миргороде. Но мои чаяния разбились достаточно быстро.

Священник налил в глиняную кружку воды из стоявшего на столе кувшина, сделал пару больших глотков, и продолжил:

— Вскоре я начал слышать голос. Сначала — только во сне. Он предлагал мне сжечь эту церковь, а взамен сулил невероятные богатства. Я не уступал. С месяц назад он стал слышаться мне и наяву, как только наступала ночь. День за днём я чувствовал, как моя воля слабеет. В отчаянии мне пришлось испробовать это средство. И знаете, оно работает. Как бы это ни выглядело со стороны, решимость моя окрепла. Ну а плоть — довольно малая цена за спасение души.

— Голос? — Лада обеспокоенно оглянулась на своего товарища. — Демоническое присутствие, здесь?

Дроган пожал плечами.

— Никто другой в Чёрном ручье об этом не рассказывал.

— Но мы ни у кого и не спрашивали. Разве охотнику запросто скажешь, что тебе такое слышится? Поставь себя на место крестьян.

Я бы тоже поостереглась.

— Я говорю вам правду, вы должны мне верить! — подал голос отец Хотен, затем добавил с горечью: — или не должны. Вам решать.

Он устало опустился на койку, сжимая в руках символ Создателя — серебряную раскрытую ладонь.

— Когда ты стал слышать голос наяву?

— Почти сразу после того, как был похищен старый алтарный покров.

Лада наклонилась к священнику, поймав его взгляд.

— Скажи мне. Только постарайся припомнить всё в точности. На покрове были какие-то символы? Или, может быть, руны?

Отец Хотен кивнул.

— Знаки. Такие странные, незнакомые. Круги, линии и что-то вроде букв.

— Ты сможешь их нарисовать?

— Думаю, да. Память у меня хорошая, а те знаки были уж очень приметными.

Порывшись в сумке, Лада достала восковую дощечку и стило. Хотен принял их из её рук, и принялся старательно выводить узоры. Через некоторое время он протянул доску обратно.

— Вот, так они и выглядели.

Едва взглянув, Лада нахмурилась. Взяв Дрогана чуть выше локтя, она вывела его в алтарный зал.

— Запирающие печати духов, я прав? — спросил тот, едва переступив порог покоев священника.

— И довольно сильные. Похоже, что бы это ни было, оно было запечатано в алтаре и теперь пытается выбраться. Месяц прошёл, Дроган! Скоро демон будет на свободе, и тогда

этим людям, скорее всего, конец.

— Кто-то в деревне помогает ему. Эта женщина украла покрывало. Призвала призрачных волков, как только мы отправились к хутору. Погубила скот и ту девчушку, дочь кузнеца.

— Думаю, что и смерть княжеского посланника не была случайной. Идём, времени осталось немного. Надо найти покров, пока алтарь ещё цел, а демон заточён. Будем молиться Создателю, чтобы символы были ещё целы.

Не теряя более ни минуты, охотники распахнули дверь церкви, и вышли в ночь.

Пока охотники были в церкви, на улице пошёл дождь. Из низких туч, едва различимых в наступавшей темноте, на землю падали тяжёлые холодные капли. Выйдя за дверь, Лада огляделась. Натянув посильнее шляпу, она задумалась о том, где теперь продолжить поиски, когда Дроган толкнул её локтем и указал куда-то в темноту. Там, между стен соседних домов, укрылась едва различимая в тенях фигура.

Незнакомец, кем бы он ни был, явно видел, что его заметили, но оставался на месте. Когда охотники направились к нему, тот лишь на шаг отошёл дальше в тень.

«Не ловушка ли?», — мелькнула в голове Лады мысль.

На всякий случай она плавно опустила ладонь на рукоять кинжала, укрытого под плащом.

Земля уже раскисла от дождя, превратившись в грязь. Охотники остановились за несколько шагов до укрывшегося в тенях незнакомца, и Дроган заговорил, перекрывая шорох и стук капель своим глубоким низким голосом:

— Кто ты, и зачем прячешься в канаве, как подвальная крыса? Если хочешь поговорить, выходи на свет.

Оглядевшись по сторонам, тёмная фигура шагнула вперёд, слегка откинув капюшон. Лада узнала её.

— Кто ты и зачем караулишь нас? — нахмурился Дроган.

— Это Вишка, жена кузнеца, — ответила Лада вместо неё, затем обратилась к женщине: — ты не хочешь, чтобы нас видели вместе? Почему?

Взгляд селянки был прямым. В нём не было и тени страха или нерешительности, которые Лада привыкла видеть у собеседников, знающих, с кем они говорят.

— У вас есть то, что вам не принадлежит. Прошу, верните украденное.

— Ты обвиняешь нас в воровстве? — усмехнулся Дроган.

— Если вы можете как-то иначе назвать, когда берут чужое без спроса, то воля ваша. Да только всё равно верните, что взяли.

— А как ты можешь назвать сокрытие тела княжеского посланника?

На лице Вишки, укрытом плотными тенями, не дрогнул ни один мускул.

— Разве же вы не хороните павших в бою? Может быть, вы бросаете тела воинов воронью, а не предаёте земле по обычаю? Или насаживаете на пику, на потеху толпе и корм лесным зверям? Мы не такие, как жители города. У нас принято чтить мёртвых. От земли мы родились, в неё и вернёмся.

— Похоже, ты знаешь, что произошло с посланником князя, — вмешалась Лада, предупреждая спор. — Расскажи нам. И, возможно, нам будет лучше отправиться в корчму, чтобы не вести разговор под ливнем.

Жена кузнеца мотнула головой.

— Ни к чему иным знать о нашей встрече. Что же касается твоего вопроса, ты верно решила. Знаю я, что с князьим человеком случилось. Загрызли его, как и вас пытались. Когда мы с Хольгой нашли тело, душа уже отлетела. Всё, что нам оставалось, лишь похоронить по нашему обычаю.

— Почему не сказать в деревне? Не отдать труп священнику?

Вишка задумалась, подыскивая слова.

— Тогда бы весть до князя сразу дошла. Пригнали бы солдат, да ведунов. Супротивник наш стал творить дела свои чёрные быстрее. А ведуны, вмешавшись, чего доброго ещё и меня с Хольгой скрутили. Не защитили бы мы тогда свой Чёрный ручей, не уберегли. И так уж мы близки к поражению.

— Ты — ведьма, так? Как и Хольга?

— Как и ты, сестрица, — Вишка внимательно посмотрела прямо в глаза охотнице. От неожиданности та смутилась и отвела взгляд.

— Я не такая, как вы, — только и пробормотала она.

— Почему ты отказываешься? Зачем не принимаешь свой дар?

Взгляд Лады окреп, она подняла голову и взглянула в лицо деревенской ведунье.

— Кому-то — дар, а кому и проклятие. Это — долгая история, которую я не рассказываю первым встречным. Итак, призраки убили посланника князя, и вы спрятали его тело. Потому что противостоите человеку, который хочет выпустить демона, заточённого в церковном алтаре. Ты знаешь, что это за демон, и кто ему помогает? Отвечай прямо.

— Я не знаю, кто пытается выпустить зло на головы наши, — покачала головой Вишка. — Но кем бы он ни был, собственных сил у него нет. Лишь те, что даёт хозяин. Что же до древнего духа, эту легенду знают многие. Было это давно, ещё во времена прадеда моего отца. Тогда все мы запирали двери на окованные медью дубовые засовы, а ставни закрепляли стальными крюками. Зажигали лучины и молились, каждый своим богам. И никто не ходил за плетень после того, как опускалась ночь. Потому как в лесах тогда обитало зло, называемое Волчьим пастырем. Был то огромный волк со шкурой, словно седой. По пятам за ним шла его свита. И всякий, кто встречался им на пути, находил свою смерть. Много душ погубил и пожрал тот дух, пока не очутился в наших краях могучий волхв. Но и ему не удалось тогда до конца одолеть Пастыря. Однако заключил он его в церковном алтаре, а нам сказал, что алтарь будет забирать силу волчью. Но высока была цена. Каждые десять лет жрец должен был приносить в жертву юную деву. И вот, год назад, когда подошёл срок, священник наш был убит. С тех пор Волчий пастырь и забирает силу свою назад. Ещё немного, и сможет он разорвать свои оковы.

— Погоди-ка, — нахмурился Дроган. — Так почему тот волк, которого мы видели у дома Хольги, служит ей, а не этому вашему пастырю?

— То был не волк, а волчица. И не служит она Хольге. Это и была Хольга-травница. Волхв из легенды был её предком. Уж не ведаю, чары ли так подействовали, или проклятие какое, но и сам он, и его потомки, с тех пор могут оборачиваться по своей воле. О том я и толкую — верните сундучок, что взяли. Без него нам всем туго придётся, не сможем сдержать в алтаре силу волчью без зачарованного покровы.

— Ты сказала, что жертву надо было принести год назад? — спросила Лада. — В день, когда погиб прошлый священник?

— Так и есть, — кивнула ведунья.

Охотники переглянулись.

— Что, если дочка старосты повредила ногу не так, как она рассказывала? — озвучила Лада их общую мысль.

Дроган выругался.

— Знал же, что кто-то из деревенских баб служит демону. Уж больно быстро на нас те призрачные волки напали. Так, селянка! Возьми этот сундучок, да отнеси Хольге, а мы пока попробуем с Леной потолковать.

Лада покачала головой.

— Не будем мешкать. Ты лучше возьми коня, да скачи сам. Леной я займусь.

— Может, тебе на хутор отправиться? Кто его знает, как здесь дело повернётся. Прости, но я-то всё ж покрепче буду. А верхом как раз ты лучше управляешься.

— Нет, нужно тебе ехать. Нога почти перестала беспокоить, но не совсем зажила. В седле сейчас не удержусь. И передай мне тот браслет, что нашёл на кладбище. На всякий случай.

Не тратя больше слов на спор, Дроган кивнул, отдал украшение, и вскоре исчез за завесой ливня. Лада тоже развернулась, и направилась обратно к дому старосты. Деревенская ведунья последовала за ней.

— Возвращайся домой, — бросила через плечо охотница. — Эта задача не по тебе.

Та лишь поджала губы.

— Нет уж, я от тебя не отвяжусь, милсдарыня. Если эта змея мою дочку сгубила, я прослежу, чтоб она сгнила, будьте покойны.

— Об этом я и говорю, — возразила Лада. — Ты можешь помешать мне в самый серьёзный момент. Это — моё ремесло. Не сомневайся, что если за освобождением демона стоит Лена, она от меня не уйдёт. Твоя дочь будет отомщена.

— Не знаю, как у вас в городах, а мы тут сами мстим за свои семьи, — Вишка упрямо продолжала шагать по щиколотку в грязи.

— Я не буду тратить время и силы на спор. Просто знай, что если ты будешь мешать, я ни на миг не замешкаюсь и просто убью тебя. Это понятно?

— Понятно, куда уж понятнее.

— Кстати, если хочешь помочь, — мысль внезапно пришла в голову Лады, — сделай для меня кое-что. Без пререканий. Отправляйся на конюшню при корчме и принеси мой самострел. И колчан болтов к нему. Всё это лежит в седельной сумке рядом с пегой кобылой, не ошибёшься. Ещё найди, пожалуйста, фонарь или факел. Только быстрее — а я тебя у частокола подожду.

Жена кузнеца на миг замешкалась, окинула охотницу пристальным взглядом, затем развернулась, и побежала к корчме, поскользываясь в грязи. Лада двинулась дальше. Она сдержала своё слово, и пока ведунья несла её оружие, наблюдала за домом. Едва та появилась с арбалетом и парой факелов, охотница перелезла через частокол и отодвинула засов, запуская свою помощницу.

Свет в окнах не горел. Дождь скрадывал все звуки, когда две женщины подобралась к дому старосты, двигаясь в тених. Аккуратно выставив ставень, Лада пробралась внутрь дома, оставляя на чистом полу мокрые грязные следы.

— Ты не знаешь, где комната Лены? — шёпотом спросила она появившуюся следом жену кузнеца.

Вишка отрицательно покачала головой.

— Ну, тогда пойдём наудачу, — пробормотала Лада.

Она пересекла полосы лунного света, лежавшие на полу, и взяла лучины. В их тусклом сиянии охотница миновала порог, оказавшись в коротком коридоре. Здесь не было окон, и всё пространство укутывала тьма. Проходя мимо первой двери, Лада слышала могучий храп, какой мог издавать только крепкий мужчина средних лет. За остальными царил тишина. Охотница осторожно приоткрыла каждую по очереди, и в крайней комнате нашла вещи, явно принадлежавшие молодой женщине. Самой Лены на месте не было. Нетронутая

постель свидетельствовала, что хозяйка в эту ночь не ложилась.

— Плохо, — произнесла Лада. — Возможно, наше появление действительно заставило её действовать быстрее. Куда она могла пойти?

Вишка пожалала плечами. Лада отвернулась и направилась в комнату старосты. Пинком отворив дверь, она, не церемонясь, подошла и как следует толкнула Мирча в плечо. Тот сел, моргая и осоловело оглядываясь по сторонам.

— Где дочь? — спросила Лада, не давая ему прийти в себя.

— Чья? — прохрипел Мирч, уставившись на охотницу.

— Твоя, естественно! У меня дочерей нет! Отвечай быстро, а то отправишься на плаху раньше, чем взойдёт солнце!

— Дык, это, — староста мотнул головой. — У себя она, спит. Где ж ей быть-то ещё? Ночь на дворе.

«Значит, действительно не знает, чем занимается Лена», — подумала охотница и достала браслет, переданный ей Дроганом.

— Узнаёшь?

— Как не узнать? Я ж его сам дочке из города привёз. Откуда это он у тебя взялся?

Оставив вопрос без ответа, Лада бросила украшение старосте, развернулась и вышла. Вишка не отставала ни на шаг.

— Куда теперь? — коротко спросила она.

— Внимательнее общем кладбище. Не думаю, что огни по ночам просто так появлялись. Да и браслет не случайно мы там нашли.

Дождь становился всё сильнее. Когда женщины обыскивали погост, бродя меж могильных камней, высоко в мрачных небесах сверкали молнии. Гром сотрясал земную твердь, размываемую потоками ледяной воды.

Наконец, Ладе удалось схватить удачу за хвост. На одной из тропинок, в грязи, она обнаружила цепочку свежих следов, уже почти смытых ливнем. Луна, прорвавшаяся сквозь изодранный саван грозовых туч, осветила пространство вокруг. В её бледном сиянии охотница заметила, что отпечатки пропадали у небольшой могильной плиты, лежавшей прямо на земле. Та была такой старой, что выбитые слова едва читались на истерзанной ветром поверхности. Однако стоило Ладе уцепиться получше, как оказалось, что плита гораздо легче, чем казалось на первый взгляд. Камень оказался всего в палец толщиной. Не без труда, но охотница отодвинула его в сторону, и скопившаяся вода низверглась в чёрное чрево фальшивой могилы, прямо на стоптанные древние ступени. Из глубины доносился тихий монотонный напев. Кончики пальцев охотницы словно пронзили мириады тонких иголок.

Там, под землёй, творилось колдовство.

Лада огляделась в поисках Вишки. Луна то появлялась в разрывах туч, то исчезала. Но ведунью было хорошо заметно в свете факела. Та как раз наклонилась, чтобы осмотреть что-то на земле. Пригнувшись, охотница нырнула в подземный проход. Она исполнила обещание и ждала Вишку у дома старосты. Насчёт потайных туннелей уговора не было.

Приземлившись, Лада едва не поскользнулась на мокром камне. Посветив вокруг факелом, охотница увидела перед собой небольшую лестницу, ведущую в коридор с низким потолком. Дрогану пришлось бы там пригнуться, но невысокая Лада легко прошла вперёд. К комнате, из которой доносился напев и виднелись всполохи пламени. Охотница осторожно приблизилась ко входу, затушила факел, зарядила арбалет, и заглянула.

Круглый зал, который она увидела, не порадовал размерами. Этого и можно было ожидать от тайного подземного убежища. Стены, облицованные камнем, сочились влагой. Поверхность их была выщерблена и покрыта вековой копотью. Пол устлала шкуры множество волков. Об их возрасте говорило то, что шерсть по большей части вылезла, и клочьями валялась вокруг. Жёлтые клыки скалились в жутких звериных улыбках, пустые глазницы смотрели в потолок.

В центре стояла жаровня, в которой, изгибаясь, танцевало пламя. Судя по висевшему в воздухе сладковатому запаху, кроме хвороста горели и какие-то травы, но Лада не смогла их опознать. По ту сторону огня, закрыв глаза, замерла Лена. Сейчас её было не узнать. Простое деревенское платье сменила волчья шкура, накинутая на обнажённое тело. Во весь живот алой краской Лена начертала символ, изображавший распахнутую оскаленную пасть. Воздев руки, дочь старосты пела. Протяжно, заунывно. Эта песнь больше напоминала волчий вой. Она призывала сбросить оковы, освободиться, выйти на охоту. Вновь отведать тёплой алой крови, ощутить, как замирает трепещущее сердце добычи.

Лена открыла глаза. Её взгляд встретился со взглядом Лады, и дочь старосты хищно оскалилась.

— Я знала, что ты придёшь.

Охотница кивнула и молча наставила на девушку арбалет. Та лишь покачала головой.

— Поздно. Волчий пастырь освободится. Теперь этого уже не изменить. Осталось лишь...

Прервавшись на полуслове, Лена запустила руку в огонь и, выхватив массивную пылающую ветвь, замахнулась, чтобы кинуть её в Ладу. Та отреагировала мгновенно, нажав спусковую скобу. Коротко свистнул болт, пробив грудь дочери старосты. Вскрикнув, та завалилась вперёд, прямо в огонь. Волосы и шкура вспыхнули мгновенно. Рыжие всполохи пламени объяли обнажённое тело, пожирая плоть. Последним усилием Лена откинулась назад, на старые волчьи шкуры, которые сразу же стали потрескивать.

Скинув плащ, Лада одним рывком оказалась рядом и накинула на девушку мокрую ткань. Зашипев, огонь погас. Лицо Лены теперь напоминало безобразную маску. Волосы полностью спеклись, сквозь обугленную кожу виднелись зубы и кости черепа. Левая глазница была пуста — вскипевший глаз полностью вытек, вместо него зиял провал. На остатках губ запекалась кровь. Яркая в центре, бурая по краям.

И всё же эти губы улыбались. Дыхание вырывалось со свистом и клочьями розовой пены, когда Лена что-то тихо произнесла. Лада наклонилась, оставаясь настороже и ожидая подвоха, но умирающая лишь прохрипела напоследок:

— Спасибо... тебе. Это была... последняя жертва. Теперь они заплатят... а я, наконец, отдохну...

Больше она не сказала ни слова. Уцелевший глаз застыл. Лада закрыла его, поднялась на ноги, и принялась осматривать помещение. Искать пришлось недолго — в нише у стены охотница обнаружила скрученные и перевязанные верёвкой листы пергамента. Лада начала развязывать узел, когда её прервали.

Снаружи донёсся протяжный громкий вой.

Дождь затих, но молнии продолжали сверкать над самой деревней. Лада выбралась из подземелья, перемазавшись в грязи, и снова запалила факел. Петляя меж могильных камней, к ней уже спешила Вишка.

Вой теперь не прекращался. Подбежав, деревенская знахарка с ужасом оглянулась на церковь. От её самоуверенности не осталось и следа.

— Что ж теперь будет-то? — охнула селянка, держась за амулет на запястье.

— Лена мертва. Похоже, демон готов вырваться на свободу. Я попробую его сдержать. Ты со мной?

Вишка с сомнением посмотрела на охотницу.

— Да сдюжим ли?

— Я попробую, — с нажимом повторила Лада. — Если сомневаешься, лучше иди, выводи семью. Я выиграю время.

Знахарка кивнула, развернулась и побежала к своему дому. Лада заметила, что в окнах всех домов горит тусклый свет, но ни один селянин не появился на улице. Перезарядив арбалет, охотница кинулась ко входу в церковь.

Дверь была распахнута. Внутри, напротив алтаря, находился лишь один человек. Отец Хотен стоял на коленях, молитвенно сложив руки. Ладе даже не нужно было прислушиваться, чтобы понять, какую молитву он читает.

— Святой отец! — крикнула она. Тот обернулся. — Уходи, твои молитвы его не сдержат!

Священник упрямо покачал головой, не переставая бормотать воззвание к Создателю. На лице его застыло выражение ужаса, но всё же отец Хотен не сдвинулся. Выругавшись, Лада шагнула вперёд, но в этот миг старая церковь сотряслась до основания. Снаружи раздался оглушительный раскат грома. Вой, к тому времени не прекращавшийся, стал громче. В нём чудилось торжество. И вот над алтарём, словно из тумана, появился призрак. Огромный волк с мертвенно-бледной шкурой шагнул из пустоты на пол церкви, прямо перед священником. Тот попытался заслониться, когда чудовищная пасть сомкнулась на его правой руке. Хотен на миг замер. Затем издал пронзительный визгливый крик, оборвавшийся, когда удар лапы отбросил его к стене.

Не теряя времени, Лада вскинула и разрядила арбалет в голову призрака. Наконечник из холодного железа пронзил призрачную плоть. В ответ в её голове послышался смешок. Демон сделал пару шагов и уселся напротив охотницы. Его голова возвышалась над ней локтей на пять.

«Ты забавное человеческое существо. Не боишься меня?»

Лада готова была развернуться и броситься наутёк. Но она знала, что стоит поддаться панике, и ей конец. Не стоит бежать от волка — умрёшь уставшим. Собрав остатки воли, охотница молча заглянула в глаза демона.

Это было ошибкой. Всё безумие Нави, искажённого мира Нереальности за гранью бытия, обрушилось на разум Лады.

«Кажется, я кричу?» — отстранённо подумала она.

Перед глазами, сменяясь в бесконечном калейдоскопе, проносились непостижимые картины иных пространств. Всполохи титанических энергий, сталкивающихся в

непрекращающейся борьбе и сливающихся в экстатическом единстве, меняющие всё, чего касались. Колоссальные существа, рвавшие друг друга на бескрайних пепельных равнинах, меж зазубренных пиков из чёрного стекла. Заунывные фиолетовые звуки сверлили разум, заставляя его извиваться в бесконечных отражениях себя самого. Алые запахи, словно черви, проникали в вены и откладывали там своё нечестивое потомство, прорастая в самую суть души, пожирая её, подобно ненасытным тварям из предначальных эпох, когда не было ещё ни времени, ни формы, ни пространства...

«Зачем сопротивляться?», — гремел над всем этим голос Волчьего пастыря. — «Ты умрёшь здесь! Ты обречена!». — Затем он становился тихим, вкрадчивым, словно ввинчивался в сознание: «или ты можешь жить. Ты получишь всё, чего желаешь. Все твои мечты и надежды станут явью. Только откройся мне, прими меня. Тебе больше никогда не будет страшно. Не будет одиноко. Ты не испытаешь боль, отчаяние. Зачем отвергать меня, возвращаться в мир, который того не стоит? К людям, которые плюют тебе вслед? Которые сами принимают наши дары, чтобы нести другим смерть? Которые не стоят того, чтобы защищать их от их же собственного зла?»

Лада знала, что всё, что говорит демон, правда. И всё же...

«Нет!», — отчаянным усилием охотница пыталась зацепиться за мелькнувшую мысль. Что же это было? — «Верно, люди сами делают выбор. Сами решают принять ваши так называемые дары. Иногда даже ищут вас, чтобы заключить сделку. Это — их выбор, но не мой. Я не могу отвечать за других, но сама никогда не стану твоим слепым орудием!»

Лада пришла в себя, стоя на четвереньках и тяжело дыша. Подняв голову, она увидела демона, сидевшего напротив и внимательно смотревшего на неё. Дрожащей рукой, Лада потянулась за кинжалом на поясе. В сознании раздался едкий смешок.

«Бессмысленно. Если ты отвергла моё более чем щедрое предложение, хотя бы ляг, отдохни. Сейчас ты умрёшь».

Демон стремительно ринулся вперёд, но вдруг закрутился и завыл. Послышалось шипение. От белёсой шкуры валил дым.

— Убирайся в Навь, отродье мрака! — прислонившись к стене, отец Хотен сжимал уцелевшей рукой флакон с символом Создателя.

«Святая вода», — догадалась Лада.

Подхватив арбалет, который она уронила на пол, терзаемая видениями, охотница откатилась в сторону. Шляпа слетела с головы.

«Надо добраться до священника», — пульсировала мысль в воспалённом мозгу. — «Если он не успеет потратить всю воду, у нас есть шанс».

Волчий пастырь задрал голову и издал протяжный вой. В ответ на него из колыхающихся теней в углах церкви выступили уже знакомые Ладе призрачные волки.

Первого охотница поразила, едва тот появился. Метким выстрелом она послала арбалетный болт прямо в голову. Холодное железо наконечника пронзило тварь, и с глухим стуком ударилось в стену позади. Лада начала перезаряжать арбалет, заметив, что оставшиеся волки кинулись в её сторону, когда у входа раздался грохот шагов. Обернувшись, охотница увидела в дверях Дрогана с секирой наперевес. Вслед за ним в церковь забежала высокая худая женщина в белой вышиванке, подол которой потемнел от свежей грязи. Вскинув руку с зажатым в ней амулетом, незнакомка произнесла несколько слов, и до Лады докатилась волна Силы. Ближайший к выходу призрачный волк растворился, не издав ни звука. С боевым кличем Дроган кинулся в атаку, прямо на Волчьего пастыря. Тот повернул

оскаленную пасть к наступавшему воину.

Ладе некогда было следить за братом — два зверя уже неслись на неё. Успев зарядить арбалет, охотница выстрелила прямо в распахнутую пасть, находившуюся всего-то на расстоянии вытянутой руки, отбросила бесполезное теперь оружие, и перекатилась, уходя от клыков второй твари. Когда Лада поднималась, острая боль в ноге напомнила о прошлой схватке с этими порождениями Нави. Не ожидая внезапной вспышки боли, Лада оступилась, и налетевший волк тут же сбил её с ног, подмяв под себя. Воплотившись для атаки, тварь стала слишком тяжела — как ни старалась Лада, выбраться из-под массивной туши не получалось. Да и сам зверь не стоял на месте — его клыки щёлкали с разных сторон от лица охотницы, пытаясь добраться до её горла. Лада отбивалась, наотмашь нанося удары бронированным предплечьем, одновременно другой рукой пытаясь дотянуться до кинжала. Бесполезно — зверь слишком быстро двигался. Его клыки скользили по прочной коже воротника, но, в конце концов, они нашли свою цель. Плечо онемело от мощной хватки, поверх ткани быстро расплзлось пятно крови. Волк вцепился в руку Лады, мотая головой в попытках порвать сухожилия. Вскрикнув, та в отчаянии извернулась и сама вцепилась твари в горло. Конечно, слабые человеческие зубы не могли прокусить волчью шкуру, но Лада стиснула их, что было сил, не давая противнику повернуться.

Давление пропало. Чтобы вырваться из ловушки, тварь исчезла и появилась снова в паре метров слева. Воспользовавшись секундной заминкой, Лада всё-таки успела выхватить кинжал и выставить перед собой. Окровавленная пасть волка превратилась в туман прямо у неё перед глазами.

Охотница бессильно откинулась за старые доски пола. От них пахло сыростью и кровью. Найдя в себе силы оглядеться, она убедилась, что врагов вокруг не осталось. Тяжело перекатившись за широкую деревянную колонну, поддерживавшую потолок, Лада достала из сумки повязки и наскоро перевязала руку, чтобы остановить кровь. Силы стремительно покидали тело охотницы. Она вложила кинжал обратно в ножны, достала здоровой рукой флакон из поясной сумки, и осушила его. Завтра от зелья будет раскалываться голова и придётся расплачиваться тошнотой и слабостью. Но сейчас оно вернёт так нужную бодрость.

А завтра ещё должно наступить.

«Будем решать проблемы по мере поступления», — подумала Лада, прислушиваясь.

В церкви стояла тишина. Слышалось лишь чьё-то громкое дыхание, да тяжёлые шаги. Лада потянулась, чтобы выглянуть, но тут кто-то коснулся её плеча. Охотница обернулась, подавив в зародыше инстинктивный вскрик, и увидела Дрогана. Поправив шлем, он наклонился ближе и прошептал:

— Вымани тварь на себя. Отвлеки, чтобы я мог подкрасться сзади.

— Не уверена, что секира будет эффективна против него.

— С каких пор ты стала так разбираться в демонах? Насколько я знаю, это твой первый.

— Твой — тоже, так что давай без самоубийственных планов...

— Просто вымани его! Остальное я возьму на себя! — перебил Дроган и скользнул за следующую колонну с секирой наперевес.

Выругавшись, Лада подобрала лежавший в стороне арбалет, зарядила его, и осторожно высунулась. Призрачных волков не осталось, но в центре зала, напротив алтаря, возвышался Волчий пастырь. Он сидел ровно на том же месте, где чуть раньше Лада застала священника. Казалось, демон тоже молился, но вряд ли его слова были обращены к Создателю. Прикрыв

глаза, Лада вытянула руку, касаясь потоков энергии сверхъестественным чутьём, и тут же прервала контакт. От Пастыря к алтарю тянулся поток энергии, столь отвратительной, что Лада едва вынесла её присутствие. Сомнений не было — демон осквернял священное место.

«Я чую твоё присутствие, ведьма», — послышался в голове смешок Пастыря. — «Выходи, поговорим ещё раз».

Тихие и вкрадчивые слова ласкали, словно шёлк, но Лада сомневалась, что демон снова попробует очаровать её. Скорее просто убьёт. Но выхода не было — она видела, как за соседней колонной приготовился к прыжку Дроган. Лада вышла, положив арбалет на предплечье раненной руки. Как она и предполагала, демон тут же развернулся к ней, раскрыл пасть и стремительно бросился вперёд.

Но Дроган оказался ещё быстрее. Выскочив из укрытия, он плечом врезался в Пастыря, немного сбив того с пути. Чудовищный волк отшатнулся, и в этот момент воин с размаха нанёс ему удар секирой по хребту, вложив в него всю силу.

Если бы на его месте был обычный зверь, даже такого огромного размера, у Волчьего пастыря не было бы шансов. Стальное лезвие с горящими рунами разрубило бы его пополам. Но Пастырь не был обычным волком. Извернувшись, он перехватил воина пастью и оторвал от земли. Несколько раз мотнув головой, он резко разжал клыки, отбросив Дрогана в сторону, и обернулся к Ладе.

Но той уже не было на месте. Нырнув за колонну, она стремительно неслась по кругу. Туда, где в последний раз видела отца Хотена.

Священник был ещё жив. Его лицо покрывали страшные рваные раны. Рука, перетянутая кушаком над локтем, представляла собой кровавый обрубок.

— Кто здесь? — прохрипел священник, почувствовав чужое присутствие.

Глаза его были залиты кровью.

— Это я. Отец, у тебя ещё осталась святая вода?

Хотен слабо дёрнул уцелевшей рукой куда-то в сторону. Оглянувшись, Лада увидела лежавший на полу запечатанный флакон. Быстро сорвав пробку, она обмакнула связку болтов, сколько смогла просунуть через горлышко, и запечатала оставшуюся воду, убрав в поясную сумку. Прошептав короткую молитву во время перезарядки арбалета, охотница выглянула в зал.

Волчий пастырь стоял на открытом пространстве позади алтаря. Оставаясь в укрытии, Лада навела на него арбалет, когда в её голове снова прозвучал голос.

«Выходи. Что бы ты ни задумала, я успею убить твоего друга».

Переместившись в сторону, Лада убедилась, что мощные когти демона лежали на груди её товарища. Из укрытия Лада не могла видеть, жив тот или нет. Дроган лежал неподвижно, запрокинув голову. Мгновения тянулись одно за другим, когда воин вдруг слегка пошевелился. Лада с облегчением вздохнула.

— Чего ты хочешь? — спросила она, оставаясь в тени.

«Я освободился. Теперь уже ничто не загонит меня обратно. Я мог бы уничтожить вас обоих».

— Но не уничтожаешь. Ты понял, что я добралась до священника. И опасаясь, что у него могло остаться оружие против тебя, поэтому Дроган ещё жив, и ты пытаешься договориться, чтобы себя обезопасить!

«До священника?», — Лада с тревогой поняла, что в мысленном послании демона смешались насмешка и торжество. — «Кому нужен этот червь? Я думал, ты добралась до

другого смертного, у которого действительно могло быть оружие против меня! Но раз это не так, тогда...»

Вдруг торжество в словах Пастыря сменилось воплем гнева и удивления. Быстро выглянув, Лада увидела, как тот растворяется в воздухе. За ним, держась одной рукой за живот, стояла женщина, пришедшая с Дроганом. Во второй руке она сжимала простой деревянный посох. Тяжело опираясь на него, незнакомка неуверенно прошла вперёд.

— Быстрее, у нас мало времени.

— Ты изгнала демона? — недоверчиво спросила Лада, выходя из-за колонны.

Женщина в ответ покачала головой.

— Нет. Пока он лишь частично перешёл в наш мир, и мне удалось временно разорвать его связь с Явью. Но скоро злой дух вернётся, поэтому прошу тебя, поторопимся. Пока есть время, нужно обновить печати. Я — Хольга, мой предок когда-то связал Пастыря, и я смогу сделать это снова.

Подбежав, Лада подставила плечо и помогла травнице добраться до алтаря. С ужасом она отметила, что Хольга едва удерживает свои внутренности в распоротом животе.

— Как же ты будешь колдовать в таком состоянии? — пробормотала охотница.

Та лишь улыбнулась окровавленными губами. Обмакнув пальцы в собственную кровь, травница начала выводить на белой ткани алтарного покрывала символы. Лада поняла, что уже видела их раньше. На рисунке, сделанном рукой отца Хотена. Шепча заклинания, Хольга прикрыла глаза, и заметно покачнулась. Охотница поддержала её за плечи.

— Что происходит? Мы победили?

Дроган, пошатываясь, поднимался с пола, поворачивая голову в поисках секиры. Вместо ответа раздался леденящий кровь вой, и прямо из пустоты на Ладу ринулся Волчий пастырь. Она успела вскочить и разрядить в него арбалет, когда огромная туша сбила её с ног и прижала к полу. Было видно, что в этот раз демон не будет разговаривать. Он раскрыл пасть, чтобы, наконец, оборвать жизнь охотницы.

Но Лада не собиралась так просто сдаваться. Рука её успела нашарить нужную склянку на поясе, и навстречу опускающейся пасти демона брызнул поток прозрачной жидкости. Раздалось шипение, повалил дым, Волчий пастырь испустил вопль, полный боли. Остатки святой воды сделали своё дело. Сквозь опускающуюся пелену Лада успела заметить, как Дроган, подобрав секиру, из последних сил наносит удары по демону.

Последнее, что увидела Лада, была улыбка Хольги, оседающей на пол. Последним, что она почувствовала, были потоки силы, хлынувшей в новую печать.

Грохот. Полный ненависти вой.

Потом опустилась тишина.

Когда Лада открыла глаза, был день. Солнце выткало на полу сияющий ковёр из лучей, лившихся в небольшую комнатёнку через маленькое квадратное окно. Охотница повернулась набок, и увидела мальчика лет четырёх в длиннополой рубахе из серого льна. Тот посмотрел на женщину округлившимися глазами, развернулся, и выбежал. Спустя миг снаружи донёлся его звонкий голос:

— Тятя, она проснулась!

Лада снова откинулась на спину и уставилась в потолок, сдерживая подступившую тошноту. Прислушалась к ощущениям. Всё тело болело, однако на душе было спокойно. Она тихо ждала, когда к ней придут.

Через минуту раздался шорох лёгких шагов. Женских. И верно — вскоре в проёме появилась знакомая фигура. Охотница узнала вошедшую, даже глядя краем глаза.

— Доброго тебе утречка, госпожа, — проговорила Вишка, присаживаясь на лежанку. — Ох, и грохоту у вас там было! Вся деревня по домам до утра сидела, молились Создателю. Я только мужа растолкала за вами идти. Говорю, «если уж они померли и Волчий пастырь свободен — всё одно не убежать, а ежели кто жив — тем помощь нужна будет». И точно так и вышло, как я сказала.

— Спасибо тебе. Хорошо, что со мной тогда не пошла — толку было бы немного, а риск велик. Хольга?

Вишка нахмурилась.

— Да пребудет с ней милость духов. Но не изволь беспокоиться, печать она поставила. Я уж за ней присмотрю, да и отец Хотен сказал, что посодействует.

— Священник выжил? Это хорошо. Что с моим товарищем?

— И он живой. Потрепало его сильно, да на нём всё зарастает, как на собаке, прости за сравнение. Сегодня уже вовсю за девками нашими ухлёстывал. Да только побаиваются они его.

Лада приподнялась на локтях.

— Сколько времени прошло? И где моя одежда?

Вишка поднялась и закрыла дверь.

— Вот здесь одёжка твоя, в сундуке. Постирана, заштопана. Одевайся, ежели хочешь. Времени прошло не так много, позатой ночью вы Волчьего пастыря прогнали. Вчера староста, как услышал историю про дочку свою, так и съехал, незнамо куда. Даже на тело её смотреть не стал. Но священник всё ж распорядился похоронить Лену, как человека, хоть и за оградкой. И ждать три дня не велел. Вчера вечером её в землицу-то и положили лицом книзу, набив рот чесноком. Ну а Хольгу уж мы сами, по нашему обычаю.

— Что теперь будет с её вещами?

— У меня они. Я уж присмотрю, в дурные руки не попадут, об том не волнуйся.

Лада села, нахмурилась.

— Надеюсь, это ты меня раздела?

Знахарка коротко усмехнулась.

— Не беспокойся, ни единая живая душа из местных твоих прелестей не видала, окромя меня. Я тебя и раздела, и отмыла, и раны обработала. Оставайся здесь, сколько хочешь. Поправляй здоровье.

Охотница огляделась. Комната была совсем маленькой, шага в три. Всего-то и помещалось в ней, что лежанка да сундук, накрытый простенькой скатеркой. Судя по всему, служил он здесь одновременно и столом, и прикроватной тумбой.

— Спасибо тебе за всё. Это твой дом?

Вишка кивнула.

— Госпожа, я тебе ещё нужна зачем-нибудь?

— Нет. Разве что воды бы мне. И что-нибудь из еды, если можно. Я заплачу, сколько скажешь.

— Какие деньги? — обиженно насупилась хозяйка. — Я-то знаю, как вы нам помогли. Сейчас всё будет, не изволь беспокоиться.

Когда травница вышла, Лада полезла в свою сумку. Все вещи были на месте, включая пергаменты, обнаруженные в подземелье под кладбищем. Наскоро одевшись, она развязала верёвку, развернула листы и погрузилась в чтение.

Уезжали на следующий день. Никто не вышел проводить их в дорогу. Но, по крайней мере, хоть вслед не плевали, да не запирали окна и двери. Дроган, прикрыв глаза от солнца, наблюдал, как резвятся в стороне деревенские дети. Они били палкой старого пса и кричали «Волчий пастырь сдох! Волчий пастырь сдох!»

Воин покачал головой.

— Смотри-ка, новая игра появилась.

— Бедное животное, — вздохнула Лада. — Теперь, конечно, можно его бить. Настоящий демон заперт — самое время быть смелым, а не запирается дома за крепкой дверью. Эй, оставьте в покое пса!

Услышав её голос, дети разбежались, крича «Ведьма!».

— Такая уж человеческая природа. Мы всегда высмеиваем то, чего боимся, но по ночам всё равно запираем двери. И дрожим, оставшись наедине с темнотой. Так что ты прочитала в тех пергаментах?

— Это был дневник Лены. Грустная история. Как всегда, почти за каждой ведьмой, продавшейся Нави, стоит что-то похожее. Жестокий отец, который бил мать, и той пришлось сбежать от него в город с детьми. Лена осталась, чтобы староста не последовал за женой и не убил её в припадке гнева. Вот девочке и пришлось принимать на себя всю его ругань, побои и недовольство. Дочка кузнеца с подругами издевалась над ней, сделав изгоем в деревне. Отцу, конечно, было всё равно. Но девочка держалась. Пока однажды в лесу на неё не напал священник. Это и стало последней каплей.

— Тот, который был до отца Хотена? Которого волки загрызли?

— Да. Он хотел принести Лену в жертву для поддержания силы печати, но та об этом не знала. Да и знала бы — разве от этого было бы легче? В общем, взмолилась девочка всем богам и демонам. Ну, Волчий пастырь её и услышал. Он хоть и был слаб, да только печать тоже. Так что призвать волков, используя силу молитвы Лены, у Пастыря получилось. Так она и стала ему служить, и уж теперь-то мстила за всё сполна. Разве что против отца идти всё ещё боялась — старые страхи так просто не изжить, видимо.

— И Лена решила освободить демона, дабы предал он деревню гибели за грехи жителей её? — Дроган презрительно фыркнул. — Ничего нового. Это в балладах могущественные колдуны ищут силу и власть, и заклинают демонов ради познания тайн мироздания. А чаще всего бывает вот так — мелкая обида да месть и приводят к смертям.

— Ну, уж не мелкая обида. Добрые селяне девочке жизнь сломали, можно сказать. Тяжёлая у неё судьба. Счастливые люди душой обычно не жертвуют. Я даже как-то и не злюсь на неё. Да и что толку злость на мёртвых копить?

— Судьба тяжёлая, говоришь? А у кого она была лёгкой? У тебя? Или у меня, быть может? И что же, мы ведь не стали душегубами. Каждый делает свой выбор, Лада.

Охотница внимательно смотрела на дорогу, мерно покачиваясь в седле. Мысли её были мрачны.

— Верно, душегубами мы не стали. Но ты никогда не думал, что, возможно, это было лишь делом случая?

Ничего не ответив, Дроган просто махнул рукой и отвернулся.

На ночной привал остановились под раскидистыми ветвями вековой ели. Её широкие могучие лапы надёжно защищали от дождя, весь день собиравшегося с силами и под вечер, наконец, низвергнувшегося с небес. Дроган выкопал яму, откинув подальше сухую хвою, и развёл костёр. Лошади неодобрительно озирались вокруг, но сочная свежая трава была лишь там, за стеной ливня. А выходить из надёжного сухого укрытия так не хотелось!

— Смотри, — Лада под села к товарищу, следившему за котелком.

Тот, нехотя, отвлёкся от готовки и повернул голову.

— Среди записей я нашла вот такой знак. Распахнутая клыкастая пасть. Может быть, этот символ ничего не означает. Просто фантазия Лены. Но мне кажется, что она не стала бы тратить время на то, чтобы нарисовать ничего не значащее изображение у себя на животе, когда счёт шёл на минуты. Присмотрись, ты не встречал что-то подобное?

Дроган прищурился, подумал пару мгновений, затем покачал головой.

— Нет, точно не видал. Доберёмся до старших, спросим. Если он что значит, Тихомир или Ярополк должны его узнать.

Лада кивнула и вернулась на место. Ночная тишина наполнилась звуками. Пищали мыши, погибая в когтях сов. Потрескивала попадавшая в пламя хвоя. Шелестел по листьям дождь. И ещё долго среди стволов деревьев Ладе чудился блеск волчьих глаз.

На следующий день, когда солнце перевалило за зенит, впереди показались белокаменные стены Миргорода, окружённые водами реки Копейки. Миновав бедняцкие хижинки предместий, охотники проехали под аркой портовых ворот. По узкой улочке, разбрызгивая грязь, оставшуюся после недавнего дождя, они спустились к докам. Ехать приходилось медленно — дорога была забита телегами и людьми, то и дело едва не попадавшими под копыта. Наконец Лада с Дроганом выбрались на открытое пространство и направились вдоль набережной, сопровождаемые криками чаек, стуком молотков, да визгом пил. Солнечные блики отражались на воде и высвечивали паруса стоящих у причалов речных судов. От воды пахло рыбой.

Проехав вдоль реки, охотники снова поднялись в Большой город, к крытому каменному мосту на Сокольничий остров, где возвышался Кремль и располагалась ставка Ордена. По бокам проезда, уткнувшись в перила, были понатыканы тенты, под которыми торговцы разложили на прилавках свой нехитрый товар — в основном, озимая репа да тёплые вещи.

— Не изволишь ли шерстяные рукавички, красавица? — крикнул крупный красноносый мужчина в кафтане зелёного сукна. — По ночам ещё стыло бывает!

Лада сделала вид, что не слышит, и вскоре они с Дроганом уже подъезжали к ставке

Ордена Охотников. Из-за невысокой каменной стены, окружавшей задний двор, доносились удары стальной по дереву и слышалось тяжёлое дыхание. Оставив лошадей на коновязи, Дроган толкнул тяжёлую входную дверь и вошёл в приёмную. Лада — следом.

Внутри шёл ожесточённый спор. Напротив входа стоял массивный письменный стол, заваленный горами свитков. За ним сидели круглолицый бородатый монах в простой чёрной рясе и отрок чуть старше десяти. Напротив, опершись обеими руками о столешницу, стоял невысокий, но крепко сбитый человек в кольчуге.

— Я требую деньги целиком! — кричал он немного визгливым голосом. — Все десять гривен! Это какой-то грабёж!

Монах тяжело вздохнул и ровным голосом, судя по всему — не в первый раз, ответил:

— По договору вам причитается по две гривны на человека. Поскольку твоих знакомых поблизости я не наблюдаю, полная сумма составляет две гривны.

— Да что ж ты за человек-то такой! Как ты себе это представляешь? Друганов моих буквально растерзали у меня на глазах! Мне нужны их деньги!

— Ещё раз приношу свои соболезнования, но ничем не могу помочь. Я связан буквой договора. Согласно ей, ты можешь либо забрать свою награду в две гривны, либо оставить её нам, чтобы мы провели подобающую панихиду по твоим павшим товарищам.

— Обойдутся, — буркнул наёмник, сгрёб лежавшие на столе серебряные стержни, и стремительным шагом пронёсся мимо Дрогана, хлопнув дверью.

— С какими людьми приходится работать! — монах тяжело вздохнул, закатив глаза.

Дроган рассмеялся и шагнул вперёд.

— И не говори! Я смотрю, ты даже похудел от нервов!

— Убери руки от моего живота, невежественный мирянин. Прости, Создатель, его глупые богохульные слова против верного Твоего слуги! Не ведает сей грязный варвар, что говорит!

Монах улыбнулся и пожал протянутую руку Дрогана, коротко поклонился Ладе. Мальчишка рядом с ним приветливо помахал рукой.

— Как прошла поездка? Наш информатор дал хорошую наводку?

— Да, есть, что рассказать, — ответила Лада. — Ярополк у себя?

Пальцем, похожим на небольшую сардельку, монах ткнул в сторону двери у себя за спиной. Дроган кивнул и направился к ней. Поднявшись по каменной лестнице, охотники вошли в тесную комнату, заставленную стеллажами с книгами и свитками. Это место можно было бы принять за келью учёного монаха, но здесь располагался кабинет главы Ордена охотников Миргородского княжества, Ярополка. Сам он сидел за широким письменным столом напротив двери. За его спиной было огромное, во всю стену, окно, из которого открывался великолепный вид на город.

Ярополк уже разменял четвёртый десяток лет. Длинные светлые волосы стягивал простой кожаный обруч, усы и борода были аккуратно пострижены. На худом вытянутом лице лежала печать времени — глубокая сеть морщин, усталый взгляд и плотно сжатые губы. Как только дверь открылась, светло-голубые, почти бесцветные, глаза уставились на вошедших. И тут же словно сменилась маска на представлении уличных артистов — Ярополк улыбнулся, и от сурового, побитого жизнью вояки не осталось и следа. Он встал и протянул руку Дрогану, приветствуя его, как старого друга. Во взгляде появилась жизнь и искра, даже кожа будто разгладилась.

— Лада, всегда удивлялся твоей способности так прекрасно выглядеть с дороги! —

пробасил он. — Вижу, вы в очередной раз вернулись с триумфом. Ну, и с чем вам пришлось столкнуться?

Ярополк внимательно выслушал рассказ охотников, время от времени задавая уточняющие вопросы. Чем дольше он слушал, тем мрачнее становилось его лицо, пока, наконец, оно не вернулось к привычному мрачному выражению. Когда Лада закончила говорить, Ярополк кивнул, и повернулся к окну, заложив руки за спину. Некоторое время глава Ордена стоял молча, будто пытаясь разглядеть далёкую деревню Чёрный ручей.

— Столь мощный демон в дне пути от столицы, немыслимо! — наконец пробормотал он и снова затих на некоторое время. Охотники ждали, когда Ярополк продолжит, и вскоре тот произнёс: — Мы постепенно проигрываем. С каждым годом Навь становится всё сильнее. Твари, о каких мы и помыслить не могли, когда я только поймал свою первую ведьму, вылезают из своих нор.

Такое отчаяние слышалось в его тихом голосе, что Ладе стало не по себе. Невольно она шагнула вперёд.

— Ярополк, ты всегда был лучшим из Ордена. Если в тебе угаснет надежда, её не останется для всех нас. Что бы ни случилось, ты не должен сдаваться.

Старый воин обернулся. Губы его растянулись в улыбке, но глаза оставались потухшими.

— Ты права. Не время опускать руки, ещё так много работы, — он провёл рукой по волосам, и улыбка померкла. — Наверное, просто давно не спал. Если у вас всё, можете ступать. Отдохните хорошенько. Думаю, новая работа не заставит себя ждать.

Дроган уже повернулся к выходу, когда Лада спохватилась и достала из своей сумки старый свиток.

— Вот, посмотри. Не встречался ли тебе этот символ? Мы нашли его в подземелье под кладбищем.

Ярополк едва взглянул и покачал головой.

— Поговори с Тихомиром. Он отдыхает на заднем дворе.

Попрощавшись, охотники вышли.

— Ну, не буду мешать твоей встречи с отцом! — воскликнул Дроган, жмурясь от солнца, когда они оказались на улице.

— Ты просто хочешь отправиться в таверну.

Воин усмехнулся и подмигнул.

— Не без этого, сестрёнка, не без этого! Расскажешь потом, что удалось выяснить.

Насвистывая фривольный мотив старой докерской песенки, Дроган повернулся и зашагал вниз по улице. Проводив его взглядом, Лада прошла вдоль забора к воротам заднего двора. Массивные створки сейчас были распахнуты. Внутри стояла повозка. Трое послушников суетились вокруг установленной в ней клетки, пытаясь закрепить крюк примитивного деревянного крана. За прутьями решётки виднелся силуэт женщины в лохмотьях, неподвижно лежавшей на полу.

Оглядевшись, Лада заметила в стороне монаха. Он был крайне худ, похожая на иссохший пергамент кожа плотно обтягивала выпирающие кости. Глаза закрывала чёрная повязка с разлохмаченными краями. Старик сидел в тени, откинувшись на спинку небольшого деревянного кресла. Рядом была его верная трость с набалдашником в виде головы пса.

— Здравствуй, отец, — тихо сказала Лада, приблизившись.

Монах повернул голову и улыбнулся, узнав голос.

— Ты вернулась, девочка. Хорошо. Всё в порядке? Ты и этот олух обошлись без потерь?

— Пара новых шрамов, отец. Ничего серьёзного.

Отец Тихомир кивнул и протянул руку. Лада коснулась губами перстня с символом Создателя на безымянном пальце.

— Отец, в походе я встретила один символ. Он был начертан на старом свитке. И его же нанесла на своё тело девушка-демонопоклонница. Возможно, знак не несёт никакого смысла, но я хочу убедиться.

— Опиши, как он выглядит, — кивнул старик.

— Это — широко распахнутая пасть с множеством острых треугольных клыков. Она короткая, полукруглая, будто человеческая, а не звериная. Если ты не вспомнишь, возможно, в библиотеке или храмовых архивах что-то найдётся?

Лада замолчала, ожидая ответ. Старик не шевелился и не произносил ни слова. Это продолжалось так долго, что охотница уже протянула руку, чтобы коснуться монаха, когда тот вдруг заговорил.

— Отправляйся к себе. Пока что отдыхай. Я пришлю за тобой, когда буду готов ответить. До того времени я сам должен кое-что узнать.

Лада привыкла беспрекословно слушаться своего старого наставника. Поднявшись, она поклонилась ему, хоть тот и не мог этого видеть, попрощалась, и пошла к воротам. Обернувшись, охотница видела, как послушники опускают клетку внутрь проёма в земле. Женщина держалась за прутья и молча, с тоской во взгляде, глядела в небо.

«Смотри. Вряд ли тебе ещё доведётся его увидеть», — подумала Лада, и ей отчего-то стало грустно.

За миг до того, как скрыться под землёй, пленённая ведьма опустила взгляд и пристально посмотрела в глаза охотнице. Затем земля поглотила её. Крюк подъёмного устройства поднялся назад уже пустым. С громким стуком послушники захлопнули люк и защёлкнули тяжёлый замок.

Прошло пять дней. Лада была у себя в келье, когда раздался тихий стук. Завершив молитву, охотница поднялась с колен и открыла дверь. За порогом стояла молоденькая послушница в серых одеждах. Не поднимая взгляда, она едва слышно прошептала:

— Сестра, приходил человек из Ордена. Сказал, что отец Тихомир вызывает тебя.

— Спасибо. Ступай с благословением Создателя.

Закрыв дверь, Лада скинула монашеское облачение и оделась в мирское — чёрную рубаху, штаны, кожаные сапоги под колено и плащ. Довершив наряд кожаной шляпой с широкими полями, женщина вышла в узкий каменный коридор без окон. Попадавшие по пути сёстры по Создателю уступали дорогу и старались не встречаться с ней взглядом. Оседлав на монастырской конюшне своего коня и забрав, на всякий случай, седельную сумку с походными вещами, Лада двинулась к ставке Ордена.

Спорящих она услышала раньше, чем вошла на задний двор. Первый голос, громкий и раскатистый, охотница узнала сразу же — Дроган бурно не соглашался со своим собеседником. Тот отвечал гораздо тише и спокойнее. Лада едва разбирала его слова в перерывах между репликами громогласного воителя, но не сомневалась, что вторым участником диспута был отец Тихомир. Пройдя в ворота, она убедилась в этом — Дроган стоял, сложив руки на груди и нависая над невысоким монахом. Тот сидел на своём стуле и выглядел совершенно расслабленным. Как человек, который знал, что всё решится так, как он хочет. Заметив Ладу, Дроган повернулся к ней и ткнул пальцем в сторону священнослужителя:

— Ну, слава Создателю! Ты появилась! Объясни старику, что он не может ехать с нами! Это — безумие!

— Безумие? — холодно отозвалась Лада. — Тебе следует проявить больше уважения к отцу.

Она подошла ближе к монаху, привычно приложившись губами к перстню на протянутой руке.

— Но, отец, куда ты хочешь отправиться? Ты будешь...

Охотница замялась, подыскивая слово.

— Я буду вам обузой, — улыбнувшись, закончил за неё отец Тихомир.

— Я не это хотела... — начала Лада, но прервалась, остановленная повелительным взмахом руки.

— Не имеет значения. Я — всё ещё охотник, как и вы. И нахожусь выше в иерархии Ордена. Потому в дальнейшем споре нет смысла, я всё равно отправляюсь. Мой опыт и знания будут вам полезны.

— Как скажешь, отец, — Лада склонила голову под громкое фырканье Дрогана.

— Тебе следует поучиться покорности у своей спутницы, — бросил Тихомир воителю. — Повозка готова, вещи собраны. Мы выступаем немедленно. Лада, оставь своего коня на попечение братьев, ты поедешь рядом со мной.

В стороне действительно стояла телега Ордена. На ней была установлена та самая клетка, в которой несколько дней назад в подземелье опускали ведьму.

— Это как-то связано со знаком, который я тебе показывала?

Отец Тихомир протянул руку, и Лада помогла ему подняться. Монах, прихрамывая,

направился к повозке, тяжело опираясь на трость. Охотница уже начала думать, что он оставит её вопрос без ответа, но, залезая на козлы, старик проскрипел «я расскажу тебе по дороге».

Проверив, чтобы старый наставник удобно устроился, Лада покинула двор и направилась к коновязи. Следом за ней шагал Дроган. Губы его были плотно сжаты.

— Не сдерживайся, — посоветовала охотница, видя бурлящее в нём недовольство.

— Почему ты каждый раз так? — тут же обрушился на неё Дроган. — Мы с тобой столько прошли, но стоит ему что-то сказать, и ты сразу же встаёшь на его сторону!

— Дроган, он — мой отец.

— Духовный отец!

Лада остановилась, глубоко вздохнула, и посмотрела в глаза товарищу.

— Тихомир — гораздо больше, чем просто духовник. Когда проявился мой дар, сёстры оказались в панике и отдали меня в Орден охотников. Я была подростком, растерянным, сбитым с толку. Считающим себя порождением Нави. Тихомир успокоил меня, заменил настоящего отца, которого я даже не помню. Обучил. Если бы не он, я бы не знала, кто я, откуда произошла. Месяцы Тихомир потратил на то, чтобы выяснить, кем были мои родители. Я обязана ему всем. Понимаешь?

Мгновение они смотрели друг другу в глаза, пока Дроган не отвёл взгляд. Лада повернулась и, молча, зашагала дальше.

— Слушай, — Дроган догнал её и пошёл рядом. — Я никогда не спрашивал, но как тебя на самом деле зовут? Как твоё настоящее имя?

Лада покачала головой.

— Мы не задаём такие вопросы. Ты — мой старый друг, и очень мне дорог. Но я не спрашиваю, как зовут тебя, и ожидаю того же в ответ. Таковы правила.

На этом разговор прекратился. Когда они дошли до коновязи, Лада увидела возле своей лошади молодого послушника. Охотница узнала одного из тех, кто снимал клетку с телеги пять дней назад, и даже припомнила его имя — Снуд. Тот деловито расстёгивал подпругу. Седельные сумки уже висели рядом, на перекладине.

— Кто позволил? — тихо поинтересовалась Лада.

Её шипящий голос был похож на шорох кинжала, вынимаемого из ножен. Послушник дёрнулся, но затем ответил открытой, дружелюбной улыбкой.

— Прости, сестра, отец Тихомир распорядился. Мы тут — люди подневольные. Нам говорят — мы делаем. Прости уж, если чем обидел.

Дроган многозначительно хмыкнул.

— Ладно, не стоит извинений, — ответила охотница. — Позаботься о ней, как следует.

— Об этом не волнуйся. У нас в хозяйстве много лошадей было, уж я-то умею за ними ходить. Езжай со спокойной душой, да хранит тебя Создатель.

— И тебя.

Лада потянулась к сумкам, но Дроган, быстро наклонившись, подхватил их и взвалил себе на плечо.

— Идём, старик уже заждался, наверное.

Отвязав своего коня, он взял того под уздцы, и отправился ко входу на задний двор. Вскоре ставку Ордена покинули телега с двумя возницами и один всадник.

— Зарраза! — громко выругался Дроган, поскользнувшись в грязи.

Шест, которым он пытался толкать телегу, выскользнул и едва не огрел его по голове.

— Ты в порядке? — крикнула Лада, тянувшая лошадь под уздцы.

— В полном, — буркнул боец и снова налёг сзади. — Тяни!

Постепенно, шаг за шагом, лошади продвигались вперёд, вытаскивая застрявшую повозку. Наконец их копыта коснулись твёрдой земли. Лада устало оглядела свои заляпаные грязью сапоги и нижний край плаща. Она, было, нахмурилась, но появившийся из-за телеги товарищ тут же развеял мрачное настроение. Дроган был вымазан целиком — даже половина лица покрывала коричневая жижа. Недавно купленные красные шаровары, гордость воина, тоже совершенно изменили свой цвет. Посмотрев на выражение лица Дрогана, Лада подавила рвавшийся смех и участливо предложила:

— Хочешь, помогу отчиститься?

— Толку-то. Всё равно вокруг всё раскисло. Да и застава уж близко — там и отмоюсь.

Кое-как, наскоро, протерев лицо и одежду травой, Дроган вскочил в седло. Действительно, дальше по дороге, в сгущавшейся темноте, виднелся частокол, над которым возвышалась рубленая сторожевая башня с четырёхскатной крышей. Когда отец Тихомир, ожидавший под ближайшим деревом, вернулся на место, охотники тронулись вперёд. Вскоре они уже въезжали на широкое подворье. Вышка находилась в его центре, по краям — ряд бревенчатых зданий, покрытых сверху соломой. Здесь был трактир с примыкавшими к нему конюшней и баней, склад, скромная часовенка и казарма немногочисленного гарнизона. Охотникам уже приходилось останавливаться в этом месте раньше. Они были знакомы с приветливым трактирщиком Войкой, отставным воякой, с десятником Тариславом и горсткой его солдат.

— Кого ветер-то принёс! — воскликнул трактирщик, когда Лада перешагнула порог.

В просторном уютном зале было тепло и пахло свежим хлебом. Огонь свечей затрепетал на сквозняке, но затем выровнялся, вновь отгоняя подступивший, было, мрак. За длинным столом сидели солдаты, свободные от службы. Несколько оборванцев азартно катали кости. Мрачный тип, похожий на коршуна, устроился в углу, поглядывая на вошедших исподлобья.

Лада приветливо кивнула трактирщику.

— Таак! — протянул тот. — Прости, но в таком виде я вас за стол не пущу. Разве что старика — он-то приличнее выглядит. А вам — прямая дорога в баню!

— На то и уповали, — проворчал Дроган. — Натоплена?

— В такую-то отвратную погоду? Конечно, не одних вас сырота в дороге застала. Как раз свободна. Проходите, вещи Маришке оставьте на чистку. Будете выходить — в предбаннике заберёте.

Дроган кивнул и повернулся к Ладе.

— Женщины — вперёд.

— Да нет уж, — усмехнулась в ответ охотница. — От тебя куски скоро отваливаться начнут. Иди, я потом. Войка, можно тебе пока плащ отдать, да взять ветошь, сапоги почистить? Остальная одежда у меня чистая.

— Конечно. Веди своего старика вон туда, к очагу поближе. Пусть кости погрееет. Ужин сейчас будет.

Проводив Тихомира, Лада устроилась рядом. Отблески огня танцевали на коже старого монаха, и лицо его будто неестественно двигалось, складываясь в неприятные гримасы. Прикрыв глаза, Лада отогнала непрошенные видения и обратилась к отцу:

— Наконец выпал спокойный вечер. Расскажешь, что значит найденный мной символ? Мы ведь из-за него отправились в путь?

Монах медленно кивнул, но не спешил с ответом. Только после минутных размышлений он начал говорить. Слова со скрипом, словно нехотя, вырывались из его рта.

— Никакой особой тайны в этом нет, девочка. Сей знак принадлежит культуре, с которым я давно уже не сталкивался. И надеялся больше не столкнуться. Речь идёт о Великом Пожирателе, слышала о таком?

Лада покачала головой. Затем, тут же опомнившись, произнесла:

— Нет. Никогда.

Старик чуть наклонился и постучал по правой ноге. Та отозвалась глухими твёрдыми звуками. Дерево.

— На память осталось. Двадцать лет назад охотились мы на стаю волколаков на границе с Чудскими землями. Было нас восемь человек. В начале. Двух этих тварей наш отряд прикончил в лесах, а оставшиеся бежали за рубеж. Мы — за ними. Под вечер заняли небольшую деревеньку, домов на пять. Местные сопротивляться стали. Пришлось с ними, — монах запнулся, затем махнул рукой. — Неважно. Дурно для них всё закончилось. Но для нас — ещё хуже. Как ночь опустилась, вернулись все, кого мы в землю положили. Как и волколаки, на которых мы охотились. Бой держали в одной избе. Стояли насмерть, а они всё лезли — в двери, в окна. До сих пор мне те упыри иногда ночами снятся.

— Вы убили невинных? — не веря своим ушам, спросила Лада. — Но как же заповеди? Наши принципы?

— Не было там невинных! — стукнул Тихомир ладонью по столу. — Ни одного! Осмотрели мы тела, как утро настало. На каждом был такой знак, как ты описала — распахнутая пасть. Все они были врагами рода человеческого. Но уж с остальными-то мы такой ошибки не совершили. Сразу обезглавили тех, кто сбежать не успел.

— Всех? — голос Лады дрогнул.

— Всех.

— И даже...

— Хочешь знать? Да. Женщины, старики, даже дети — все несли этот знак. Все они служили силам Нави и понесли заслуженную кару. Таков путь охотников. Пойми, не только о наших жизнях речь. Дрогнет твоя рука — и люди, которых ты поклялась защищать, окажутся в опасности. Оставили бы мы тех детей. Выросли бы они. И стали бы такими точно хищниками, как их родители. Волколаками при жизни, упырями после смерти.

Лада потрясённо молчала. Наконец, собравшись с духом, она тихо произнесла:

— Отец, ведь я же тоже из тех краёв. И я бы могла...

Охотница замолчала, но Тихомир сидел неподвижно, не глядя в её сторону. Наконец, его голова повернулась, пустые глазницы под чёрной потрепанной повязкой уставились на Ладу.

— Договаривать будешь?

Лада кивнула. Голос её окреп.

— Я тоже из чуди. И мой отец. И мать. Я до сих пор толком не знаю, от чего она бежала, когда погибла.

— Верно. Но она бежала, вместе с тобой и твоим отцом. Твоя мать сделала свой выбор, покинула те проклятые земли. Вот что важно. Сложись всё иначе — и как знать. Может быть, именно мой клинок прервал бы твою жизнь.

— Целый народ не может быть злом, — покачала головой Лада. — Ты сам всегда говорил, что в самом мрачном подземелье может встретиться луч света.

— Вот ты — и есть этот луч света. Ты — наша. Другие же твои бывшие соотечественники выбрали иную дорогу и погрязли во тьме. Для них нет выбора. Нет искупления. Война закончится только тогда, когда последний из чуди будет мёртв. Спроси у Дрогана — ты ведь единственная из этого народа, к кому он не испытывает ненависти.

Повисла гнетущая тишина. Даже огонь свечей будто стал тусклее. Лада уставилась на потрескивающие в очаге дрова, не проронив больше ни слова.

Открылась входная дверь, и на пороге появился Дроган. Распаренный, чистый, бодрый. На лице его светилась улыбка.

— Давай, сестрёнка, твоя очередь! — бодро провозгласил он, подойдя.

Лада лишь повела плечами.

— Ну, как знаешь, — боец пожал плечами и огляделся. Наткнувшись взглядом на игроков в кости, Дроган потёр руки и направился к ним.

Охотница молчала и смотрела в огонь. Похлёбка перед ней остывала, постепенно растеряв свой пар и аромат. Старый монах замер, будто превратился в потрёпанную статую героя прошлого.

Героя ли?

Минута тянулась за минутой. Стражники гарнизона уже покинули зал, пожелав хозяину доброй ночи. Лада продолжала смотреть, как догорает, осыпаясь золой и пеплом, то, что раньше было живым берёзовым стволом.

Вдруг до её слуха донеслись голоса. Тон их явно не предвещал ничего хорошего.

— За дурака меня держишь? — говорил Дроган, надвигаясь на одного из тех, с кем только что катал кости за одним столом. — Ну-ка, покажи свою руку!

— Больше те ничё не показать? — огрызнулся тот. — Афедрону моего увидеть не хочешь?

Его товарищи разразились гоготом, но увидев, как сжимается огромный кулак Дрогана, сразу же затихли и потянулись к висящим на поясах длинным ножам.

— Милсдари, что ж это вы? — пискнул из-за стойки Войка, загораживая спиной жену Маришку. — Ну-ка, ножи свои долой! У меня тут заведение приличное! И про солдат снаружи не забудьте!

— Солдаты твои там, а мы здесь, — процедил сквозь зубы один из шулеров. Остриё его ножа указало в сторону замершего трактирщика. — Двинешься хоть на шаг, я тебя и сучку твою на лоскуты пушу. Так что она пусть тоже не дёргается, я слежу. Давайте-ка все, раз уж пошла такая пляска, чего у вас есть ценного. И быстрее, что б нам затемно подальше убраться.

Лада с досадой подумала об оставленном в седельной сумке самостреле. С одним кинжалом против четверых бандитов ей было не выстоять. Оглядевшись, она увидела секиру Дрогана, прислонённую к стене. Слишком далеко.

Лихорадочный бег её мыслей прервало тихое покашливание. С удивлением Лада поняла, что забытый всеми незнакомец, сидевший в углу, смеялся.

— Ты чё ржёшь? — повернулся к нему один из бандитов. — Те кишки твои в брюхе надоели? Исправить хошь?

— Что вы, господа, — не прекращая посмеиваться, человек поднял руки в примирительном жесте.

— А чё тогда? Со страху спятил?

— Нет. Видите ли, не вижу смысла отдавать вам свои ценности. Всё равно вы мне их вернёте.

Бандит нахмурился. Он понимал, что незнакомец издевается над ним, но не знал, почему тот не ведёт себя как обычные люди в таких ситуациях.

— Это чегой-то мы тебе их вернём, а?

Улыбка сошла с лица его собеседника.

— А вот так и вернёте. Точнее, сам заберу, когда вы будете висеть на ближайшем дереве. Так что есть простой выбор. Первый вариант — мы сейчас выходим, и я вешаю вас всех по очереди. Но существует и второй, гораздо хуже.

Очевидно, бандитам надоело слушать. Один остался следить за Дроганом, другой — за трактирщиком. Оставшиеся двое ринулись на незнакомца.

Они и погибли первыми. Молниеносным движением тот выхватил клинок и тут же обрушил его на голову шулера, вырвавшегося чуть вперёд. Под визг жены трактирщика часть черепа, разбрызгивая кровь и кусочки мозга, пролетела и ударилась об пол. Одновременно с этим незнакомец повернулся, перехватил руку второго противника, и вонзил его нож ему же в горло. Разжав пальцы, он подхватил со стола тяжёлую глиняную кружку, и запустил её точно в лицо бандиту, стоявшему рядом с Дроганом. Кости коротко хрустнули, и тот с бульканьем осел на пол. Не растерявшись, Дроган шагнул вперёд и обрушил кулак на оставшегося на ногах оборванца, опрокинув его.

Весь бой занял пару мгновений. Визг Маришки затих на высокой ноте.

— Однако, — хмыкнул Дроган. — Давно таких ловких бойцов не видывал.

Незнакомец повернулся, оценивающим взглядом обвёл его, Ладу и отца Тихомира.

— Прославленный Орден охотников, я полагаю? Рискну предположить, что дорога ваша лежит в деревню Медянку. Что ж, в таком случае нам по пути. Буду рад на деле оценить ваши легендарные навыки. Позвольте представиться — Ратибор, посланник князя Мирослава.

— Как ты узнал, что мы — из Ордена? — спросил Дроган, уплетая ужин.

Мёртвых и выживших бандитов к тому времени выволокли наружу стражники. Те, должно быть, уже висели в петле, как и обещал Ратибор.

— Полно, — усмехнулся княжий посланник. — Слепой монах, женщина в классической шляпе и высоком кожаном воротнике. Вы довольно приметны, а в нашем славном граде не так много охотников.

Дроган пожал плечами. Лада догадывалась, что, в сущности, ему всё равно.

— Что посланнику князя делать в забытой Создателем деревушке? — спросила охотница.

Ратибор прищурился и сделал большой глоток из стоявшей перед ним глиняной кружки. В ней плескалась обычная вода.

— А что там делать охотникам на ведьм?

— Свою работу, я полагаю.

— Ну а мне — свою. Безопасность княжества, знаете ли.

— Посланец его светлости появился в Чёрном ручье, — проскрипел отец Тихомир, не подававший голоса с самой схватки с бандитами. — Теперь направляется в Медянку. Стоит ли Церкви начинать беспокоиться? Возможно, Орден чем-то вызвал недовольство князя Мирослава?

Ратибор пожал плечами.

— Я — простой человек, связанный службой. Еду, куда скажут. Делаю, что велят. Князь повелевает отправиться в Медянку — я сажусь в седло и гоню коня.

— И что же именно его светлость хочет от тебя в этот раз?

— Исполнять его волю и помалкивать. Всё, как обычно.

Дроган усмехнулся. Лада недовольно нахмурилась. По лицу отца Тихомира сложно было что-то сказать — большая его часть была скрыта повязкой. Монах продолжал сидеть с прямой, словно жердь, спиной. Казалось, он был глубоко погружён в свои мысли. Спустя пару минут тишины старик тяжело поднялся и протянул руку Ладе.

— Я устал. Мне надо как следует отдохнуть перед завтрашней дорогой.

— Доброй ночи, — пожелал Ратибор.

— И тебе, сын мой. Да хранит Создатель твой сон.

Опираясь на подставленное предплечье Лады, монах вылез из-за стола и направился к лестнице.

— Отец, ты так и не сказал, почему мы сами едем в Медянку, — напомнила Лада в полголоса, когда они отошли подальше.

Обернувшись, охотница убедилась, что Дроган и Ратибор тихо разговаривают о чём-то, не обращая на них внимание.

— Множество простых людей помогает Ордену, как ты знаешь, — отозвался Тихомир. — Есть и те, что служат лично мне. Те пять дней я потратил, следя, не дёрнется ли какая нить на моей паутине. Пауки чем-то на меня похожи, ты не думаешь? Они страшны, уродливы, но в конечном итоге избавляют дом от паразитов.

— Мне не кажется, что ты страшен и уродлив, отец.

Монах покачал головой.

— Значит, ты пока ещё не так мудра, как мне бы хотелось. Так или иначе, до меня донеслась весть о том, что в Медянке ловят ведьму.

— И как это связано с Пожирателем?

— Знаешь, откуда пошло название деревни?

— Рискну предположить, что неподалёку находились медные рудники? Селяне не особенно изобретательны.

— Верно, — усмехнулся монах. — Ты совершенно права. Предгорья здесь изрыты старыми заброшенными ходами. Когда-то Медянка была большим процветающим поселением шахтёров, где добывали олово и медь. Не серебро, конечно, но и эти металлы прибыль приносили немалую. Как часто бывает, местный люд возгордился, стал всё больше отдаляться от Создателя, поддаваясь порокам. Пока однажды жителей Медянки не настигла заслуженная кара. Деревенский голова, опоённый жаждой власти, каким-то образом открыл тайное знание. Постепенно он наращивал свою силу, и могущество его в конечном итоге стало так велико, что все жители поселения стали его марионетками. Он подчинял своей воле всё живое — людей, животных. Больших жертв стоило одолеть его. Но тело этого ведьмака так и не нашли, хотя и был он смертельно ранен. Ну а Медянка так с тех пор и не оправилась, осталась лишь горстка селян. Шахты вскоре истощились и были заброшены. Среди местных же ходит легенда, что старый ведьмак умер, но дух его по сей день остаётся рядом с телом, где-то в глубине подземных переходов.

— Поучительная история, отец, но, при всём уважении, я не понимаю, какое отношение она имеет к культу Пожирателя.

— Вы столкнулись с его знаком в Чёрном ручье, когда местная ведьма пыталась освободить Волчьего пастыря. Одновременно с этим в Медянке тоже появилась ведьма. И здесь также существует легенда о запечатанном духе. Мне кажется, это с трудом можно назвать совпадением.

— Как скажешь, — Лада с сомнением посмотрела в скрытое повязкой лицо Тихомира. — Но уж очень это похоже на домыслы.

— Не подвергай сомнению мои решения, дитя. Нам всё равно следует проверить это место.

— Как скажешь, отец, — повторила охотница, покорно склонив голову. — Мы пришли. Вот твоё помещение. Мне помочь тебе устроиться?

— Нет. Ступай. Я устал и хочу отдохнуть. Да пребудет с тобой благословение Создателя.

С этими словами монах скрылся за дверью. Оставшись одна, Лада посмотрела в сторону лестницы. Миг она сомневалась, не вернуться ли в зал, но затем решила, что и для неё день прошёл нелегко. Пройдя дальше по полутёмному коридору, Лада оказалась у своей комнаты и, не раздеваясь, легла на кровать. Уже засыпая, она вспомнила, что так и не добралась до бани.

Серый рассвет застал отряд за сборами. Наскоро перекусив за счёт трактирщика, они выдвинулись в дорогу. Лада куталась в плащ от ветра. Несильного, но стылого, пронизывающего. Охотница легонько подстегнула лошадей, и те лениво поплелись к воротам, волоча за собой повозку. Вслед им доносился унылый скрип веревок, перекинутых через толстую нижнюю ветку берёзы, росшей неподалёку от частокола. Лада старалась не обращать внимание на повешенных, но всё же заметила, что вороны успели полакомиться

свежим угощением. Бандит, угрожавший ножом трактирщику, провожал её в путь кривой безгубой ухмылкой.

Вскоре дорога окончательно испортилась, превратившись в две разбитые колеи. Повозку мотало из стороны в сторону и Дроган, будучи более умелым возницей, заменил Ладу на козлах. Женщина видела, что он несколько раз пытался завязать разговор со старым монахом, но тот словно не замечал воителя. Отец Тихомир сидел молча, нахохлившись, в своей потрепанной чёрной рясе напоминая огромного ворона.

Лишь однажды он нарушил молчание. Хриплым голосом монах велел остановиться и повёл носом, словно принюхиваясь к чему-то. Посмотрев в направлении, куда было повернуто его лицо, Лада увидела в стороне от дороги большой стоячий камень, перед которым лежал камень поменьше. Присмотревшись, охотница заметила оплывшие огарки свечей, мелкие подношения и венки увядших цветов.

— Дорожное святилище.

Лада обернулась на голос. Рядом, возвышаясь в седле, застыл Ратибор. Он тоже внимательно всматривался в найденное место поклонения.

— Да, мы встречали такие в путешествиях. Обычно крестьяне устраивают небольшие часовни и алтари у дорог, чтобы просить о покровительстве в пути.

— Это — не просто придорожный алтарь, — проскрипел отец Тихомир. — Это — священное место. Я чувствую здешнюю ауру. Впрочем, довольно терять время. В путь.

Скрипнув колёсами, телега тронулась с места. Лес был тих, лишь в глубине его раздавалась частая дробь дятла. Серое небо нависало над головой, угрожая обрушить потоки воды. Но Лада, годы проведя в дороге, знала, что эти угрозы пропадут впустую — дождя не будет, по крайней мере, до завтрашнего дня.

Несмотря на мрачность неба, вокруг весело шелестели листвой белые берёзки, а в воздухе стоял аромат лесных цветов. Хорошо обученный конь Дрогана твёрдо печатал шаг, и Лада даже позволила себе немного задремать.

Преодолев подвесной мост, отряд приближался к деревне. Смеркалось.

— Разобьём лагерь на ночь? — спросил Дроган.

— Нет нужды, — отозвался Ратибор. — Мы уже почти на месте. Я бывал здесь раньше, деревня за следующим поворотом. А ведь спать на постели в тепле гораздо приятнее, чем на земле, так ведь? Того и гляди, чего застудишь.

Отец Тихомир кивнул, и вопрос был решён.

Завернув на повороте, Лада действительно увидела невдалеке яркие огни. Слишком яркие для лучин или домашних лампад. Присмотревшись, она различила в густых сумерках силуэты множества людей с факелами, окружавших небольшую площадку возле раскидистого дуба.

«...убить... сжечь...» — доносил ветер обрывки голосов.

— Возможно, наша помощь и не понадобится.

Тонкие губы отца Тихомира растянулись в кривой улыбке.

— Нам стоит поторопиться.

С этими словами Ратибор дал шенкель и пустил коня быстрой рысью.

— Давай за ним, — предложил Дроган. — Я впотьмах не угонюсь.

Лада кивнула и тоже ударила пятками в бока коня. Тот бросил короткий косой взгляд на хозяина, но после секундной заминки ринулся следом за удаляющимся всадником.

Деревенька стремительно приближалась. Лада уже могла рассмотреть, что она меньше,

чем Чёрный ручей, хотя на окраинах виднелись следы стоявших там некогда строений. Оставшиеся дома выстроились полукругом. На открытом пространстве перед ними рос огромный старый дуб с мощными ветвями, нависавшими над дорогой. С этих ветвей за приближением охотницы чёрными бусинками глаз пристально следила целая стая ворон.

Вслед за Ратибором, Лада ворвалась на деревенскую площадь. Испуганные люди шарахнулись в стороны, выставляя перед собой горящие светочи.

В толпе выделялись трое.

Посреди на коленях стояла молодая девушка, едва ли четырнадцати лет на вид. Её руки были связаны, а рот — заткнут верёвкой. Растрепавшиеся волосы падали на плечи каскадом, в свете огней казавшимся потоком расплавленной меди. В прорехах платья на руках и ногах виднелись свежие ссадины.

Рядом с ней, сложив руки на груди, возвышался взрослый мужчина мощного телосложения, с объёмным животом. Глаза его цепко смотрели из-под кустистых бровей, придавая лицу суровое, если не свирепое, выражение.

Но самой приметной была старуха в чёрных одеждах. Голову её почти целиком скрывал капюшон, так что из тени виднелся только длинный острый нос, да поблёскивали в полумраке глаза. Прожитые годы согнули её спину, и старуха опиралась на узловатую клюку, похожую на замершую в судороге птичью лапку. Когда Лада взглянула на неё, одна из ворон сорвалась с ближайшей ветви и села на плечо зловещей незнакомки. Та повернула голову, словно прислушиваясь к словам, что нашёптывала ей птица.

— Остановить самосуд! — громко потребовал Ратибор. — Что вы, право, как какие-то дикари-язычники? Полно, господа, разве можно без суда и следствия отправлять на плаху юных дев?

— А ты кто такой, милсдарь, будешь? — ещё больше нахмурился мужик, стоявший рядом с пленницей.

Ратибор легко прыгнул на землю. Несмотря на немалый рост селянина, княжий посланник оказался почти на голову выше, хоть и уже в плечах.

— Я, собственно, буду самым непосредственным посланником князя Мирослава, господаря сего княжества и, в том числе, вашей замшелой деревеньки. Хотелось бы узнать теперь, с кем, в свою очередь, имею я честь говорить?

Мужик издал короткий звук, похожий на кряканье, чуть ссутулился под пристальным взглядом Ратибора, но всё же не утратил самообладания и взгляда не опустил.

— Ярвик Длиннобородый меня зовут. Староста я.

— Какой же ты Длиннобородый, — усмехнулся Ратибор, — коли у тебя лицо гладкое, как женская коленка?

— Дык, прошлый староста был с пышной бородой, упокой Создатель его душу. Ну а мне прозвище, можно сказать, по наследию перешло. Вы, милсдарь, о бородах приехали разговоры разговаривать, али по иному какому делу? Потому как ежели вас именно борода интересуют, то это может и подождать, а у нас тут дело есть и поважнее.

Ратибор кивнул.

— Твоя правда. Ну что ж, рассказывайте. Неужели так быстро посевную завершили, что в свободное время развлечений не осталось, кроме как девок со свету сживать?

— Не девка то! — донеслось откуда-то из толпы. — Ведьма она окаянная!

Ратибор развернулся.

— Допустим. Выйди, мил человек, расскажи свои соображения по этому поводу. Я с

радостью послушаю, каким образом толпа крестьян определила и, главное, поймала аж целую настоящую ведьму.

Никто не шевельнулся. На посланника князя недобро смотрели десятки пар глаз. Вместо селян вперёд вышла старуха в чёрном. Двигалась она удивительно легко для своего внешнего вида. Даже грациозно.

— Не они. Я.

Голос был сухим, хриплым. Словно камни перекатывались в бочонке, когда она размыкала тонкие губы. Старуха оказалась на свету и Лада, наконец, смогла подробнее разглядеть её.

Но теперь женщина уже не казалась такой старой. Густые волосы, видневшиеся под капюшоном, походили на чёрные вороновы крылья, хотя среди них и пробивались седые пряди. Простой кожаный обруч туго перетягивал их на лбу. Узкое худое лицо было бледным, гладким. Морщины почти не испортили его, разве что маленькие чёрные глаза, вцепившиеся взглядом в посланника князя, оплетала их сеть.

Ратибор повернулся к женщине и слегка кивнул.

— Преклоняюсь перед твоим опытом и проницательностью. Не окажешь ли ты мне несомненную честь услышать твоё имя?

— Назови сперва ты своё.

Лада заметила тень, промелькнувшую на лице княжьего посланника. Вряд ли этот влиятельный человек был доволен тем, как с ним разговаривала простая безродная крестьянка. Даже Ярвик невольно шагнул назад. Но вот уже Ратибор улыбнулся, кивнул, и назвал без лишних слов.

— Я — Равуна, — сказала в ответ женщина.

— Знахарка она, — счёл нужным пояснить Ярвик.

От его бывшего гонора не осталось и следа. Он то и дело переводил испуганный взгляд с посланника на Равуну.

— Итак, мудрая женщина, поведай мне, каким же образом ты сумела обличить и изловить эту, — Ратибор бросил насмешливый взгляд на связанную девушку, прежде чем закончить фразу, — ведьму?

— Секрета тут нет. Мудрому, и правда, не составит труда узреть гнилую сердцевину. Возможно, если бы взор уважаемого господаря был таким же острым, как его язык, он и сам увидел бы порчу.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Ратибора.

— Ты ведь понимаешь, добрая женщина, что я одним движением могу прервать твоё бренное существование в этом мире?

— Один Создатель вправе отбирать жизнь. Иное — грех. Если решит он завершить мой земной круг, я готова. Но уверен ли ты, что твоя рука должна стать орудием Его воли?

С этими словами знахарка развернулась и скрылась в одном из ближайших домов, оставив Ратибора со слегка перекошенным и побледневшим лицом. Наконец, он справился с эмоциями и повернулся к Ярвику. По гримасе старосты было видно, что он готов оказаться в любом другом месте, но только не под холодным пристальным взглядом посланника князя.

— И как же эта прекрасная идея сочетается с тем, что вы сами собирались казнить вот её?

Ратибор указал на связанную девушку. Ответом ему была лишь тишина.

— Ладно, может, хотя бы ты изволишь объяснить мне, почему вы решили, что эта девка

— ведьма?

Как раз в этот момент нервы пленницы, наконец, не выдержали, и её стала бить крупная дрожь. Слезы покатались по щекам, сопровождаемые судорожными всхлипами. Впрочем, Ратибор даже не взглянул в её сторону. Пока староста сбивчиво рассказывал об охоте, к спешившейся Ладе подошёл Дроган.

— Думаешь, она и вправду ведьма?

Охотница пожала плечами.

— Так сразу и не скажешь. А что считает отец?

— Молчит. Ни слова толком не проронил. Лишь однажды пробормотал себе под нос что-то о том, что нужно бояться улыбающихся детей, потому как рядом демоны.

Лада кивнула.

— Это из проповеди святого Луки.

— Он так сильно детей не любил?

— Не в них дело. Святой Лука говорил о том, что зло может предстать в любом обличье, и зачастую его сложно отличить от невинности. «Бойтесь дары приносящих, ибо змеями они обернуться могут. Бойтесь тех, кто приходит в образе ангелов небесных, ибо кровь на крыльях их. Бойтесь улыбки ребёнка, ибо дьявол рядом».

— Тяжко, наверное, видеть в каждом встречном врага рода человеческого. Правда, я б не смог. Так ведь и умом повредиться можно.

— Святого Луку предал в руки язычников его лучший друг и ближайший последователь. Его разорвали на части лошадьми.

Дроган не смог сдержать усмешку.

— Временами я ловлю себя на мысли, что Создателю не чужда ирония.

Лада промолчала, не решив, стоит ли считать эти слова богохульством. Между тем, Ярвик вёл рассказ.

— Вейда-то, ведьма, стало быть, всегда престранной была. Сирота, да ещё и волосы рыжие. Ни у кого таких в деревне нету, и у родителей её не было. По всему видать — демоново отродье! Нелюдимая она, а год назад и вовсе всех чураться стала. И тогда же повалились на нас несчастья — урожай плохой, коровы не доятся, град дома побил. И потом, люди мрут. Трок в прошлом месяце, жених Морнин, сестры старшей Вейдиной. И жена моя, да хранит её душу Создатель. Здоровые были, а тут — раз! Жинка слегла с мозговым ударом, так Рауна сказала. А Трок — тот шею свернул, ни с того, ни с сего. А он, все знают, Морну-то поколачивал иногда — вот Вейда ему и отомстила. Ну а той ночью Рауна говорит — «пошла Вейда в логово своё, чёрные ритуалы делать, ловить её надобно». А мы как раз с седмицу караулили, когда она ворожеить начнёт. Ну, так это, мы и пошли. И правда — поймали у входа в старые штольни, где знахарка и сказала.

— И как же она жила с вами, добрые люди, ежели она сирота, а чуралась всех?

— Ну, есть тут у нас старый охотник, Аруг. Он девчонку немного того. Подкармливал, следил за ней. Навроде отца ей.

— И где он сейчас, когда вы его приёмную дочку к Создателю отправить решили?

Староста пожал плечами.

— Да кто ж его знает. Он-то тоже человек — себе на уме. Скрытный. Может, в лесах. Может, у себя. Заимка-то его за деревней.

Ратибор кивнул и велел вытащить кляп изо рта пленницы. Та продолжала всхлипывать. Княжий посланник подошёл, присел перед ней, и рукой приподнял лицо за подбородок.

— Ну, а ты что скажешь? Наговаривают на тебя, али правы добрые жители деревни, и стоит тебя вздёрнуть? А может, камнями забить?

Губы девушки затряслись. Она едва могла выдать из себя хоть слово.

— Да что ты делаешь? — не сдержалась Лада.

Выйдя вперёд, она обняла Вейду за плечи. Но та лишь разразилась рыданиями.

— Тише, не бойся. Создатель с тобой, — Лада говорила тихо, пытаясь успокоить бившуюся в истерике девушку. — Скажи, что ты делала у штолен? Не плачь, просто соберись и скажи нам правду.

— Овца, — всхлипнула та.

— Что? — нахмурился Ратибор.

— Рауна просила поискать пропавшую овцу и обещала мне пару медяков.

— Ты ей веришь?

Охотники и посланник князя стояли в стороне. Селяне не расходились, продолжая молча выжидать на площади. Впрочем, попыток напасть на Вейду они не предпринимали. Девушку отвели в одну из пустовавших хижин на краю деревни и заперли там.

Лада пожала плечами.

— Сложно сказать. Нужно поговорить с селянами. Может, и выясним что-нибудь.

— Одно знаю наверняка, — сказал Дроган. — Если здесь девчонку бросим — ждёт её верная смерть. Да и как ей теперь жить-то, среди тех, кто пытался её убить?

— Ты совершенно прав, друг мой, — согласился Ратибор. — Так что итог один — придётся пихать её в клетку и везти с собой. А в Миргороде уж разберёмся, ведьма она, или кто.

— И кто будет разбираться? Вы или мы?

Ратибор усмехнулся.

— А вот там, на месте, и решим. Не переживай за неё, старый вояка. Мы, знаешь ли, тоже не чудовища какие-то, девок просто так по подвалам не держим. В отличие от вас, кстати говоря.

Дроган вспыхнул.

— В подземельях сидят только ведьмы, чья вина безусловно доказана!

— Ишь ты, — продолжал поддевать Ратибор. — «Безусловно»! Не думал, что ты слово-то такое знаешь. Ладно, ладно, не кипятись. Прости, если обидел. Характер у меня такой, за то и не любят. Мы общее дело делаем. На том предлагаю и порешить.

— Что дальше? — спросила Лада, дождавшись, когда мужчины закончат препирательства. — Ночь на дворе. Сейчас нет смысла отправляться обратно.

— Давайте так, — предложил Ратибор. — Я разгоню толпу и отправлюсь поговорить с этим их охотником, Аругом. Ты, сестра, покараулишь пока нашу пленницу, чтоб не сбежала. Две женщины меж собой язык лучше найдут в такой ситуации, а от меня или Дрогана она шарахаться будет, как дикая кошка. Ты же сумеешь успокоить её, знаешь, по-женски как-нибудь. Что касается тебя, Дроган, сходи к этой карге, Равуне. Присмотрись к ней, поспрашивай. Странная она какая-то. Подозрительная. Может, и её стоило бы в клетку запихнуть, да отвезти в столицу.

Отец Тихомир, непривычно тихий, стоял в стороне и не вмешивался в разговор. Похоже, его вполне устраивало, что Ратибор взял на себя распределение обязанностей. Дроган, напротив, сложил руки на груди и выглядел не особо довольным. Сплюнув, он процедил сквозь зубы:

— А с каких это пор ты нами распоряжаешься?

В ответ Ратибор улыбнулся и выставил перед собой руки, словно защищаясь.

— Создатель милостивый! И в мыслях не было тебя как-то задеть! Дроган, если есть какие-то предложения, соображения или возражения — не держи при себе, высказывай. Я открыт для критики и дискуссий!

— Дискуссий, говоришь, — Дроган словно попробовал это слово на вкус, покатав на языке. — Нет, таким мы заниматься не будем. Ладно, возражений нет. Главное помни, что ты нам никто. Не командир, не наниматель. Мы делаем свою работу, ты — свою. Усёк?

— Всецело и с полной ясностью!

Княжий посланник коротко кивнул и направился к стоящим неподалёку жителям деревни.

— Ну что, померились? — спросила Лада, глядя в удаляющуюся спину Ратибора.

Дроган не ответил. Бросив на подругу тяжёлый взгляд, он тоже развернулся и направился к дому, в котором скрылась Равуна. Обернувшись, Лада заметила, что отец Тихомир также куда-то пропал. Оставшись одна, она решила не тратить время впустую и, захватив сумку с припасами, двинулась туда, где была заперта предполагаемая ведьма. Когда охотница закрывала за собой дверь, с улицы уже слышались зычные команды Ратибора, разгонявшего селян по домам.

Хижина была очень старой. Часть пола просела до земли. Слышно было, как под ним скребутся какие-то мелкие твари. Балки прогнили. Пахло сыростью и плесенью.

Вейда сидела в дальнем углу, обхватив колени руками. Она больше не рыдала, но взгляд её был пустым. Обречённым. Когда дверь скрипнула, закрываясь, девушка вздрогнула, словно от удара, но голову не подняла.

— Не бойся, — произнесла Лада. — Расскажи мне, почему Равуна так тебя не любит, что решила подставить?

Вейда пожала плечами.

— Хорошо. Послушай. От того, будешь ты говорить, или нет, зависит твоя дальнейшая судьба.

— Всё равно мне не жить. Останусь здесь — соседи забьют камнями. А если заберёте с собой, — девушка замялась, затем продолжила, — не знаю. На костре сожгёте?

— Не сожжём. Это просто байки. Даже с вредоносными ведьмами мы обычно так не поступаем. Как правило, их просто казнят, достаточно быстро и безболезненно. Некоторых даже оправдывают. Но есть участь страшнее смерти. Например, вечное заключение вдали от света солнца. Там, где из года в год с тобой будет лишь тусклый свет свечи, а единственным человеком, которого ты увидишь, станет тюремщик. А с ним даже словом не перемолвишься.

Вейда наморщила лоб и впервые посмотрела на Ладу.

— Почему вы такие жестокие?

Охотница прислонилась плечом к стене.

— Видишь ли, по заветам Создателя нашего смерти может быть предан лишь тот, кто сам несёт смерть. Здесь мы связаны Законом. Не все вредоносные ведьмы переступают черту. Некоторые портят молоко, посева, богохульствуют или просто распространяют ересь, угодную их потусторонним хозяевам. Таких мы не можем казнить. Но и отпустить их было бы опрометчиво. Поэтому они вынуждены доживать свой век в подземелье, где они никому не смогут навредить.

— И вы ловите всех ведьм, которых встречаете?

— Нет. Есть те, кто не вредит людям. Есть даже уважаемые ведуньи, помогающие общине. Таких мы не трогаем. Но большинство рано или поздно переходят грань дозволенного.

— Почему?

— Сколько людей — столько и историй. Но основных причин две. Одних опьяняет власть. Им хочется почувствовать, что по своей прихоти они могут решать, кто будет жить, кто умрёт. Кому придётся пасть, а кому — возвыситься. Этот путь чаще выбирают мужчины.

Мотивы женщин — месть и обида. Так приятно, наконец, отомстить неверному мужу, проучить тех, кто не принимал тебя, отвергал. Издевался над твоими близкими. Угрожал твоей жизни. Так ведь?

Вейда в ответ только усмехнулась.

— Не считай меня деревенской дурочкой. Нет, ведьмовство — не для меня. Убереги нас Создатель от всяких чар.

И Вейда сотворила охраняющий знак, проведя ладонью перед лицом.

«Хитрая bestия», — подумала Лада. — «Хотя, может, и правда ни в чём не виновата? Но будем исходить, как всегда, из худшего».

— Что случилось с твоими родителями?

— Умерли. Мор их унёс. Я тогда ещё совсем мелкой была. Остались мы вдвоём с сестрой.

— Где она теперь?

— Уехала. Ты же слышала — жених её шею сломал, вот после этого Морна и сбежала. А меня оставила.

— Почему так случилось?

— С Троком или с сестрой?

— С обоими.

— Кто ж его знает. Упал, убился. Такое бывает. Он пил много, потому и бил Морну. Вот в тот день тоже поколотил её и ушёл на сеновал отсыпаться. А как я явилась и принялась ругать его, кинулся на меня, да только по пьяни не посмотрел, куда ногу ставит. Вот и упал нехорошо. А Морна наслушалась соседей наших, да и обвинила меня во всех своих бедах. Бросила меня одну, да в город подалась. Уж и не знаю, что там с ней теперь.

— Почему тебя так не любят остальные селяне?

Вейда пожала плечами.

— Людям нужно кого-то винить. За свою же лень, порочность, неудачливость. Кто-то должен быть виноват, но не они. А я — сирота, за меня никто не заступится. Кроме того — рыжая, единственная в деревне. Кто ж любит тех, кто так от них отличается?

«Звучит складно. Слишком уж складно для деревенской девушки. Как будто заранее продумала ответы».

Размышления Лады прервал скрип двери. На пороге стоял Ратибор.

— Пропал этот их Аруг, ни следа не оставил. Эй, селянка, знаешь, где твой друг может быть?

Вейда мотнула головой.

— Как Равуна здесь появилась, так он не показывается. В лесах ходит. Аруг и раньше-то был нелюдим.

— Так эта карга не местная?

— Её староста откуда-то позвал. Если уж кого и обвинять в ведьмовстве, так её. Ходит вся в чёрном, да стая ворон за ней постоянно летает. Но винят меня. Хотя я никому ничего плохого в жизни своей не сделала!

— Разберёмся. А пока здесь сиди. Соседи твои разошлись по домам, но мало ли, кому что в голову взбредёт. Лада, старик твой тоже пропал.

— Отец Тихомир. Прояви больше уважения к служителю Церкви.

Ратибор коротко кивнул.

— Уважение — так уважение, мне не жалко. Прости, устал я за сегодня. Не думаю, что

ещё что-то выясним. Разве что наш добрый друг Дроган из Равуны что ценное вытянет. Ну а я, пожалуй, на ночь устраиваться буду. Как придёт славный воитель, пусть первую смену возьмёт на себя, а потом уже меня разбудит. Разумно будет нам сегодня по очереди дежурить. Ну а ты спи, сестра, не беспокойся.

— Я чем-то хуже в качестве охранницы, чем вы?

— Лучше, сестра, лучше. Мне всегда казалось, знаешь ли, что женщины как-то внимательнее. Да только сделай мне одолжение — поспи сегодня. Неуютно я себя чувствую, спать не могу, когда девица за меня службу несёт. Так что уважь, не в обиду. Ну, простите, что прервал. Я пока за своим скарбом схожу, а вы тут продолжайте.

Ратибор вышел, оставив вместо себя звенящую тишину. Через некоторое время Вейда заговорила первой.

— А тебя никогда не злило, что другие решают, что тебе делать? Как жить?

— Честно? Нет. Это — вопрос дисциплины. Я на войне с самого детства. А не сражении за человеческие души понимаешь, как важно хорошо исполнять приказы. Что же касается этого человека — пусть его. Если ему так важно командовать, я не против. Пока это не мешает делу. А теперь нам и правда не помешает отдохнуть. Вот, возьми. Холодно по ночам.

Лада отдала одно из своих походных одеял и легла на пол, закутавшись во второе. Она слышала, как сопит Вейда, устраиваясь поудобнее. Глаза охотницы смотрели в темноту, не смыкаясь. Лада застала возвращение Ратибора, но не подала виду, что бодрствует. Лишь когда в дом вошёл Дроган, и принялся тихо пересказывать свой разговор с Равуной, сон, наконец-то, одолел её.

Тихомир так и не рассказал, где пропал всю ночь. Наутро он был бодр, как обычно. Насколько может быть бодрым слепой старик с деревянной ногой.

Повозка стояла, готовая к отправлению. Вейда была надёжно заперта в клетке. К удивлению Лады, к отряду также присоединилась Равуна, вышедшая поутру с небольшой котомкой, в которую, судя по всему, и были собраны её немногочисленные пожитки. В дорогу отряд провожала лишь стая чёрных птиц. Стоило повозке отъехать подальше, она с граем сорвалась и ринулась следом, наполнив небо хлопаньем крыльев.

— Что тебе сказала Равуна? — улучив момент, спросила Лада у Дрогана.

— Ничего толком. Говорит, девка с малого возраста была бесноватой. Любила удирать в лес и бродить там часами. Ещё до смерти родителей за ней никто уследить не мог, разве что Аруг этот иногда натыкался на неё, да приводил в деревню. Отец был непутёвым, хозяйство вечно в разладе. А потом пришёл мор и забрал его, вместе почти со всей семьёй. Вейда тогда исчезла. Людям не до мелкой девчушки было. Думали даже, померла. Но несколько дней спустя Аруг её на руках принёс. Сказал, что нашёл в лесу. Больше ничего не объяснил, но с тех пор за Вейдой странности стали замечать. На кого она сердится — с тем несчастья происходили. Косо на девчушку смотрели, да не трогали. А пару недель назад жених этот, Трок, сломал шею. Говорят, это видела жена старосты, и что-то там было не то. Бедная женщина несколько раз об этом Ярвику говорила. Всё пыталась зачем-то следить за девчонкой. А потом раз — и вдруг удар её хватил. Ярвик тогда сразу не поверил, что болезнь его жену забрала. Позвал Равуну, которая неподалёку оказалась. Та организовала охоту на Вейду, и вроде как её в ведьмовском логове схватили.

— Что ещё за логово? Может, стоит и нам его осмотреть?

— Да я Равуну спросил, но та ответила, что без воли ведьмы логово не откроется. А Вейда, сама понимаешь, себя подставлять не будет.

— Как удобно. А что насчёт самой Равуны? Кто она, откуда?

— Говорит, просто странница. Ходит по миру, собирает старые знания да легенды. Несколько раз встречалась с Ярвиком мимоходом, и чем-то так его зацепила, что староста ей полностью доверился. Вот и сейчас на помощь позвал.

— А с нами зачем увязалась?

— Вроде как с ведьмой хочет отправиться, чтобы с нами ничего дурного не случилось.

— Спасибо ей за помощь, конечно, но мы бы и сами прекрасно справились. Вроде не в первый раз. Зачем ты позволил за нами идти?

— Да не камнями же мне её прогонять! Да и нет у нас причин, чтобы её сторониться. Пусть едет с нами, не жалко.

— Нет причин? — усмехнулась Лада. — Как насчёт этой?

Она подняла вверх палец, указывая на стаю ворон, продолжавшую носиться в небе над повозкой.

— А что? Птицы воспитанные, на нас хоть не гадят. Так-то понятно, что Равуна сама немного ведьма, но пока вроде безвредная. Кроме того, обнаружил я ещё одну вещь. Как вышел от неё, обошёл дом по кругу. И у задней стенки, под кустами, нашёл свежую могилку. Знаешь, что там было?

— Просвети меня. Надеюсь, не что-то отвратительное? Хотелось бы сегодня обедать спокойно.

— Овца. Та самая, которую вроде бы Вейда искать пошла. Так что я подумал — пусть-ка лучше Равуна пока с нами поедет. Для лучшего пригляду.

Лада кивнула, соглашаясь с этими доводами. Она отъехала в сторону, чтобы лишний раз не пробуждать любопытство Ратибора, и так уже посматривавшего в сторону перешёптывающихся охотников. Он уже развернул коня и собирался что-то спросить, когда Дроган протянул руку вперёд и громко произнёс:

— Подвесной мост. Думаю, будет разумно спешиться и аккуратно провести повозку. Как ты думаешь, командир?

Ратибору оставалось только обернуться через плечо, оценивая ситуацию, и молча кивнуть в знак согласия.

— Всё в порядке, — кивнул Ратибор, переведя коня на другую сторону под уздцы.

Пока Дроган ждал своей очереди, разминая ноги в стороне от повозки, Вейда прильнула к прутьям решётки, поймав взгляд Лады.

— Я тебе не враг, — тихо произнесла она.

— Возможно, — ответила охотница.

Девушка хотела сказать ещё что-то, но повозка тронулась с места. Дроган вёл лошадей. Рядом с ним, держась рукой за верёвочное ограждение, шагал отец Тихомир. Когда повозка благополучно перебралась на другую сторону, настал черёд Лады. Она двинулась вперёд, ведя за собой Демона, коня Дрогана, фыркавшего и недоверчиво косившегося себе под копыта. В шаге позади мрачной тенью следовала молчаливая Равуна, с которой охотница старалась не спускать глаз. И вдруг та замерла, насторожившись, словно прислушиваясь. Затем, схватив Ладу за руку, прошипела:

— Вперёд, быстро!

Лада собиралась возразить, но уже и сама услышала характерный звук лопающихся верёвок. Стеганув Демона по крупу, охотница бросилась следом. На её глазах поддерживающие мост канаты расползались, грозя обрушить всю конструкцию на дно расщелины. Конь одним прыжком оказался на твёрдой земле, испуганно заржав и вскинув передние ноги. А Лада чувствовала, как теряет опору и летит вниз. Непроизвольно она закрыла глаза от ужаса, когда ощутила сомкнувшуюся на запястье стальную хватку. Неведомая сила подбросила её в воздух, а затем швырнула на землю, вынудив судорожно хватать ртом воздух и корчиться от боли. Наконец Лада открыла глаза, не понимая, сколько времени она пролежала — минуту или, может, часы? Но к ней спешили Ратибор с Дроганом, а значит, минула лишь пара мгновений. Рядом ворохом старого тряпья лежала Равуна. Старуха мельком взглянула на Ладу, легко поднялась и подошла к клетке.

— Как банально! — ядовитым голосом произнесла она.

— Это не я! — воскликнула Вейда.

В глазах её плескался страх. Но сколько искренности было в этом, Лада не могла бы поручиться.

Дроган протянул ей руку, помогая подняться. В это время Ратибор уже рассматривал верёвки. Подойдя к нему, охотница увидела, что их концы словно истлели. Невольно она обернулась к Вейде. Та лишь покачала головой, смотря на Ладу широко распахнутыми глазами.

«Бойся улыбки ребёнка...»

Лада отвернулась и направилась к коню. Путь до столицы предстоял неблизкий. Понемногу начинало смеркаться.

— Остановимся на привал?

— До заставы доедем, — ответил отец Тихомир.

Голос его звенел от напряжения. Ссутулившись, он сидел на козлах, и похоже было, будто старик прислушивается к каждому шороху, доносившемуся из ночного леса. Ратибор пустил своего коня рядом.

— Монах, тебе, конечно, не видно, но вокруг ночь, темень кромешная. Дорога едва

различима, даже под фонарём, а по твоему настоянию Дроган лошадей не осадил. Наоборот, всё подстёгивает. Уж не знаю, куда ты так торопишься, надеюсь, не на свидание со своей могилой. Потому как там мы и окажемся, свернув шеи, если не...

— Довольно, — негромким, но глубоким голосом прервал его отец Тихомир. — Тебе дали вволю покомандовать. Почувствовать себя важным. А теперь закрой, пожалуйста, рот. Вокруг всё же мои люди, и опыта в потусторонних делах у самой юной из них в разы больше, чем у тебя. Так что с этого момента ты слушаешься меня и помалкиваешь. Если не готов — оставайся. Князю я как-нибудь объясню, почему ты не вернулся.

Ратибор побледнел, огляделся по сторонам, будто надеясь увидеть под деревьями неведомую «потустороннюю» угрозу, затем развернул коня и занял место в хвосте отряда. Лада оглянулась на отца и заметила широкую ухмылку Дрогана. Сам отец Тихомир всё так же неподвижно восседал на козлах, будто ничего не случилось. На всякий случай охотница замедлила шаг, опасаясь, как бы Ратибор что-нибудь не выкинул. Но тот, увидев её манёвр, сам придержал коня и отстал ещё больше.

Рауна сидела в хвосте повозки. Позади клетки, спиной вперёд, свесив ноги. Вейда уже давно свернулась на полу и тихо посапывала. Похоже, её не волновали реальные или мнимые опасности ночного леса. Лицо же старухи, как обычно, было подобно книге, закрытой и запечатанной.

— О чём ты думаешь? — спросила Лада, не надеясь, впрочем, на ответ.

Рауна посмотрела исподлобья.

— Тихо. Не слышно деток.

Лада нахмурилась, размышляя, не спятила ли карга, но вдруг поняла, о ком та говорила. Действительно, шелест крыльев и грай ворон, преследовавшие отряд весь день, куда-то пропали. Охотница огляделась. Низкие тучи скрывали месяц, если он вообще был на небосводе. Свет от фонаря, примотанного на жерди возле Дрогана, был единственным ярким пятном в округе. Вдоль дороги, окружённые густым подлеском, торчали тёмные, изогнутые стволы деревьев. Колея петляла, временами полностью скрытая травой. Ни звука не доносилось из мрачной глубины леса. Даже воздух был неподвижен.

Вдруг всё существо Лады будто взорвалось, крича об опасности. Нечто неведомое, таинственное приближалось из-за стены деревьев. Охотница увидела, как вскакивает на ноги Рауна, инстинктивно пригнулась, и тут же лес исторг стремительную чёрную тучу, с криками обрушившуюся на отряд. Не сумев удержаться, Лада почувствовала, что вылетает из седла. Оставшись без седока, её конь в ужасе рванул вперёд. Краем глаза охотница увидела небольшие чёрные силуэты, впивающиеся в его плоть. Окровавленное животное, не разбирая дороги от страха и боли, споткнулось, и едва не налетело на повозку. Дроган, стоя на ногах и понося всех святых (ох, и достанется ему после от отца Тихомира!) отчаянно хлестал лошадей. В падении Лада успела ухватиться за борт телеги, и теперь её ноги волочились по земле. Вдруг она ощутила ту же мощную хватку, что ранее этим днём вытащила её с обрушившегося моста. Подняв голову, охотница увидела, как Рауна легко поднимает её вверх и перебрасывает через борт. Затем карга отвернулась, расправила плечи и распрямилась во весь рост. Только теперь Лада перевела дух и, как следует, огляделась. Увиденное заставило её непроизвольно приоткрыть рот. С неба на отряд бросались вороны Рауны. Одна из птиц спикировала прямо на Ладу, едва не выбив ей глаз. Охотница отклонилась и повернула голову. Птица, сломав себе шею в самоубийственной атаке, ворохом перьев лежала на полу телеги. Отшвырнув её на дорогу носком сапога, Лада

добралась до своей сумки, вынула и зарядила арбалет.

— Что происходит? — спросила она, вставая рядом с Равуной, едва сдержав богохульные ругательства.

— Кто-то перехватил контроль над моими птицами.

Взгляд старухи рыскал по сторонам, словно она надеялась отыскать за деревьями неведомого врага. Тренькнула тетива, и чёрная птица, пронзённая стрелой Лады, с хриплым криком ударилась о землю. Равуна вздрогнула, будто это она приняла на себя выстрел. Мимо телеги промчался Ратибор, размахивая мечом. Несколько разрубленных птиц уже лежали там, где пролёг его путь. Лада не заметила, ранен ли посланник князя, но в седле он держался крепко. А предсмертное ржание павшего Демона становилось всё тише, пропадая вдаль.

Зазевавшись, Лада едва не пропустила очередную спикировавшую на неё ворону, но та будто натолкнулась на невидимую стену. Стая летела за повозкой густой тучей, временами нагоняя и обрушиваясь на людей. Лада пускала в птиц один болт за другим. Временами она попадала, и тогда одна из ворон скорбной грудой оставалась лежать на земле. Но чаще стрелы пронзали лишь воздух, исчезая во тьме. Наконец, настал момент, когда нечем стало заряжать арбалет. Отбросив на пол ставшее бесполезным оружие, Лада схватилась за кинжал. И тут шквал когтей, клювов и перьев накрыл её. Охотница заметила, как рядом, вскрикнув, упала Равуна. Острый клюв распорол щеку до самой скулы, и Лада невольно вскрикнула от острой боли. Извернувшись, она нашла взглядом Вейду, но та сидела на полу клетки, обхватив колени руками. Взбесившиеся птицы, казалось, не замечали её.

— Руку!

Лада повернулась и увидела тянущуюся к ней Равуну. Её голос был едва слышен сквозь птичий гвалт.

— Выпусти свою силу! Иначе нам конец! Одной мне не сдюжить!

Лада медлила. Одно дело — мелкие фокусы, другое — выплеск силы, который должен был последовать, если они с Равуной замкнут круг. Всю жизнь охотницу учили держать свой дар в узде, и даже угроза жизни не могла заставить её быстро отринуть вбитые запреты. Наконец, она решилась. Съёжившись, стараясь укрыть лицо от бьющих когтей, Лада потянулась к старухе. Когда она уже почти коснулась её скрюченных пальцев, спереди послышался крик. Охотница не разобрала ни слов, ни даже голос кричавшего, но в тот же миг повозка резко свернула в бок, накренилась и опрокинулась. Вылетев через борт, Лада сильно ударилась рёбрами и оказалась на земле. Слеплённая заливавшей глаза кровью и оглушённая ударом, она инстинктивно ползла куда-то, пока её не подхватили сильные мужские руки. Доверившись им, Лада переставляла ноги, пока ей не позволили вновь опуститься на землю.

Охотница вдруг с ужасом поняла, что ничего не слышит. Вокруг была лишь звенящая тишина.

«Создатель милосердный, только не глухота! Прощу тебя, милостивый творец, только бы не стать...»

«Такой, как отец Тихомир». Эта мысль мелькнула, стеганув её, словно хлыстом. Оглушив сильнее, чем недавний удар о землю.

— Зарраза, — послышалось рядом.

Сердце Лады громко стукнуло. Стыдясь своих мыслей и нахлынувшего невероятного облегчения, охотница попыталась подняться.

— Сиди уже, сейчас всё будет, — снова раздался голос Дрогана.

Лада ощутила на лице сухую шершавую ткань. Названный брат вытирал ей лицо.

— Прости, бурдюк потерял.

Лада понимающе кивнула.

— На, мой возьми, — это был уже голос Ратибора. — Щипать только будет. Там не вода.

Щипало, и правда, сильно. Судя по этому, всё лицо Лады было в ссадинах и порезах. Наконец, она смогла открыть глаза и оглядеться. С первого взгляда она узнала это место — дорожное святилище, мимо которого отряд проезжал по пути в Медянку. Рядом хлопотал Дроган, обрабатывая раны охотницы. Ратибор, прикрыв глаза, устроился прямо на лежащем камне. На первый взгляд, оба они были целы. Чудом уцелел и фонарь, установленный посреди святилища. Тусклым светом он отделял круг жизни, в котором сгрудились люди, от окружившего их царства смерти.

В стороне, у самой границы тени, спиной к остальным, стояла Равуна. Её одежда была изодрана, но старуха держалась ровно, хоть и привычно ссутулившись. В её руке Лада заметила палку, напоминавшую воронью лапу.

Отца Тихомира, Вейду и лошадей видно не было. Перевернутая набок повозка лежала неподалёку. А на ветвях, куда хватало взгляда, молчаливыми зловещими тенями сидели вороны.

— Где отец? — прохрипела Лада, пытаясь подняться.

Дроган обхватил её за плечи и заставил прекратить усилия. Рёбра отозвались глухой болью, но, вроде бы, были целы.

— Мы не знаем. Как телега перевернулась, он вроде как выпал. Но вороны на него точно не нападали. Может, спрятался куда?

Лада дотронулась до лица, чувствуя слабость. На руке остались пятна крови. Закрыв на миг глаза, охотница решительно отогнала мысль, что её наставник может быть мёртв. Или покалечен, и сейчас лежит без сознания.

— Что теперь?

— Будем ждать до рассвета. Здесь мы в безопасности. Там — верная смерть, — хрипло ответила Равуна. И добавила, будто услышав мысли Лады, — и монаха своего спасти не сумеете. А с рассветом чары спадут, кто бы их ни навёл.

— Чёртова ведьма, — сплюнул Ратибор. — Если бы не твои проклятые птицы, мы бы добрались до заставы.

Равуна спокойно восприняла оскорбление. Ответом она его не удостоила.

— Что с Вейдой? — вдруг спохватилась Лада.

Равуна молча протянула руку и указала на перевернутую клеть. Ожидая увидеть раздавленное тело, охотница, сжав губы, проследила за её жестом. Однако, вопреки опасениям, невредимая девушка сидела в клетке, будто ничего и не случилось. Вороны не реагировали на неё. Вид у Вейды был спокойный, даже умиротворённый.

— Надо было дать селянам сжечь эту суку, — процедил Ратибор. — Меньше было б проблем.

— Я уже говорила, и повторю сызнова, — устало произнесла Вейда. — Я вам не враг.

Равуна открыла рот, чтобы ответить, но в этот миг из-под деревьев появился человек. Лада не видела его раньше, иначе сразу бы узнала — таким приметным он был. Тёмная, почти коричневая, кожа была иссечена морщинами, похожими на складки коры. Густые

седые волосы спадали ниже плеч, почти закрывая лицо, итак едва видимое окружающем мраке. Незнакомец шёл медленно. Могучая грудь, немногим меньше сажени обхватом, мерно вздымалась. Рука, толщиной с молодую осину, поднялась и легла на замок клетки. Тот жалобно скрипнул, щёлкнул, и развалился. Вейда вышла. Её тонкая ладонь утонула в огромной лапице великана. Развернувшись, девушка и её освободитель пошли в лес.

— Аруг.

В голосе Равуны впервые проявились эмоции. И это была ярость. Деревенский охотник медленно обернулся. Его лицо ничего не выражало. Безмолвно, он побрёл дальше, и вскоре вместе с Вейдой скрылся во мраке. Едва это произошло, птицы, сидевшие на ветвях, рухнули вниз. Мёртвые пернатые тела усеяли пространство за пределами светового пятна.

Ноги Равуны подкосились. Она упала на колени, невидящим взглядом уставившись в темноту.

«Детки мои», — донёсся до Лады едва слышный шёпот.

Все хранили молчание. Охотница поднялась, чтобы подойти к старухе, но в этот миг в тени за повозкой почудилось движение. Ратибор вскочил, выхватив меч. Дроган поднялся, сжимая кулаки — его топор был потерян где-то во время безумной скачки. Ладонь Лады непроизвольно легла на рукоять одного из кинжалов, всё ещё висевших на поясе.

Из-за повозки, пошатываясь, медленно поднялся старый монах. Лада сорвалась с места и кинулась к нему, однако отец Тихомир решительно отстранил предложенную руку. Несмотря на помятый вид, стоял он довольно твёрдо.

— Где ведьма? — спросил он.

— Ушла, — проворчал Дроган. — Аруг увёл её.

Монах немного помолчал, затем повёл носом, словно пытаясь учуять Вейду и её спутника.

— Надо идти за ними. Они наверняка отправились в логово, о котором говорила Равуна. Она здесь?

— Я слушаю, — коротко бросила старуха.

— Ты сможешь отвести их к убежищу ведьмы?

Равуна пожала плечами. Она выглядела старой и уставшей.

— Смочь-то смогу. Только одолеем ли?

— Должны, — решительно ответил монах. — Нам нужно довериться воле Создателя, который привёл нас на этот путь. Нельзя позволить, чтобы ведьма ушла безнаказанной. Ступайте. Для этого вы и приняли свои обеты.

— Ну, я никаких обетов не принимал, — поднялся Ратибор, — однако со стариком согласен. Надо идти за ними, иначе мало ли, что ещё эта девка выкинет. Если жених её сестры поплатился жизнью за то, что бил свою невесту, представляю, какую обиду она на нас затаила. Не хочу остаток жизни оглядываться. Но почему ты думаешь, будто ведьма так глупа, что пошла именно туда, где мы стали бы её искать?

Вместо старого монаха отозвалась Равуна.

— Место Силы. Туда он и вернётся. Слишком уж сильно Аруг потратился. И от логова далеко отойти не может. Чем быстрее туда придём — тем слабее он будет.

— Топор бы найти надо. Негоже без оружия к ведьмам соваться, — проворчал Дроган.

— Я помогу, — предложила Лада. — Найдём твой топор, и отправимся. Не будем ждать до утра. Равуна, для тебя ночь не помеха, я думаю?

— Нет. Дорогу найду. Ждать и правда не стоит. К утру тут может быть гораздо хуже.

Отец Тихомир кивнул и обвёл небольшой отряд невидящим взглядом.

— Хорошо. Да пребудет с вами благословение Создателя. Я буду ждать вас здесь.

С этими словами, монах повернулся, и уселся на лежавшее на земле колесо. Казалось, он задремал, поскольку больше не проронил ни слова.

Равуна вела небольшой отряд по ночному лесу. Лада не могла понять, как старуха ориентируется в темноте, но та ни разу не остановилась, не заплутала. Уверенно, хоть и медленно, она шагала меж узловатых деревьев, скрипевших на ветру.

Ратибор нёс фонарь — маленький огонёк света в океане мрака. Тучи так и не рассеялись, грозно нависая над землёй. Казалось, когтистые ветви на вершинах самых высоких деревьев едва не царапали их мягкое брюхо.

— Да что б вас черти драли, — тихо выругался Дроган, в очередной раз споткнувшись о торчавший из земли корень.

— Не поминай их всеу, — так же вполголоса отозвалась Лада. — Кто знает, с чем нам сегодня предстоит столкнуться.

Дроган серьёзно кивнул и перехватил топор.

— Ты ей доверяешь? — воитель кивнул в сторону Равуны.

— Нет.

— Тогда почему мы идём за ней?

— Очевидно, дражайший мой друг, потому, что у нас нет другого выбора, — подал голос Ратибор. — Ведьму и её подручного нельзя упустить. Иначе кто знает, что они способны натворить этой же ночью?

Лада задумалась, собирая воедино всё, что знала о Медянке и её жителях. Наконец, она произнесла:

— Мне кажется, всё не так просто с этими двумя.

— Тебе не зря кажется, — донёсся спереди сухой голос Равуны.

Дроган снова тихо выругался.

— Раз уж ты нас слышала, может, пришло время поделиться тем, что тебе известно? — спокойно сказала Лада.

Старуха остановилась. Впервые с тех пор, как они покинули освящённое место возле дороги. Обернувшись, она окинула своих спутников колким пронизывающим взглядом своих маленьких чёрных глаз.

— Ты права. Так лучше. Подойдите сюда. Недалеко осталось. По дороге скажу, что знаю.

Охотница и двое мужчин нагнали старуху, и та, продолжив путь, начала рассказ.

— Аруг — не тот, кем вы его считаете. Не просто деревенский охотник. С давних пор живёт он в Медянке под разными обличьями. Некогда был здесь старостой. Тогда селение процветало. И гордыня поселилась в его сердце.

— Погоди-ка, — перебил старуху Дроган. — Хочешь сказать, он — тот колдун, который научился подчинять себе людей и животных? Так это было-то десятки лет назад! Да и говорят, он умер уже давно.

— Не десятки. Сотни. Столетия он поддерживал своё нечестивое существование. Раз за разом он находил ученицу. Воспитывал. Вскармливал. И когда она входила в полную силу, выпивал её дар. Отнимал жизнь, чтобы продлить свою.

Лада покачала головой.

— Вейда?

Старуха кивнула.

— Значит, девчонка и правда ведьма, — скривился Ратибор. — И повинна в смертях, которые ей приписывали.

— Так и есть. Она не была злой по природе. Но даже святость можно опорочить. Извратить. Аруг взрастил в ней ту тьму, что есть в каждом.

— И ты всё это знала, — сказала Лада.

Охотница видела лишь спину Равуны, а не её лицо, но ей показалось, что старуха ухмыляется.

— Ты верно поняла. За Аругом я пришла. Не за его ученицей. Ловила колдуна, как иные охотники ловят волков. Привязывая овец в лесу.

— Зачем?

— Его злу должен прийти конец.

— Что-то ты не похожа на образец добродетели, — заметил Дроган. — Тебе от этого какая польза?

Равуна немного помолчала. Она продолжала двигаться вперёд, бесшумно ставя ноги меж сломанных ветвей и поваленных стволов.

— Ярвик попросил избавить от зла. Мы — старые друзья. Не могла я оставить его деревню без защиты.

Лада и Дроган обменялись взглядами. Воитель покачал головой. На его лице ясно отражалось недоверие. Лада и сама сомневалась в бескорыстии старой карги и подозревала, что та может оказаться ещё опаснее, чем Аруг. Парой коротких жестов она попросила названного брата присматривать за Равуной. Тот ответил кивком.

— Мы пришли, — произнесла старуха.

Землю перед ними словно рассёк некогда топор неведомого великана. Овраг был прямым. Его склоны круто шли вниз, хоть и успели немного сгладиться и зарости сорной травой. У дальнего края рос старый вяз. Ствол лесного гиганта разошёлся, образовав огромное дупло среди переплетения могучих корней.

— Что там? — спросил Ратибор, подняв фонарь повыше. — Ни хрена же не видно! Прости, сестра, за грубый солдатский слог.

— Вход, — возвестила Равуна.

— Да, похоже, там, под корнями, дыра какая-то, — наклонившись, чтобы получше рассмотреть, сказал Дроган.

И верно — в глубине ствола виднелся чёрный провал, ведущий во чрево земли. Лада огляделась. Неподалёку возвышалась скала. Видать, Равуна привела их к одному из небольших естественных входов в сеть пещер, которые жители Медянки некогда расширили и превратили в шахты для добычи олова и меди.

— Ладно, чего маяться на пороге.

С этими словами Ратибор пригнулся и полез в проход. Дроган, осенив себя знаком Длани, последовал за ним. Лада уже собиралась двигаться с места, когда почувствовала на плече крепкую хватку Равуны.

— Возможно, придётся пробудить свой дар. Впереди поджидает смертельная опасность. Не медли, как в прошлый раз.

— На всё воля Создателя нашего, — ответила охотница, пристально глядя в чёрные бусинки глаз собеседницы.

Та усмехнулась и разжала пальцы.

— Только глупец думает, что знает, чего хочет от него Бог.

Лада повернулась и полезла в туннель. На миг оглянувшись, она убедилась, что старуха следует за ней неотступной тенью.

Удивительно, но сам проход оказался вполне просторным. Преодолев узкий лаз, Лада сумела распрямиться во весь рост. И даже высоченный Ратибор лишь немного склонил голову, чтобы не скрести шлемом о каменный потолок.

Пахло сыростью. Под ногами была скользкая рыжая глина. Приходилось ступать осторожно, чтобы не поскользнуться на неровном полу. Идя вперёд, Лада держалась рукой за влажную шершавую стену. То тут, то там выступали корни деревьев, похожие на жирных чёрных червей. Впереди мелькали красные точки неизвестно как оказавшихся в этом месте светлячков. Лада впервые видела таких — будто искорки вспыхивали в темноте подземного перехода. Левая рука охотницы легла на рукоять кинжала из холодного железа, и на душе стало немного спокойнее.

Впереди, можно было ладонью коснуться, покачивалась широкая спина Дрогана. Присутствие воителя вселяло уверенность и какое-то привычное чувство защищённости. Длинная рукоять топора покоилась на его плече, и Лада могла различить на лезвии древние руны. Сейчас они были едва различимы в неверном свете покачивавшегося впереди фонаря.

Возглавлял процессию Ратибор. В высоко поднятой левой руке он нёс единственный источник света, который был у отряда. В правой княжий посланник держал обнажённый меч.

Туннель резко завернул. За поворотом оказалась небольшая пещера. В её центре скопилась вода, образовав небольшое озеро. Наверное, тысячу лет она по капле падала с наросшего на потолке сталактита. Стены и пол здесь густо обросли мхом, а вверху, под самым сводом, мерцали сотни маленьких красных точек. Они находились в постоянном движении, переползая с места на место.

Всё это выглядело так необычно, что Лада даже не сразу заметила две человеческие фигуры по ту сторону озера. Аруг стоял неподвижно, слившись с окружением, словно ещё один огромный корень. Вейда сидела рядом, прямо на мхе. Лицо её оставалось в тени, но Ладе почему-то показалось, что в глазах девушки читалась печаль.

Аруг атаковал стремительно. Колдун одним движением вскинул лук и спустил тетиву. Чёрная стрела рассекла неподвижный воздух и пробила бы стоявшего впереди Ратибора насквозь, но каким-то неведомым образом отклонилась в сторону. Лада мельком взглянула на Равуну. И точно — старуха вскинула морщинистую руку в защитном жесте.

Не дожидаясь повторного выстрела, Дроган и Ратибор ринулись вперёд, обходя озеро с разных сторон. И тут же с потолка сорвался рой зловеще-красных искр, облепив охотника на ведьм. Громко ругаясь, воитель выронил из рук топор, пытаясь закрыть глаза.

«Ты знаешь, что делать, девочка», — послышался шёпот Равуны.

Лада не была уверена, что старуха действительно произнесла эти слова вслух. Возможно, она уловила лишь отголосок мысли. Но охотница и правда знала, что нужно предпринять. Сделав несколько стремительных шагов, она вытянула вперёд руку и почувствовала, как поток силы рвётся из её ладони, превращаясь в ветер. Порыв не смог бы сбить с ног человека, но для мелких насекомых его оказалось достаточно. Раздражённо гудя, рой светлячков отлетел к дальней стене.

Между тем, Ратибор уже добрался до противника. Но Аруг не собирался сдаваться — откинув бесполезный лук, он подхватил стоявший позади длинный шест и попытался встретить посланника князя мощным тычком в грудь. Тот отпрыгнул, всего на миг потеряв

равновесие. Однако этой заминки вполне хватило Аругу. Подшагнув, он взмахнул концом посоха, целясь в шею Ратибора. Но стоило тому поднять меч для защиты, как вторым концом Аруг нанёс сокрушительный удар в колено. Нога Ратибора подогнулась, и он рухнул на землю, не сумев сдержать крик боли. Очередным ударом старый ведьмак отбросил меч княжьего посланника в озеро. Тот мог лишь вскинуть руки для защиты. Шест опустился на них, и правая рука упала на землю безвольной плетью, приняв удар. Она была столь неестественно вывернута, что даже с расстояния Лада поняла — от такого перелома Ратибор отправится не скоро. Если у него вообще будет шанс.

Продрав глаза, Дроган, наконец, подхватил топор и кинулся на помощь Ратибору, но Аруг уже занёс оружие. В этот раз он метил прямо в лицо, очевидно надеясь покончить с противником одним мощным прямым ударом. Когда шест начал опускаться, Дроган был ещё слишком далеко.

Но вдруг чёрным предвестьем гибели перед Аругом появилась Равуна. Лада только сейчас заметила её, и не могла понять, откуда вдруг возникла старуха. Палка, похожая на скрюченную воронью лапку, отклонила опускающийся шест, и тот ударил в землю рядом с головой Ратибора. Пальцы левой руки Равуны сомкнулись на горле Аруга, хотя для этого старухе и пришлось вытянуться во весь рост. Лада с невольным ужасом подумала, что сейчас Аруг одним лёгким движением сломает пополам сухое тело, но тот внезапно обмяк. Древний ведьмак будто безвольно повис в руке Равуны. Лада видела, как стремительно сморщивается и иссыхает его плоть, и вот уже высушенная мумия рухнула на ковёр мха. Переведя взгляд на Равуну, охотница не поверила своим глазам — кожа женщины разгладилась, спина распрямилась. Теперь ей едва можно было дать тридцать лет.

Дроган тоже замер, не добежав. Опустив топор, он обернулся к Ладе. Воитель выглядел ошарашенным и явно не знал, что ему делать дальше.

Воцарившееся молчание прервал Ратибор.

— Ты спасла мне жизнь, ведьма, — произнёс он с плохо скрываемой болью. — Но, признаюсь, я не уверен, что мне стоило бы ответить той же любезностью.

Равуна пожала плечами.

— Какой у тебя выход?

Голос её был глубоким, мелодичным. От былой хрипоты не осталось ни следа.

— Вот для чего ты искала Аруга, — тихо произнесла Лада. — Чтобы убить его и продлить свою жизнь.

— Это деяние карается смертью, — прорычал Дроган, вновь поднимая топор.

Тонкая чёрная бровь ведьмы изящно изогнулась.

— Отнюдь. Оно не стоит даже того, чтобы подвергнуть меня заключению. Вы связаны своим Законом. Я не вредила людям. Не наводила порчу. Не убивала.

— А это?

Дроган указал на лежавшее во мху тело.

— Ты считаешь, что Аруг до сих пор оставался человеком?

В пещере повисла тишина. Все как-то забыли про сидевшую в стороне Вейду. Между тем девушка поднялась и подошла к Аругу, похожему на некогда могучий ствол дерева, сражённый ударом молнии. Вейда опустилась рядом с ним и положила себе на колени голову старого ведьмака. Дроган медленно подошёл и встал рядом.

— Девочка, — с какой-то необычной для него нежностью произнёс воитель. — Ты ведь понимаешь, что он просто хотел убить тебя, чтобы жить самому?

Вейда кивнула.

— И я бы с радостью отдала свою жизнь. Таково было моё предназначение. Без Аруга я бы и так уже была давно мертва. А теперь? Что теперь? Для чего я нужна в этом мире?

Ни у кого из присутствовавших не нашлось ответа, даже у Равуны. Каким бы ни был смысл существования Вейды, вероятно, он был исполнен. И теперь девушка должна была исчезнуть.

— Ты предстанешь перед судом Ордена, — вздохнул Дроган. — И вряд ли он будет благосклонен. На твоей совести, по крайней мере, две загубленные жизни. Для смертного приговора хватило бы и одной.

Плечи Вейды поникли. Всем своим видом она выражала смирение. На лице читались обречённость и... покой?

— Я готова, — тихо сказала девушка.

Обратно отряд шёл в тишине. Ратибор тяжело опирался на плечо Дрогана. Каждый раз, когда он ступал на повреждённую ногу, лицо княжьего посланника передёргивала гримаса боли.

К утру телега была поставлена на колёса, а разбежавшиеся лошади отловлены. Вейда без сопротивления заняла место в клетке.

— Вот что, — тихо сказал Ратибор, отведя Ладу и Дрогана в сторону, когда работа была завершена.

Он оглянулся на Равуну и отца Тихомира. Те находились слишком далеко, чтобы слышать его слова.

— Я наврал вам там, в трактире на заставе. Ни в какую Медянку я не направлялся.

— Очень интересно! — фыркнул Дроган.

— Тише. Сейчас я расскажу всё, и надеюсь, что у вас хватит разума понять, что и кому говорить можно, а о чём лучше помалкивать. Дело это касается самого князя.

Ратибор выдержал паузу. Убедился, что никто не станет его прерывать, и продолжил.

— Пару месяцев назад до него стали доходить слухи о каком-то тайном культе. Странные люди появлялись то там, то здесь, по всему княжеству. Посему несколько посланников отправились в разные деревни да городки по всей округе. Кто-то не вернулся. Кто-то, что, может, ещё хуже, вернулся и заявил, что ничего не обнаружил. Сам я направлялся в Жигань, когда вас встретил. Мар, приятель мой, восточку оттуда прислал, будто неладное в городе что-то творится. Но встретил я вас и подумал — как так, охотники на ведьм едут куда-то, а до нас даже слухов не доходило? Дай-ка проверю.

— Проверил? — усмехнулся Дроган.

— Проверил, — нахмурился Ратибор.

— И что ж теперь делать собираешься?

— Предложить двум охотникам на ведьм небольшую работёнку. Хоть мне иногда и кажется, что один из них умом не блещет. Давайте так — я с вашим стариком и ведьмой вернусь в город. Не думаю, что с девкой сложно совладать будет. А вы вместо меня в Жигань отправитесь и разведаете, что там, да как.

Лада достала из сумки сложенный лист пергамента и развернула его.

— Этот рисунок тебе что-нибудь напоминает?

Ратибор внимательно посмотрел на изображение оскаленной пасти и медленно кивнул. Он поднял взгляд на лицо Лады и прищурился, стараясь заглянуть ей в глаза.

— Откуда это у тебя?

Охотники переглянулись.

— Из Чёрного ручья. Вроде как там тоже один из ваших пропал.

— Верно. Этот знак нам и встречается. И, думается мне, корни он на нашей земле пустил глубже, чем то дерево, из-под которого мы нынче ведьму доставали. Итак, что скажете?

Лада кивнула. Дроган не спорил. Ратибор передал воителю своего коня. Для Лады пришлось выделить лошадь из упряжки.

— До заставы доберёмся — там нового реквизируем. А пока и этот бедолага дотянет.

Ратибор положил здоровую руку на круп оставшегося в упряжи животного. Лошадь обернулась и посмотрела на посланника князя. Во взгляде её читалось осуждение — она явно не разделяла оптимизма Ратибора.

Узнав о просьбе княжеского посланника, отец Тихомир принялся спорить, но в этот раз он неожиданно оказался в меньшинстве. Лада отмолчалась, но было ясно, что и она не готова снова слепо подчиниться своему наставнику. Стиснув остатки зубов, старый монах нахохлился, сидя на козлах, и молчал. Он так и не обернулся до тех пор, пока повозка не скрылась за поворотом дороги.

Названные брат и сестра, наконец, остались одни.

— А где Равуна? — вдруг спросила Лада, оглядываясь по сторонам.

Ведьмы простыл и след. Получив, что хотела, она исчезла.

Дроган проводил взглядом мальчугана, игравшего на мелководье.

— Ты веришь, что наша работа приносит людям благо?

— Почему ты вдруг начал сомневаться в своём ремесле? Неужели решил отойти от дел, прикупить трактир на перекрёстке, завести пухленькую жену и детишек?

Воитель отмахнулся, раздражённо нахмурившись.

— Я тебе серьёзно в кои-то веки толкую. Скажи мне, без этих твоих подколов, веришь, или нет? Мы и есть добро? Когда очередная женщина отправляется на костёр, мир становится лучше?

— Хочешь серьёзно? Пожалуйста. Да, я верю. Мы не женщин отправляем в огонь. Пусть они выглядят, как люди, но это уже не так. Они предали свою человеческую природу, отвернулись от света Создателя. Они несут зло. Это где-то там, в политических играх сильных мира, всё неоднозначно. Попробуй разобраться, кто из двух бояр, подравшихся за кусок земли и деревеньку, прав. В нашей же работе нет оттенков. Есть чёрное и белое. Зло и добро. И за это я благодарна. Мне ещё сложных моральных выборов не хватало.

Дроган смотрел перед собой. Дорога тянулась вперёд, прямая, как полёт арбалетного болта.

— Надеюсь, твоя вера никогда не рухнет, сестрёнка, — еле слышно пробормотал он. — Потому, что если это когда случится, то погребёт она тебя под собою.

Жигань был небольшим городком. Но дома в нём стояли каменные, чем его жители безмерно гордились. А всё потому, что недалеко находились каменоломни, на которых трудились привезённые со всех концов княжества преступники. Там они в большинстве своём и помирали, пополняя и без того разросшееся местное кладбище.

С холма Жигань был виден, как на ладони. В центре горел золотом купол храма. Через дорогу от него — длинное приземистое здание. Лада побывала во множестве городов, и могла легко опознать в нём городскую управу. Справа от охотников, выше по холму, виднелись поросшие травой да молодыми деревцами руины сторожевой башни. А больше никаких приметных домов в Жигани и не было. Город неровным кольцом окружала невысокая стена, но находилась она в ужасном состоянии. Камни осыпались. Местами можно было заметить большие дыры, словно пробитые гигантскими камнями. Стражи на воротах видно не было.

Лада уже собиралась пустить лошадь вперёд по дороге, когда сзади охотников окликнули. Повернувшись, она увидела молодого человека с загорелой кожей, невысокого роста. Несмотря на тёмную щетину, покрывавшую лицо, и запylённую одежду, незнакомец не был похож на бродягу. Всё в нём, от кончиков остроносых туфель до пера на ярко-алой шапке, лучилось жизнелюбием. Он приветливо махал рукой, широко улыбаясь, и Лада нахмурилась, пытаясь вспомнить, не знаком ли он ей. Но нет, такого она бы точно не забыла.

Между тем, незнакомец приблизился.

— Добрейшего дня, друзья-странники! — возвестил он, снимая шляпу. — Не согласитесь ли составить мне компанию в оставшейся части нашего путешествия до города? Зовут меня Мормагон. Также я являюсь счастливым обладателем множества титулов и

эпитетов, не все из которых я могу произнести в обществе прекрасной девы! Но об этом я могу поведать вам позже.

Дроган демонстративно взглянул через плечо на раскинувшийся внизу город, затем повернулся обратно к страннику.

— Здесь до города ехать не больше версты.

— А если пойдём вместе, они покажутся нам всего парой шагов!

Охотники переглянулись. Лада пожалала плечами.

— Ну, отчего бы нет. Я — Дроган. Прекрасную деву зовут Лада.

Лада непроизвольно дотронулась до скулы. На ней заживал широкий уродливый рубец, оставшийся на память о зачарованных воронах. Дроган, как мог, обработал рану и скрепил её края. Но когда охотница впервые сняла повязки, то не смогла удержаться не то от всхлипа, не то от стога. Вороний клюв рассёк плоть до кости. Рубец тянулся теперь от левой ноздри почти до самого уха. Но сейчас он был почти полностью прикрыт высоким кожаным воротником.

Странник с необычным именем, меж тем, разговаривал, не умолкая. Неожиданно, но молчаливый обычно Дроган с увлечением поддерживал разговор о рыбалке в Торке, живописных распадках на перевалах Хребта Великана, да игривых девках староместного края. Последняя тема нашла особый отклик в душе воителя, установив между двумя мужчинами некое внешнее подобие симпатии.

Но Лада хорошо знала своего спутника. Она видела, что глаза Дрогана остаются холодными, внимательными, пытаясь за внешней весёлостью и болтливостью случайного знакомого разглядеть его истинную суть. Судя по всему, пока получалось неважно.

— Скажи-ка, приятель, — вдруг произнёс Дроган, улучшив момент между историями. — Откуда у тебя имя такое странное? Мормагон. «Играющий со смертью»? Я немного владею гальрадским.

— О! Многие задают мне этот вопрос, на самом деле, и я как раз думал, когда ты его уже озвучишь. Да, гальрадское имечко. Причём, самое, что ни на есть, настоящее, данное мне отцом и матерью. Возможно, ты знаешь, что на моей родине живёт очень суеверный народ. Когда рождается ребёнок, местная повитуха кидает кости и делает предсказание его судьбы. И вот, лежу я голенький, весь в этом самом, после родов. Воплю. А эта ведьма смотрит на расклад и говорит: «Смерть ждёт его, когда он перестанет играть». Не знаю уж, как отреагировали родители. Мне они об этом никогда не рассказывали. Но отец нарёк меня Мормагоном. Ну, что ж поделать? Пришлось научиться играть!

С этими словами странник извлёк из заплечного мешка обёрнутый тканью предмет. Развернув его, Мормагон продемонстрировал инструмент, напоминавший половинку груши с натянутыми на неё струнами. Вместе с ним был короткий изогнутый смычок.

— Кернанская лира! — пояснил странник, видя удивление на лице Дрогана.

— Я, конечно, на любителя музыки не похож, — осторожно начал воитель, — но сам я — неплохой гуслиар, знаешь ли. И однажды в Миргороде были проездом странствующие скоморохи. У одного из них я видел лиру, и выглядела она совсем не так. Бродяга ещё рассказывал, что его предок привёз её откуда-то с юга. В те времена, когда был он, этот юг.

— Так то — обычная лира! — не смутившись, отвечал Мормагон. — А у меня — кернанская. Она хоть лирой и называется, но инструмент совершенно другой. И играют на нём не пальцами, как на гуслиях, а этой вот штукой. Смычок называется. Давай покажу.

С этими словами он, не замедляя шага, прижал лиру к себе и, зажав пару струн, извлёк

несколько фрагментов высокой, пронзительной мелодии.

— Я сейчас как раз сочиняю одну музыкальную композицию.

— Компо... что? Ладно, не объясняй. Вижу по словам, что ты не просто странник. Так кто ты на самом деле, мил человек, и откуда путь держишь?

Мормагон рассмеялся и убрал инструмент обратно в мешок.

— У меня тут друзья живут. Держат небольшой кабак. Предлагаю заглянуть к ним. Там, за кружечкой, и поговорим, если есть такое желание. Но, предупреждаю, вы будете разочарованы — никаких особых тайн и загадок в моём происхождении и роде занятий нет. Всему меня научила дорога. А она, как мне кажется, лучший учитель. На ней можно встретить и монахов-паломников, и странствующий учёный люд. Поневоле чего-то, да нахватаешься, если только в котелке у тебя не совсем уж пусто. А сам я в пути уже давно, с ранних лет. Хожу по свету, играю, где слушают.

— Так ты — музыкант? — подала голос Лада.

— Верно, так и есть. Вот только играю молча. Создатель наградил меня ловкими пальцами, тонким слухом и отвратительнейшим голосом.

— Наградил отвратительным голосом?

Мормагон кивнул.

— Я правда великолепно играю. Если бы ещё и пел, как соловей, то непременно впал бы во грех гордыни. К счастью, в мудрости своей, милосердный Создатель избавил меня от этого искушения.

— Чую, не до конца, — проворчал Дроган.

Странник в очередной раз звонко рассмеялся в ответ.

— Не становись судьёй ближнего своего! — процитировал Мормагон завет святого Луки.

К тому времени, как компания добралась до городской управы, Лада уже порядком устала от болтовни бродячего музыканта. Хотя не могла не признать, что говорил тот легко и складно. Но мысли её находились в другом месте — охотница уже прикидывала в уме, откуда начать свои поиски. От задумчивости её отвлек резкий мужской голос.

— Эй, вы. Кто такие, откуда будете?

— Поздновато ты спохватился, мил человек. Мы уже полгорода проехали, — отозвался Дроган.

На крыльце городской управы стояли двое. Первый, среднего роста, был одет в богатый кафтан. Хотя под ним и виднелось небольшое пузо, шрамы и крепкие руки, сложенные на груди, выдавали в нём бывалого воина. Человек, стоявший позади, и вовсе был похож на бандита — с кривым носом, квадратной челюстью, и свирепым взглядом маленьких глаз. Одет он был в кольчугу, из ножен на боку торчала украшенная позолотой рукоять сабли.

— Я тебе не «мил человек», бродяга. На вопросы отвечай, а не шутики шути. Нам тут вооружённые незнакомцы не нужны.

— Так, может, стоило бы тогда стену наладить, да стражу на ворота поставить? Тогда бы не являлись тебе к крыльцу люди с оружием.

— Мы по поручению Святой Матери Церкви, — сказала Лада, пытаясь прервать намечавшийся спор.

Мормагон открыл рот, но охотница жестом попросила его помолчать. Музыкант, судя по всему, жест понял правильно, и влезать не стал. Остановивший их человек, наоборот,

расправил плечи, зыркнул на Ладу, и продолжил, обращаясь к Дрогану:

— У нас тут своя церковь. И пришлым церковникам делать нечего. Ладно, гнать вас, вроде бы, не за что, но следить я за вами буду. Дышня, отряди-ка людей...

— Посмотри сюда, уважаемый, — Лада достала висевший на шее медальон. — Видишь это? Знаешь, что означает?

— Ну и что?

Лада мысленно вознесла молитву, прося Создателя о терпении. И тут на ум вдруг пришёл её разговор с отцом Тихомиром на заставе. Окрепшим голосом, каким-то глухим и незнакомым ей самой, она произнесла:

— В наших полномочиях — спалить твою управу дотла. А если в городе этом мы обнаружим ростки ереси, то и весь он превратится в один большой костёр. Если вдруг случайно пропадём и не вернёмся к сроку, знаешь, что будет? Угадал, придут другие и сожгут здесь всё до углей. Так что не отряжай-ка людей, Дышня, пока я не скажу этого сделать. А теперь разворачивайтесь оба, и возвращайтесь к своим делам. Ибо именно безделье и порождает ересь.

Казалось, человека в кафтане разорвёт на месте — таким красным он стал. Лада краем глаза заметила, как Дроган, на всякий случай, опустил ладонь на рукоять топора. Несколько мгновений встретивший их незнакомец пучил глаза, затем развернулся и скрылся в доме. Ладе казалось, что она слышит скрежет его зубов. Второй человек исчез следом.

Мормагон присвистнул в воцарившейся тишине. Дроган откинулся чуть назад.

— Сестрёнка, а что это сейчас такое было?

Лада пожала плечами.

— Так, вспомнилось кое-что. Мормагон, кто это вообще?

— Тот, что спереди, городской голова. Рогоз его зовут. А Дышня — глава ополчения. Мои глубочайшие поздравления, милсдарыня, ты прекрасно умеешь заводить друзей. Но, если тебя это как-то обрадует, моё сердце принадлежит тебе навек!

Лада тронула лошадь пятками, и та побрела в обход здания.

— Не особенно радуется, — пробормотала охотница себе под нос.

— Итак! — Мормагон хлопнул в ладоши, как только компания оказалась на небольшой площади между управой и городским храмом. — Я собираюсь прямо сейчас направиться-таки к своим друзьям. Не желаете ли составить мне партию, передохнуть с дороги?

Лада покачала головой.

— А я б заглянул в корчму, — сказал Дроган. — Порасспрашивал местных, слухи какие разузнал.

— Иди. Я в храм зайду. Потом отыщу тебя, если что узнаю. Мормагон, как называется кабак, в котором вы будете?

— «Ветряная ведьма»!

Лада хмыкнула. Повинуясь её команде, лошадь направилась к входу в храм. Охотница слышала, как за её спиной удалялись голоса двух мужчин.

Площадь была залита солнечным светом, и золочёный купол со знаком Длани сиял, словно сама слава Создателя снизошла на него. Белые стены возвышались над головой. Храм подавлял, вызывая в душе Лады трепет и восторг. Мало какое чувство могло сравниться по глубине и насыщенности с тем религиозным экстазом, что дарили ей дома Создателя. Лада закрыла глаза. Казалось — ещё чуть-чуть, и с небес послышится голос самого Бога.

Вместо этого издали донеслись крики торговца, предлагавшего прошлогоднюю брюкву.

Охотница открыла глаза и повела лошадь к находившейся впереди коновязи. Проходя под аркой, Лада сложила ладони перед собой в знамении молитвы.

Внутри было тихо. Просторный зал светел. На его полу играли окрашенные витражами в разные цвета лучи солнца. У дальней стены, на кафедре, склонившись над объёмной книгой, стоял высокий худой человек в одеяниях священника. Он оторвался от чтения, только когда Лада приблизилась вплотную к ступеням. Захлопнув книгу, священник улыбнулся. Кротко и чуть неуверенно.

— Приветствую тебя в доме Создателя, дитя.

— Да пребудет с нами его благодать.

Святому отцу было чуть за сорок. Длинные светлые волосы падали на плечи. Тонкие острые черты и короткая клочковатая борода оставляли неприятное ощущение. Но в голубых глазах читались смирение и благость.

Решив не затягивать, Лада сразу перешла к делу.

— Отец, я отправлена сюда, чтобы найти одного человека. Его имя Мар. Ростом в три локтя и тринадцать пальцев. Крепкого сложения, с короткими тёмными волосами.

Священник кивнул.

— Да, я видел его. Сам он не местный, но я знаю, что остановился на постоялом дворе «Ястреб и голубка», у старика Хрыка.

— Хорошо, спасибо тебе, — сказала Лада. Затем, решив уточнить, добавила: — «Хрык» — это имя?

— Уж не сомневайся, — улыбнулся святой отец. — Моё, кстати, Ульд, если тебе интересно.

— Ещё раз благодарю, отец Ульд. Кроме того, у меня небольшая личная просьба. Меня зовут Лада. Я — сестра в Создателе нашем, на основании чего не могу ли я попросить кров на пару дней? Я предпочла бы уединение шумным комнатам постоялого двора.

Отец Ульд поморщился. То ли от казённого «на основании чего», то ли потому, что Лада сразу не назвалась. А может, по каким иным причинам.

— Прости, сестра, вынужден отказать. Не потому, что я не чту заповеди, велящие призреть странников. Но на моём попечении находятся юродивые, которые могут быть шумными соседями. Да и на постоялом дворе довольно тихо. Старик Хрык немного ворчлив и суров нравом, но любит тишину. В остальном прошу целиком рассчитывать на мою помощь.

— Я понимаю. В таком случае есть у меня ещё один вопрос. Где находится кабак «Ветряная ведьма»?

Объяснения отца Ульда были подробными и обстоятельными. Впрочем, найти нужное место в таком небольшом городе было несложно. Когда Лада уже собиралась уходить, священник нерешительно поднял руку и произнёс:

— Однако тебя бросает из одной крайности в другую, сестра. Из дома Создателя в кабак. Может, я и нашёл бы для тебя одну келью, поскольку служительнице Церкви не пристало появляться в подобных местах.

Поблагодарив священника, Лада попрощалась и вышла. Если бы он только знал, где ей приходилось оказываться за свою жизнь!

До кабака охотница дошла пешком за несколько минут, ведя кобылу под уздцы. Оставив её на попечение конюха, Лада вошла в зал. Благодаря небольшому росту, ей не пришлось для этого сгибаться. Но притолока была такой низкой, что Лада поневоле представила, с каким лицом протискивался через дверь высоченный Дроган.

«Удержи, Создатель, от мстительного злорадства», — пробормотала она себе под нос, отыскивая названного брата взглядом.

Найти его оказалось несложно. Дроган был в самом центре небольшой толпы — там, где слышался хохот, звук стучащих по дереву игральных костей и льющегося мёда.

— Так вот, — рассказывал воитель, — солдатская доля незавидная. Был у нас случай. На дальнем марше прохудились у одного парня с Клёнщины сапоги. А сапоги, как известно, первое дело для солдата. Без доброго щита — куда ни шло, а вот без хорошей обуви ты даже до боя не дойдёшь. И вот начали у него ноги мокнуть.

— Дай угадаю, — вмешался Мормагон. — Потом пошла гангрена, ноги ему ваш полевой врач отрезал, и оставили вы его в глухой деревне, где он потом до конца дней своих побирался, пока не умер от оспы?

Дроган махнул рукой.

— Дай договорить-то. Не так всё было. А было следующим, так сказать, образом. Пару дней он промаялся, и до того у него ноги болеть стали нестерпимо, что одной тёмной ночью в карауле сунул он своему приятелю нож под рёбра. А труп спрятал. И нам сказал, будто волки его утащили. Да уж, такое случалось иногда. Вот только умом тот парнишка обделён был напрочь. Потому как рассказывать нам про волков в крепких ботинках своего товарища — мысль не из самых здравых.

— Да ладно! — усмехнулся музыкант. — Сочиняешь! Не может человек таким тупым быть!

В ответ Дроган засмеялся, запрокинув голову. Его нечёсанные волосы рассыпались по спине.

— Ты не представляешь, братец, насколько недалёкими могут быть люди. Никогда нельзя этого недооценивать.

— И что с ним было потом?

— Да уж известно, что. Вздёрнули его на берёзке, нашему брату в назидание.

Лада подошла и уселась рядом. Разговор сразу смолк, будто облачко набежало на солнце. Рука Мормагона дрогнула, и одна из костей закатилась под стол.

— Как идёт опрос местных? — поинтересовалась охотница, придвинув к себе кружку Дрогана и понюхав содержимое.

Запах был сладковатым, приятным. Похоже, кабатчик работу свою знал и любил.

— Да как? Идёт понемногу. Вот, спрашиваем.

Девушка, сидевшая рядом с воителем, благоразумно отошла и взялась за швабру, принявшись тщательно натирать пол. Мормагон проводил её тоскливым взглядом. Небольшая группа ремесленников и путешествующих купцов, собравшаяся вокруг игроков, стремительно редела. Не иначе, чутьё подсказывало им, что лучше не связываться с невысокой женщиной в странной шляпе.

— И что же вам удалось узнать? — медовым голосом спросила Лада.

— А тебе? — Дроган решил перейти в наступление.

Напрасно.

— Довольно много. Например, где останавливался тот, кого мы ищем. Когда его в последний раз видели. Вероятно, скоро я получу его вещи и смогу выяснить, чем он занимался перед исчезновением. Твоя очередь.

Дроган наморщил лоб и отвёл в сторону чуть помутневший взгляд.

— Понятно.

— Скоро наступает ночь святой Катерины, — зачем-то сообщил Мормагон.

Лада посмотрела на него, как на круглого идиота.

— Верно. Это каждый знает. И к чему ты об этом?

— Ну, — смутился музыкант. — Может, это как-то связано?

— Что связано с чем?

— Всем известно, что в эту ночь ведьмы слетаются на шабаш. Колдовская это ночь. Может, потому ваш приятель и пропал?

Лада медленно поднялась. Мормагон отшатнулся.

— Дроган. У тебя время до вечера. Проветривай свой мозг, как хочешь, но чтобы был готов. И оставь этого человека здесь, пожалуйста. Не забывай о своём долге.

Не добавив ни слова, охотница покинула кабак. Формально Дроган ей не подчинялся, но Лада знала, что он её послушает. Да и понимала, почему воитель дал слабину. Изо дня в день служа Церкви в самоотречении, нельзя забывать и об отдыхе от трудов. Для Лады таким отдохновением была её вера. Простой наёмник, вроде Дрогана, нуждался в более приземлённых забавах. Тем более что с ратных времён осталась в воителе достойная порицания, но неистребимая, тяга к азартным играм и женщинам. Дроган не принадлежал к церковной иерархии, потому его наниматели закрывали на это глаза. Чтобы махать топором и примечать козни ведьм, не обязательно самому быть чистым душой. Даже наоборот, взгляд человека, знавшего разные стороны жизни, часто оказывался полезен. Ведь Лада, хоть и не первый год уже вела сражение со злом, во многом была не искушена.

Думая об этом, охотница незаметно оказалась у постоялого двора старика Хрыка. Она толкнула дверь, и та тихо скрипнула, пропуская.

Холл был узким. По виду он больше напоминал коридор, перегороженный столом, за которым сидел невысокий, сторбленный и очень худой старик. Позади была видна лестница на второй этаж, и проёмы общих комнат. Вокруг царил полумрак, разгоняемый лишь светом одинокой свечи.

— Чё стоишь столбом? — вместо приветствия проворчал старик. — Коли комнату хошь, так подыдь сюда.

Лада подошла. Находясь вблизи, она заметила, что одежда на старике давно выцвела и была изрядно потрепана временем и молью. Голову его украшал свисающий набок длинный

колпак. Один глаз тарасился на гостью, второй, наоборот, почти полностью скрывала седая кустистая бровь.

— День добрый, уважаемый. Я так понимаю, что это тебя зовут Хрык.

Тот кивнул, молча буравя охотницу взглядом.

— Некоторое время назад здесь останавливался человек, которого я ищу.

— Шибко умно ты сказываешь. Комнатку-то будешь снимать, али языком трепать пришла?

«Создатель, дай терпение и укрепи мою волю!»

— Я пришла узнать о нём, — ответила Лада, доставая и выкладывая на стол перед собой медальон с изображением пылающей ладони.

— Штой-то это за шелезяка такая? Мне такое не надь. Токмо монетки.

— Это, уважаемый, знак моего Ордена. Охотников.

Старик лишь пожал плечами.

— Охотить тут некого.

— Ошибаешься. Как я уже сказала, тут останавливался человек. Его имя — Мар. Ростом в три локтя и тринадцать пальцев. Крепкого сложения, с короткими тёмными волосами.

Когда Лада закончила, старик кивнул.

— Так, — не дождавшись ответа, сказала охотница. — Значит, он здесь остановился. Хорошо. Где его комната?

— Вверху по лестнице, первая дверь одёсную. Но три дня, как его не видать.

— Спасибо. Я хотела бы осмотреть его комнату.

Старик фыркнул.

— А я сызнава хотел бы баб сношать. Да хозяйство уж не то. Не судьба, видать, мечтаньям нашим сбыться.

Лада начинала терять терпение.

— Слушай, старик. Я пройду наверх. По делам Ордена. И ты не станешь мне мешать. Потому что иначе я могу отправить тебя в петлю за препятствие Церкви, а постоялый двор твой спалить.

— Да я-то своё ужо, считай, отжил. А двор мой один на весь город. Как скажешь, будет рад наш люд, что ты их постоя лишила? Или на вилы тебя подымут, буде ты хочь самой ахримандрой?

Лада задумалась о его словах, хоть и совершенно не поняла последнего. Она была вправе исполнить все свои угрозы, но и проблемы могли возникнуть нешуточные. Стоило ли дело того?

— Я вернусь с нужными бумагами, — сказала охотница, подобрала свой медальон и развернулась, не прощаясь.

Позади она услышала короткий неприятный смешок. Хозяин постоялого двора наверняка знал, как городской голова относится к приезжим церковникам. И понимал, что «нужные бумаги» достать будет не так-то просто.

Но Лада и не собиралась этого делать. Выйдя из дверей, она обошла дом, прикидывая, где находятся окна нужной комнаты. Огляделась. В середине дня на улицах оказалось совсем мало людей. В крайнем случае, охотница легко сможет всё объяснить. Конечно, проще было просто заплатить несколько монет за комнату, чтобы получить доступ на второй этаж. Лада упрямо сжала губы. Этот мерзкий старикашка не получит ни единой векши от неё.

Стена была старой, шершавой. Тот, кто заказывал постройку, не поскупился на

хорошего зодчего — такую изящную рельефную кладку пришлось бы ещё поискать. Даже в столице. Лада ухватилась за ближайший уступ и подтянулась. Не будь она такой лёгкой, восхождение стоило бы больших трудов. Но охотница весила совсем немного, и притом дни свои проводила не только в келье. Изрядную часть свободного времени охотники тратили на тренировки навыков, полезных в их ремесле. А необходимость преодолевать такие вот препятствия возникала с неприятной регулярностью.

Вскоре Лада уже ввалилась в окно, выбив при этом ставень. Выглянув, она убедилась, что её быстрый подъём не вызвал ненужного интереса со стороны редких прохожих. Теперь можно было приступить к осмотру.

Судя по всему, Мар отличался аккуратностью. Лежанка застелена, оставленные вещи находились в порядке. И никаких следов борьбы или чего-то, указывающего на судьбу пропавшего.

Лада огляделась. Обыскивать было почти нечего — в комнате кроме спального места помещался лишь сундук с вещами, среди которых не нашлось ничего интересного. Встав на четвереньки, охотница принялась прощупывать доски пола. И точно — одна из них легко подалась. Внутри лежало потрепанное перо, чернильница и кожаный футляр с листами пергамента. Достав его, Лада опёрлась спиной о стену, и углубилась в чтение.

Спустя примерно четверть часа, охотница подняла голову, размяла шею, и перебрала в уме всё, что ей стало известно. Человек Ратибора явно искал следы культа и знамения, указывающие на происки ведьм. Первым было скисшее молоко на третий день его присутствия в городе. Это Мар принял за свидетельство ведьмовских козней. Он тщательно обыскал район, в котором это произошло, но ничего не нашёл. На следующий день в другом конце города из символов Единого и икон в домах нескольких граждан полилась кровь. И это было уже серьёзно. Но — вновь никаких следов культа. Спустя ещё два дня на поле налетела стая саранчи и пожрала под корень весь урожай ржи. Это и была последняя запись. Видимо, Мар отправился взглянуть, но назад так и не вернулся.

«Первое знамение», — подсчитывала в уме Лада, — «на следующий день — второе. Через два — третье. Через три — четвёртое? Или через четыре?».

Охотница скатала листы пергамента и убрала обратно в тубус. Больше делать в комнате было нечего. Поднявшись, она замерла на миг, подавив искушение спуститься вниз по лестнице и пройти мимо старого Хрыка. Быстро сотворив охраняющее знамение, Лада прошептала «избави нас от искушения, ибо плоть слаба», и вылезла в окно, с трудом установив ставень на место. Если кто-то и заинтересовался её действиями, то решил не подходить. То ли заметив характерную шляпу, то ли не желая связываться без нужды с хозяином постоялого двора.

Книжная лавка, к которой Ладу направил прохожий, не поражала воображение. Это был обычный городской дом, на первом этаже которого располагался небольшой торговый зал. На полке в глубине, обложкой вверх, лежали лишь пять томов. Остальное пространство занимали восковые таблички, приспособления для письма и банки с чернилами. И всё же лавка выглядела пустоватой.

За большим письменным столом у дальней стены сидел высокий худой человек. На вид ему было около двадцати лет. Нос его украшали две толстые линзы в простой деревянной оправе, из-за чего глаза казались непропорционально большими. Когда Лада вошла, он резко поднялся и снял очки. Затем, потерев их тонкими длинными пальцами, надел обратно и

шагнул навстречу охотнице.

— Приветствую. Моё имя — Альгон. Чем могу быть полезен?

Голос был неожиданно глубоким и приятным.

— Я ищу карту города. Есть здесь такая?

Хозяин лавки в задумчивости смешно наморщил нос, затем решил уточнить:

— Этого города?

Лада кивнула.

— Нет, карты этого города у меня нет. Да и кому бы она могла понадобиться? Его поперёк можно пройти за полчаса. Но если есть в том необходимость, я бы мог набросать её на листе. В общих чертах.

— Буду признательна.

Лада протянула серебряную куну, что было более чем щедрой наградой за труды книжника. Тот принял монету и с благодарностью кивнул.

— Итак, — начал он. — В центре города находится площадь с храмом. Неподалёку ратуша...

Через несколько минут карта была готова. Приметных строений оказалось меньше десятка. Лада сверилась с записями Мара, и принялась отмечать на пергаменте места, где происходили сверхъестественные проявления.

Кровоточащие статуи и прокисшее молоко оказались на противоположных концах города. Поле, где пронеслась саранча — сверху от них. Лада провела пальцем вниз, до точки, с которой все свидетельства ведьмовского присутствия образовали бы на карте равносторонний крест, и постучала ногтем по нарисованному квадрату.

— Напомни, что у нас тут?

— Городское кладбище.

— Разве рядом с ним не должна быть церковь?

Альгон покачал головой.

— Была раньше, да сгорела лет двадцать назад. Хотели восстановить, а потом добрые жители Жигани решили, что одного большого храма и так хватает.

— Но земля ведь должна быть освящена.

— Конечно! Мы же не язычники какие-нибудь. Отец Ульд каждый год проводит церемонию.

Лада задумалась. Совершать колдовские манифестации на освящённой земле было делом чрезвычайно трудным. Даже опытным колдунам, чьи души безвозвратно находились в демонической власти и были потеряны для света Создателя, понадобился бы осквернённый алтарь или другие точки для приложения нечестивой силы. Если проявление должно произойти в этот день, на кладбище наверняка должны были присутствовать хоть какие-то свидетельства.

Из раздумий Ладу вывел голос Альгона.

— Ты, госпожа, отмечаешь места, где всякие странности происходят? Я слышал, люди по городу говорят, что у нас якобы завелась ведьма. Ты ведь охотница, верно?

Лада кивнула, не видя смысла скрывать очевидное.

— Может, что-то добавить можешь? Не слышал о других подобных случаях?

Альгон с готовностью кивнул.

— Говорят, свечение видели какое-то. Возле руин старой башни. Вот здесь.

Он указал на небольшой неровный квадрат неподалёку от полей. Лада кивнула,

принимая к сведению, и поблагодарила за помощь.

Покинув книжную лавку, она отправилась назад в кабак, искренне надеясь, что Дроган уже был в состоянии продолжать поиски. И избавился от общества надоедливого музыканта.

— Что он до сих пор здесь делает?

Музыкант стоял, смиренно опустив голову. Но в уголках его губ таилась улыбка, не ускользнувшая от острого взгляда охотницы.

— Да ладно тебе! Он хороший мужик! И потом, что ты хочешь, чтобы я сделал с ним? Он свободный человек. Не могу же я посадить его в клетку!

— Он препятствует официальному расследованию. Я могу приказать кинуть его в подземелье.

Эти слова явно беспокоили музыканта. Мормагон украдкой кинул в сторону Лады настороженный взгляд, стараясь, чтобы та не заметила. Напрасно.

— Да ничему он не препятствует! — гремел между тем Дроган. Затем, понизив голос и глубоко вздохнув, воитель продолжил. — Так. Давай потише. Мормагон отвлек меня один раз. Но я же взрослый мужчина. Нет здесь его вины. Я сам сел в кости играть. Ну, нужно мне временами как-то отводить душу, что ж теперь? Сколько дней мы уже в пути, нормальной корчмы не видывали?

— Я тебя понимаю. Но и о своём долге забывать непростительно.

— Создатель с тобой, женщина, прекрати уже мерить всех своей монашеской меркой! Не все вокруг такие святые, как тебе того бы хотелось!

— Монашеской? — подал голос Мормагон. — Ты не просто охотница, но ещё и монашка? Святые праведники, какая невосполнимая утрата для всей мужской братии!

Лада повернула голову и молча прожгла музыканта взглядом. На этот раз он даже не попытался отвести взгляд. Пройдоха, видать, уже понял, что ему не грозит суровая кара Ордена.

— Ладно, давай закончим эти пустые препирательства, — пробормотал Дроган, предпочтя пропустить замечание Мормагона мимо ушей. — Что ты предлагаешь сейчас делать?

Этот вопрос отвлек Ладу от размышлений, не вlepить ли музыканту в зубы. Она уже сжала руку в кулак, но лишь тяжело вздохнула, обратившись в образец терпимости и всепрощения.

— Я хочу исследовать руины башни. Что касается тебя, сходи на городское кладбище и внимательно осмотри его. Ищи какие-нибудь следы подготовки тёмного ритуала. Знаки, сосредоточия энергии. Не сочти за труд.

— А мне куда отправляться? — спросил Мормагон.

Парой слов Лада обрисовала направление, в котором может отбыть музыкант, развернулась, и покинула кабак.

«Прости, всеблагий Создатель. Дай мне терпения. Дай мне много терпения, ибо плоть, как ты знаешь, слаба», — бормотала она себе под нос, направляясь к руинам.

Лада решила оставить коня в стойле. Хотя старая башня и находилась за пределами города, дорога заняла всего ничего. Охотница лишь пять раз успела прочитать полную Литанию Смирения.

От сторожевой башни осталось не так уж много. Сразу было видно, что местные постарались растащить все кирпичи, которые только получилось выбить. Поэтому на холме,

среди молодой травы, желтел лишь остов из двух неполных стен донжона.

Лада заглянула внутрь, но не нашла ничего интересного. Часто так и бывает, что таинственный лес, мрачные катакомбы или заброшенные руины оказываются пустыми и скучными местами.

И всё же краем сознания она ощущала какое-то присутствие. Нечто незримое находилось поблизости. Лада закрыла глаза. Прислушалась к шелесту травы на ветру. К шёпоту камней. Тихо произнесла слова, что гулко отдались в самой ткани мироздания.

Вот он. Там, у одной из стен! Едва заметный прозрачный силуэт.

— Именем Создателя нашего, проявись!

Призрак чуть помедлил, словно раздумывая. Затем его очертания стали проступать в воздухе. Как письма, написанные молоком, проявляются под пламенем свечи. Это был молодой мужчина с короткой бородой, в простой деревенской одежде. Теперь Лада отчётливо видела его обычным зрением, хотя он и оставался полупрозрачным.

— Кто ты, неупокоенный дух?

«При жизни меня звали Неждан, а по прозвищу Кривоух. Я был разбойником. Вместе с подельниками мы занимали эту башню. Так я и остался тут лежать».

Слова призрака доносились будто из земли под его призрачными стопами. Должно быть, именно там находилось тело мертвеца.

— Как давно это было?

«Мёртвым сложно думать о времени. Но с тех пор последний из нас стал почти стариком. А эти стены растащил городской люд. Хотя и в мои времена тут уже была разруха».

— Из вашей банды выжил один человек? Как ты узнал об этом?

«Чувствую. Ведь это его топор оборвал мою жизнь. Хоть я привязан к своей могилке, но знаю, что душегуб ещё в городе».

Что ж, Ладе не было дела до давно минувших разборок среди местных разбойников. Её интересовало другое.

— В городе, а может, где-то в окрестностях, действует культ. Его члены поклоняются существу, известному как Пожиратель. Их символ — распахнутая клыкастая пасть. Знаешь что-нибудь об этом?

На миг призрак стал более прозрачным. Сложно было судить, но лицо его казалось задумчивым.

«Что ж. Раз ты знаешь. Мы и были теми, кого ты ищешь. Теперь уже ничего не изменить. Я был молод, и мало что знал о служении. Когда мне открылась истинная суть ложного божества, я раскаялся, и хотел уйти. За это и заплатил своей жизнью. А потом и остальные. Постепенно, один за другим. Как я и говорил, нынче лишь один остался».

— Ты можешь назвать мне его имя?

«Да. Звали его Дышня».

Солнце уже клонилось к закату, когда Лада встретила с Дроганом. Мормагон всё ещё был с ним, и Ладе не сумела скрыть своего недовольства. Впрочем, не особенно и старалась.

— Ничего мы не нашли. Ни следа. Ни зацепочки. Кладбище — как кладбище. Огромное конечно. Но мы всё облазили.

Лада хотела было ядовито поинтересоваться, действительно ли они искали следы

подготовки к ритуалу на погосте, а не в ближайшем кабаке. Но сдержалась. Знала, что Дроган был человеком надёжным, и лгать бы не стал. Если сказал, что всё проверил, значит, уж точно осмотрел всё до последнего куста.

Что же, теперь в руках Лады была ещё одна нить. Она уже рассказала товарищу о том, что удалось узнать на руинах. Дроган отнёсся к истории призрака с сомнением, но лучше уж проявить излишнюю бдительность, чем потом жалеть о недосмотре.

Поэтому они направились к городской управе.

— Почему ты так презираешь Мормагона? — спросил Дроган, улучшив момент, когда музыкант не слышал их.

Лада пожала плечами.

— Не сказала бы, что презираю. Просто так бывает, когда человек — твоя полная противоположность. Он воплощает всё то, что я считаю пороком — страсть к минутным удовольствиям, безответственность. Я просто ему не доверяю. И он плохо влияет на тебя.

Дроган усмехнулся.

— Не превращайся в матушку-гусыню, не твоё. К тому же, это предубеждение. Вы едва десятком слов перебросились, а ты уже поняла, кто он, и что собой представляет? Ты смотришь на Мормагона свысока, но разве высокомерие не порицается заветами Церкви?

— Если ты уже всё решил за меня, тогда зачем спрашиваешь?

На этом разговор и затих.

За дверьми управы было тихо. Охотники не встретили ни стражу, ни секретаря. Что ж, город и вправду был небольшим. Таким же было и здание городского правления. Внутри было всего три комнаты. В одной из них, полупустом зале с большими светлыми окнами, и нашлись градоправитель и глава ополчения.

— Вам что надо? — буркнул Рогоз.

— Именем Святой Церкви мы задерживаем Дышню для допроса.

— Это ещё зачем?

Рогоз поднялся с места, переводя свирепый взгляд с Дрогана на Ладу и обратно. Мормагон, стоявший за их спинами, избежал внимания к своей персоне.

— Чего это вы от меня хотите? — Дышня тоже не был настроен дружелюбно.

Голос его оказался неожиданно высоким, как скрип несмазанных петель.

— Нам нужно провести допрос касательно подозрений в связях с запретным культом. Прошу идти с нами по собственной воле и не оказывать сопротивления.

— Каких, мать твою шлюху, культов? — взорвался городской голова.

Он собирался продолжить, но не успел. Дышня развернулся волчком и с неожиданной прытью ринулся к окну. Но годы военной службы и охоты на еретиков не прошли для Дрогана даром. Рванувшись следом, он нанёс удар рукоятью топора, и глава ополчения рухнул, не добежав лишь пары шагов.

Лада, молча наблюдавшая за произошедшим, перевела взгляд на Рогоза. Градоправитель выглядел опешившим — его рот слегка приоткрылся, глаза были удивлённо распахнуты.

— Будем считать это предварительным признанием вины, — подвела итог охотница.

Как оказалось, в городе была тюрьма. Если так можно было назвать небольшое одноэтажное здание с большой общей клеткой и тесной караулкой. В тот день внутри не было никого, кроме двух охотников на ведьм, подозреваемого, городского головы и случайного прохожего, призванного в свидетели. Мормагону пришлось отправиться обратно

в кабак. Впрочем, музыкант даже не протестовал. Похоже, не испытывал большого желания участвовать в церковном следствии.

— Надеюсь, ты его не сильно ударил, — обеспокоенно сказала Лада. — Не хотелось бы, чтобы он сделался дураком.

— Всё со мной ладно, — проскрипел Дышня.

Он уже пришёл в сознание и теперь сидел, крепко привязанный к опорной балке.

— Я рада это слышать. Потому, что разговор нам предстоит долгий.

Глава ополчения ответил мрачным взглядом исподлобья.

— И как же так вышло-то? — Рогоз покачал головой. — Кто бы мог подумать. Я и не знал.

За прошедший час мнение Лады об этом человеке немного улучшилось. На его месте многие стали бы унижаться и лебезить перед ведущими следствие церковниками. Но Рогоз оставался твёрд, как камень. И видно было, что причиной того являлось не скудоумие, а сила характера. Что ж, иногда и у неприятных людей могли отыскаться достойные качества.

— Нет моей вины, — упрямо твердил Дышня. — Оговорили меня.

— Зачем же ты, мил человек, сбежать-то пытался? — спросил Дроган.

Почти ласково.

Не в обычаях Ордена было использовать слишком уж жестокие пытки. Но опыта и навыков охотников хватало, чтобы получать нужные ответы.

— Я всё скажу. Но только того. Наедине.

Лада огляделась.

— Зачем тебе скрывать что-то от честных жителей города?

— Вот когда скажу — поймёте. А пока пусть они за дверью подождут.

Рогоз посмотрел на Ладу. Та кивнула, и городской голова со свидетелем вышли. Охотница придвинулась ближе. Конечно, Рогоз производил впечатление человека прямого. Но и те иногда подслушивают под дверью.

— В общем, того. Кто на меня донёс-то?

Первым ответом ему был мощный удар в зубы. Дроган потряс кулаком, и процедил:

— Ты б не забывал, кто здесь вопросы задаёт.

Дышня облизнул разбитую губу и кивнул.

— В общем. Дело такое. Не знаю я ни о каких культах. Была у нас банда, лет двадцать тому. Да и то недолго. Грабили мы местных купчишек. Ну, а потом я выйти решил.

— Совесть заела? — усмехнулся Дроган.

Дышня обдумал эту мысль, затем покачал головой.

— Врать не буду. Не в совести дело. Все знают, как лихой люд заканчивает. В петле болтаются, а то и в железной клетке медленно помирают. В таких, которые вывешивают у ворот, в назидание другим. Не хотел я себе этой судьбы, вот и решил слинять по-тихому ночью. Был у нас в банде мужик один, Кривоухом мы его прозвали. Он в ту ночь на страже стоял. Вот и заметил, как я с добром нашим крадусь. Пришлось избавиться от него.

— А с остальной бандой что случилось?

Дышня пожал плечами.

— Да сдал я их. Как в городе оказался, подделал путевую грамоту. Представился купцом, на которого в дороге напали. И сказал, что выследил разбойничье логово.

— Что ж ты имя-то не поменял? Ежели бы так сделал, хрен бы мы тебя нашли теперь.

— Дык, кто меня по старому прозванию-то знал? Все мертвы уже. А не хотелось, чтобы

кто меня заподозрил по тому, как я через раз откликаюсь.

Лада отвела Дрогана в сторону. Так, чтобы пленник не слышал.

— Веришь ему?

— Вроде говорит складно. Похоже на правду. Да и я говорил, что нечего дохлым разбойникам на слово доверять. Но всё ж надо бы убедиться.

— Как?

— А ты вернись к своему мертвяку. Скажи, что его давний неприятель мёртв, и начни про культ расспрашивать. По его реакции поймёшь.

— Не пойдёт. Призрак чувствует, что его убийца жив.

Дроган задумался.

— Ну так, может, и рассказать обо всём Рогозу? Пусть повесит его за разбой?

Лада покачала головой.

— Тоже не годится. А вдруг дух сказал правду? Тогда Дышня — ценный источник информации. Нельзя его в петлю, пока не допросим.

Дроган задумался.

— Ну, может сразу к расспросам и приступить? Разожжём огонь, поговорим с этим душегубом. Со всей теплотой.

— Слишком долго. Если он всё-таки окажется невиновным, настоящий еретик успеет за это время свой ритуал провести.

— Ну ты и задачки задаёшь. Предлагай тогда сама, у меня решения закончились.

— Ты вернулась.

Призрак парил в нескольких пальцах над землёй. Лада не знала, могут ли мёртвые чувствовать радость, но ей казалось, что Кривоух был очень доволен. Охотница молча кивнула.

— Я не чувствую Дышню среди живых. Хорошо. Он сознался в чём-нибудь?

— Да, — ответил Мормагон вместо Лады. — Соловьём пел. Только его пытаться начали, как он не замолкал ни на миг. Даже как-то до обидного быстро всё прошло. Выдал, как на духу.

С этими словами музыкант запалил сложенную поленницу. К темнеющему небу взвились языки костра.

— Странно, — казалось, призрак ухмыляется.

— Почему же странно? — спросила Лада. — Не потому ли, что не было никакого культа?

Теперь уже дух не скрывал своего злорадства.

— Откуда мне знать? Может, был. А может, и нет. Я того не ведаю. Ежели Дышня сказал, видать, и правда что-то было. Теперь уж как поймёшь?

Лада вздохнула. Подождала, пока с призрачного лица сотрётся издевательская улыбка.

— Что такое? — ещё глуше, чем обычно, спросил Кривоух. — Я чувствую. Обман! Этот ублюдок жив!

Теперь настала очередь Мормагона усмехаться.

— Дорога учит разному. В том числе — как правильно приготовить мёртвую воду. Чтобы выпивший её уснул так глубоко, что и учёный книжник не отличит жизнь от смерти. Дыхание пропадает, биение сердца замедляется. Так бы и помер, если б друг наш не увидел этот огонь и не дал твоему приятелю выпить живой водицы. Жаль, тебе она уже не поможет.

Что нам осталось тут доделать, святая сестра?

— Выкопать его проклятые кости и спалить на костре.

Вскоре с призраком было покончено. Мормагон вытянул руки ладонями вперёд и грел их над затухающим огнём.

— Что-то вид у тебя больно недовольный, — произнёс он.

— А чему радоваться? Мы так и не знаем, кто на самом деле проводит ритуалы в городе. Столько времени потеряли впустую.

— Мне нравится, как звучит это «мы». Неужели холод твоих уст смягчается, и я начинаю вызывать приязнь и доверие?

— Уже меньше, чем несколько минут назад. Но да. Ты хорошо придумал с мёртвой водой.

Музыкант кивнул.

— Что теперь будет с Дышной?

Лада коротко дёрнула плечами. Её мало волновала судьба бывшего разбойника. Она собиралась сказать об этом, но не успела открыть рот, как из города послышались тяжёлые глухие удары.

— Набат? — удивлённо пробормотал Мормагон. — Что такое опять случилось?

Вместо ответа Лада протянула руку. В угасающем свете дня ещё можно было различить шевелящееся тёмное пятно, протянувшееся к городу от погоста. Присмотревшись, музыкант не сумел сдержать рвущееся из самой души ругательство. Лада же, остолбенев, молча смотрела на город.

Ещё никогда в своей жизни она не видела поднявшихся из могил мертвецов.

— Вы же говорили, что обыскали кладбище!

— Так и было! Клянусь дланью Создателя, Дроган едва землю не обнюхивал там! Всё осмотрели! Может, ты ошиблась, и никакие особенные места для ритуала вовсе не нужны?

— Чтобы призвать такую толпу мёртвых? Да там месяц надо было бы землю осквернять, если не больше. Не так просто преодолеть защиту святой земли!

— Ну, а что, если земля и не была святой? Вдруг отец Ульд не такой набожный, каким хочет казаться? Может, у него просто веры не хватало, чтобы как следует провести освящение? А ночь святой Катерины усилила связь колдуна с Навью, вот он и поднял из могил всё кладбище.

Лада задумалась. В ночь святой Катерины Навь и правда становилась ближе к миру живых. Что же касалось священника, даже если он не был особо верующим, обычно хватало правильного проведения ритуала. Если всё сделано верно, благодать нисходила от имени всей Церкви.

— Позже разберёмся. Пока надо защитить город.

Жигань была уже близко. Стылый ветер доносил короткие обрывки команд.

— Заколачивайте окна и двери! Ополчение, прорывайтесь к площади! На баррикады!

С расстояния Лада не могла разобрать голос. Оставалось лишь надеяться, что кто-то из горожан сможет организовать ополчение для обороны. Ведь тот, кто должен был это сделать, сидел сейчас в застенке.

До площади добрались легко — половина города совершенно опустела. Но чем ближе был центр, тем слышнее становились звуки битвы. И вот, наконец, перед глазами Лады предстала картина сражения.

Широкий серп луны заливал площадь и улицы серебристым светом. Несколько факелов были установлены поверху наскоро собранных баррикад. Пара жаровен стояла на земле между обороняющимися людьми. За пределами скудно освещённого пространства безраздельно властвовал мрак.

Мертвецы наступали молча. С упорством, на которое не были способны даже самые отчаянные люди, они выходили из тьмы и лезли на перевёрнутые повозки, перегораживавшие улицы. Людей, сдерживавших их натиск, было пугающе мало — за ненадёжными укрытиями стоял лишь десяток лучников, ещё почти столько же было вооружено копьями да тесаками. В самом центре строя возвышался Дроган, без устали орудовавший топором. С каждым взмахом несколько мертвецов лишались голов или конечностей. Возможно, только благодаря ему ополчение ещё держалось.

В стороне Лада заметила несколько раненных. Среди них был и Рогоз. Левая часть его лица была порвана в лоскуты. Какая-то женщина трясущимися руками накладывала повязку в трепещущем свете лампы. Чёрная земля жадно впитывала капающую на неё кровь. Городской голова оставался в сознании из последних сил. Лицо его было бледным, как у самой смерти, но рука продолжала судорожно сжимать меч.

Как раз когда Лада с Мормагоном оказались на площади, один из лучников стал медленно отступать.

— Куда, сучий ты сын?! — взревел Рогоз, силясь подняться.

— Стрелы их не берут! Мы все умрём здесь! Бежим!

Заражаясь охватившей ополченца паникой, его товарищи попятились назад. Вместо дружных огненных росчерков летящих стрел в небо взмывали лишь отдельные искры, посланные теми, кто ещё не дрогнул. Нескольким мертвецам удалось взобраться на край телеги — как бы быстро не двигался Дроган, он не мог целиком сдержать их натиск. Холодные пальцы вцепились в плоть одного из бойцов, разрывая горло. Бедолага сумел вырваться, сделал несколько шагов назад, и рухнул, заливая землю кровью.

— Стойте, суки брехливые! Стойте, или нам всем конец! Демоны вас задерят!

— За святую Церковь!

В удивлении Лада оглянулась. Мормагон мчался к баррикадам, размахивая невесть откуда появившимся топориком. Его громкий клич возымел эффект — уже почти побежавшие ополченцы приободрились.

— С нами Создатель! — орал между тем музыкант, своим примером увлекая людей.

Ведь и правда, кто, как не Создатель поможет в битве против нечестивого воинства мёртвых? Лада бросилась следом.

— Ты! — крикнул Рогоз, когда охотница пробежала мимо. — Удержите баррикаду! Остальные организовали оборону на соседних улицах, но мы — в самом центре! Если не удержимся здесь, вонючие ублюдки обойдут с тыла и вырежут весь город, как куриц!

Последние слова донеслись, когда Лада уже подбежала к Дрогану. Обнажив кинжал, она воткнула лезвие прямо в белёсый глаз мертвеца, распластавшегося на телеге сверху. Однако тот даже не обратил на удар внимания. Протянув руки, он схватил Ладу за воротник. Миг спустя в воздухе промелькнул широкий топор. Одна рука мертвеца упала на землю, другая продолжала болтаться на лоскутах кожи. Но гнилые зубы, как ни в чём не бывало, щёлкали перед лицом охотницы. Лишь когда от следующего удара голова отделилась от тела, восставший из мёртвых перестал шевелиться.

— Нужно, чтоб хребет сломался, — сопел Дроган, продолжая отбиваться. — Тогда тело не сможет двигаться и дух его покинет.

Лада припомнила то небольшое, что знала об оживших мертвецах. Восставшие не имели никакого отношения к тем, кому при жизни принадлежали тела. Чтобы поднять труп из мрака могилы, некромант вызывал мелких внешних бесов, которые вселялись в останки. Тело было не более чем марионеткой для почти неразумных духов, которыми двигала лишь ненависть к телесной жизни. Как только оно теряло способность двигаться, бесы покидали его, отправляясь обратно в Навь.

— Твои зубочистки здесь не помогут, — сказал Дроган, разрубая пополам очередного мертвеца.

Лада огляделась. Мормагон, взобравшись на борт телеги, лупил топором по лезущим к нему восставшим. В одного из них вонзилась пылающая стрела, и тот, неловко оступившись, рухнул назад. Привыкшие к мраку Нижнего мира бесы боялись пламени.

Вдруг музыкант что-то крикнул, указывая на ближайший дом. Проследив за его жестом, охотница увидела женщину с двумя детьми в освещённом окне второго этажа. Дверь, не выдержав натиска мёртвых, рухнула. Неупокоенные застряли в проходе, пытаясь войти одновременно, но это продлится недолго. И защитники на баррикадах ничем не могли помочь. Лада с отчаянием осматривалась, пытаясь придумать хоть что-то, чтобы спасти оказавшихся в ловушке людей.

Махнув рукой, Мормагон заткнул топор за пояс, сделал пару быстрых шагов, и, подпрыгнув, зацепился за край окна. Изнутри дома послышался короткий вскрик. Лада

увидела, как на пальцы музыканта опускается скалка и невольно дёрнулась вперёд. Мормагон быстро отпустил руку, повиснув на второй над морем полусгнивших тел, и удар прошёл мимо. Перехватив скалку, музыкант вырвал её из женских пальцев, и отбросил назад. Одним рывком он перемахнул через подоконник и оказался внутри. Теперь помочь ему могла только милость Создателя. Как раз в это время мертвецы сумели протиснуться и хлынули в дом.

— Великое изгнание, — сказала Лада.

Дроган кивнул.

— Дело не разрешит, но облегчит. Эй, вы двое! Охраняйте её и не дайте мёртвым подобраться, если они прорвутся через нас!

Окликнутые ополченцы с готовностью отошли назад, встав по бокам от охотницы. Лада закрыла глаза. Отрешилась от происходящего вокруг. Старалась не слушать истошные крики, доносившиеся откуда-то из глубин улиц, захваченных ордой мёртвых.

«Отец всей жизни, святой на небесах! Вечный покой даруй им, и свет небесный да осветит их! Изгони всякое зло десницей своею, избави от нечистого! И да будет так!»

Чистое белое сияние не разлилось вокруг охотницы. И ангелы не вострубили с небес. Как и большинство чудес, это могло бы пройти почти не замеченным. Просто мёртвые, находившиеся ближе к баррикадам, вдруг начали заваливаться и оседать. Они падали оземь, будто марионетки с подрезанными нитями. Что, в общем-то, было весьма близко к истине. Те же мёртвые, что оказались далеко, попятились назад. Сидевшие в них бесы инстинктивно избегали проявления Божественной воли.

Воспользовавшись этим, Лада быстро запалила один из лежавших на земле факелов, вскочила на баррикаду, спрыгнула с другой стороны, и ринулась к дому. Лишь миновав дверной проём, охотница сообразила, что всё ещё безоружна перед мёртвыми, которые могли остаться в доме.

Но ей повезло. На первом этаже она обнаружила лишь пустые оболочки восставших, а также свежий труп молодого мужчины. Кинув быстрый взгляд наверх, Лада оттащила тело в густые тени у стены, и бросилась к лестнице.

С Мормагоном они столкнулись наверху.

— Твоя работа, святейшество? — ухмыльнулся музыкант.

За ним, держа на руках ревущего младенца, на трясущихся ногах стояла женщина. Второй ребёнок цеплялся за юбку. Взгляд мальчика был пустым, ничего не выражающим. Оставалось лишь надеяться, что разум вернётся к нему со временем. Если на то будет милость Создателя.

— Идём, скоро они снова будут здесь. Почему вообще так много тел на кладбище? Кажется, мёртвых в этом городе больше, чем живых!

— Так и есть, — ответил Мормагон, спускаясь следом. — Здесь неподалёку каменоломни, куда ссылают каторжников. Мало кто из них выдерживал больше года. Тут их всех и закапывают, на городском погосте.

— Где мой муж? — впервые подала голос женщина, бесшумно шедшая позади.

— Мне жаль, — ответила Лада, не оборачиваясь.

И услышала за спиной тихий отчаянный плач.

Оказавшись за баррикадой, женщина поплелась к раненым. Ноги её еле отрывались от земли. Младенец кричал, не умолкая. Старший ребёнок всё также шёл, цепляясь за мать.

— Эх, — произнёс Мормагон, провожая её взглядом. — Только в байках спасённые

женщины в благодарность отдаются своим спасателям.

Лада не смогла сдержать гримасу отвращения.

— Ты только начал мне нравиться, — произнесла она и, не найдя, что добавить, отошла к Дрогану.

— Скоро они снова будут здесь, — пробормотал воитель, всматриваясь в шевелящуюся во мраке массу через щель между телегами.

— Кажется, с большей частью вы уже справились.

Дроган кивнул.

— Но и они нас потрепали. Вон, на ногах осталось не больше десятка.

— Восемь.

— Думаю, ещё столько же на соседних улицах. Но прут они, в основном, отсюда.

Какая-то мысль вдруг появилась на грани сознания Лады. Она нахмурилась, пытаясь её уловить.

— Погоди, они идут напрямик сюда? Только по этой улице?

— И по соседним, но там совсем немного.

Лада нахмурилась.

— То есть, прямо к центру города. Подержи.

Она передала факел Дрогану и достала набросок карты, что составил Альгон.

— Дьявол!

Дроган удивлённо поднял бровь.

— Что-то новое.

— Да посмотри. Вот тут были все случаи демонических проявлений. На равном удалении от центра города, куда теперь и идут мертвецы. А в центре...

Её палец постучал по пергаменту.

— Храм. Надо навестить святого отца.

Лада скатала карту.

— Идём. Нельзя терять времени.

— Если уйду, эти бойцы продержатся не больше пары литаний защиты от страха. И тогда у нас будет целый город трупов. И новая армия мёртвых. Ещё больше предыдущей.

— Если не уйдёшь, будет то же самое!

— Возьми с собой Мормагона. Он славно показал себя сегодня.

— Создатель, нет! Только не этот!

Дроган пожал плечами.

— Больше ничего не могу предложить. Он же только что спас женщину с детьми, рискуя жизнью! Неужели и этого недостаточно, чтобы ты перестала его ненавидеть?

— Я его не ненавижу. Мне полагается любить ближних. Но он мне отвратителен, — ответила Лада и бросила взгляд в сторону музыканта.

Тот рассказывал что-то столпившимся вокруг ополченцам. На лицах этих людей застыли неуверенные улыбки. Лада вздохнула и решилась.

— Ладно. Постараюсь выжить, чтобы не отдать душу Создателю в такой компании. Эй, музыкант! За мной! — И, обернувшись к Дрогану, тихо пробормотала, забирая факел: — если что-то пойдёт не так, ты будешь виноват в моей гибели.

Дроган повернулся к баррикаде и перехватил рукоять топора.

— Создатель велит прощать.

Зал был пуст и тёмнен.

— Послушай, я, — тихо начал Мормагон, но Лада резко вскинула руку, призывая к молчанию. — Да послушай же! Дай сказать. Я быстро. Только извиниться хотел. Просто был на нервах после драки с мертвецами. Понимаю, что глупость про вдову ляпнул. Правда, я виноват.

Лада внимательно посмотрела на музыканта. Тот стоял, нахмурившись и опустив голову. Однако охотница уже поняла, что Мормагон был отличным актёром. Так могла ли она принять его извинения за чистую монету?

Наконец, Лада кивнула и пошла вперёд, высоко подняв факел.

— Искреннее покаяние дарует прощение грехов пред Создателем. Не у меня ты должен просить. Теперь к делу. Я привыкла видеть рядом Дрогана. Знаю, он не испугается, даже если прямо перед его лицом внезапно появится князь тьмы со всей своей свитой. Сам должен понимать, что полностью доверять тебе я не могу. Но знай, дрогнет один из нас — погибнем оба.

— Клянусь, что заслужу твоё доверие.

— «Не клянитесь ни именем Создателя своего, ни детьми и родителями своими, ни именем своим», — процитировала Лада слова Писания. — Просто докажи на деле.

Пройдя до конца нефа, охотница встала перед алтарём.

— Тут пусто. Священник точно должен быть здесь? — подал голос Мормагон.

— Если бы ты был чернокнижником, где бы стал проводить ритуалы, связанные с мертвецами?

Музыкант на миг задумался, затем кивнул. Лада обошла алтарь и направилась к тяжёлым бронзовым дверям, что располагались за ним. Она на миг застыла, разглядывая в пляшущим свете факела изображение ангела, смиренно сложившего руки в молитве. Затем потянула за кольцо. Дверь легко отворилась, открывая широкие каменные ступени, ведущие во мрак.

Низкий свод крипты поддерживали ряды каменных колонн, выступавших из темноты. С первого взгляда Лада поняла, что это место осквернено. Сотни черепов уставились на неё со стен чёрными провалами глазниц. В свете факела блестела покрывавшая их богомерзкая болотно-зелёная слизь. Человеческие клыки были удалены, и вместо них вставлены звериные, что придавало останкам дьявольский, хищный вид. Вдоль стен выстроились невообразимые фигуры из чудовищно деформированных, искажённых костей. Даже попытавшись, Лада не смогла бы описать жуткую геометрию этих творений некоего безумного скульптора.

Откуда-то из-за границы света доносились шорохи и скрипы.

— В катакомбах под Белым городом я видел стены, которые тоже были отделаны черепами. Было неприятно, но всё-таки то, что окружает нас сейчас, это...

Мормагон замолчал, не в силах подобрать слова. Когда он замолк, из темноты раздался голос, по которому Лада узнала отца Ульда.

— Насладились ли вы величественным зрелищем Собора костей, заблудшие дети ложного бога? Пройдите. Встаньте пред истинным алтарём этого храма.

Лада заметила быстрый неуверенный взгляд, который Мормагон бросил в её сторону. И, молча, двинулась вперёд. В одной руке, подобно пламени Веры, горел высоко поднятый факел. Другая лежала на рукояти кинжала.

Отец Ульд и сам был похож на мертвеца. Высокий, худой, бледный, он замер за

алтарём, если можно было назвать так это нечестивое порождение извращённого разума. Опору жертвенника составляли четыре хребта, неизвестно как скреплённые друг с другом. Над ними громоздилась конструкция из соединённых костей, пронзивших тело младенца. Кровь из его ран уже остановилась. Но было видно, что багровые потёки совсем свежие. Пустой взгляд невинно убиенного ребёнка уставился на вошедших, когда труп слегка повернул голову.

Лада слышала, как за её спиной Мормагон исторгнул на пол содержимое своего желудка. Она и сама едва сдерживала тошноту. Однако чувство отвращения явно отразилось на лице Лады — Ульд коротко усмехнулся.

— Ты предстанешь сегодня перед судом Создателя, — пообещала охотница.

Ульд покачал головой.

— Я не боюсь ложного бога. Посмотри вокруг. Разве мог благой Создатель допустить всё это? Чтобы на земле было столько зла? Почему так происходит? Ведь он якобы всемогущ. Как может всемогущий любящий бог допускать, чтобы демоны и твари рвали плоть его творений? Убивали друг друга? Не по его ли воле поднялся Чёрный лес? Нет, Лада. Если Создатель и существует, он ненавидит нас. И я больше не хочу быть его послушной овцой.

— Не создатель поднял армию мёртвых. Это сделал ты. И не наш Бог убивает людей. Они справляются сами. Знаешь, что я успела понять за то время, пока охочусь на еретиков вроде тебя? Люди вечно недовольны. Сначала они хотят свободу воли. Потом, пользуясь этой свободой, они развязывают войны, порабощают друг друга вместо того, чтобы самим творить лучший мир. И, наконец, они плюют в небеса, проклиная Создателя за то, что в мире так много зла. Но этот плевок всегда падает обратно. Прямо им в лицо. Сегодня пришла и твоя очередь.

— Смелые слова. Но мой Бог, в отличие от вашего, дарует нечто настоящее. Реальное, а не лживые обещания благого посмертия. Я был благословлён бессмертием здесь и сейчас. А что дал тебе твой?

— Покой. Цель. Чистую совесть.

Ульд фыркнул.

— То же получил и я. Но кроме того — и нечто большее!

С этими словами он скинул одежды. Теперь Лада поняла, почему Ульд был настолько ужасающе худ. Под рясой были лишь кости, покрытые толстым слоем той же слизи, что охотница заметила на черепах. Как только эта мысль мелькнула в голове, Лада услышала глухой дробный стук позади и обернулась. Из стены, разворотив окружавшие его черепа, вывалился скелет. Мгновением позже он начал подниматься, влажно поблескивая в свете пламени.

Мормагон, уже пришедший в себя, тут же подскочил к порождению тёмной магии и нанёс по черепу сокрушительный удар обухом топора. Кости раскололись. Осколки брызнули в разные стороны. Хребет, треснув, переломился, и останки черепа упали на каменный пол. Но оставшаяся часть скелета, казалось, даже не заметила этого неудобства. Мертвец стремительно выбросил руку, целясь музыканту в глаза. Мормагон отпрыгнул, избежав удара, и растерянно оглянулся на Ладу.

Между тем зловещий стук нарастал. Вскоре всю крипту наполнил грохот осыпающихся костей. Лада повернулась к Ульду. Священник поднял руку и снял своё лицо, как маску. Положил его на алтарь из плоти. Глазницы его обнажившегося черепа светились бледным

огнём.

— Задержи их! — бросила охотница Мормагону. — Сколько сможешь, задержи! Просто бей, пока они не превратятся в костный прах!

Не слушая ответа, Лада бросилась вперёд, доставая кинжал. И понимая при этом, насколько он бесполезен. С разбега она врезалась в алтарь, разбивая сосредоточение нечестивой силы. Послышался тяжёлый вздох, исторгнутый упавшим на пол телом младенца. Маленькие руки потянулись, чтобы схватить Ладу за ногу, но та отшвырнула мёртвого ребёнка ударом сапога.

И тут же вскрикнула от боли, когда костяные пальцы обхватили её запястье, заставляя выронить кинжал из холодного железа. То, что некогда было отцом Ульдом, неразборчиво зашипело что-то Ладе в лицо.

— Отец всей жизни, святой на небесах...

— Нет! — глухо бухнул голос откуда-то из глубин мертвенного света в голове нежити.

И Лада почувствовала, как какая-то неведомая сила отсекает её связь с Божественным благословением её Создателя. Краем глаза она видела, что дела Мормагона идут не лучше. Два разбитых костяка валялись у его ног. Но остальные навалились и почти уже сумели подмять музыканта, когда он невероятным усилием отбросил их в стороны. Стоило немного перевести дух, как откуда-то сверху на его плечи упал скелет. Мормагон бросился спиной на стену, затем рванулся вперёд, и костяк повис в хватке множества рук мертвецов, не успевших ещё выбраться наружу. Но нападавший не остался без добычи — лишёнными плоти пальцами он сжимал дурацкую алую шапочку музыканта. Выпавшее из неё перо плавно опустилось на грязный пол.

Глухой голос вернул Ладу к её собственной ситуации.

— Здесь нет места для молитвы ложному богу.

— А для пламени истинной веры? — прохрипела она, закрывая глаза.

Казалось, там, куда погрузилось сознание, за пределами пространства и времени, была лишь пустота. Затем Лада почувствовала воющий ветер, нараставший с каждой минутой. Он забивался в лёгкие, мешая дышать, ослепляя и оглушая воем. Преодолевая сопротивление, Лада зачерпнула этот поток, пропустила через себя, и исторгла сквозь ладони, произнося слова, долгое время бывшие для неё запретными.

Заклинание не было сильным. Всего лишь мгновенная яркая вспышка. Но не ожидавший этого Ульд разжал руки, отступил назад, споткнулся о тело младенца, и завалился на спину.

— Лада!

Охотница обернулась. В паре шагов от неё на пол со звоном упал топор. Мормагон стоял, отбиваясь от наседавших на него мертвецов большим обломком бедренной кости.

— Торопись!

Лада подхватила оружие, развернулась, и опустила острое тяжёлое лезвие на голову нежити, уже начавшей подниматься. Удар отбросил Ульда обратно на пол. Лада упёрлась стопой в его грудь, с хрустом проломив несколько рёбер, и вырвала топор. Затем ещё раз обрушила удар. На этот раз — обухом. Нежить ещё шевелилась, но Лада била снова и снова, превращая тело врага в горсть костяных обломков посреди отвратительной лужи слизи. Когда дело было закончено, она отступила и опустилась на пол, прислонившись спиной к стене. Скелеты с грохотом обрушивались, превращаясь в обычные груды костей.

Труп лежавшего на полу младенца, казалось, вздохнул в последний раз и закрыл глаза.

Култ опутал княжество. Об этом думали все трое покидавших в то утро Жигань. Никто из них не обернулся, пока город не скрылся за холмами.

Труп бедолаги Мара так и не был найден. Где-то там, позади, пылал осквернённый храм. Десятки людей оплакивали погибших близких. Будет ли у них возможность вернуться к нормальной жизни? Вряд ли кто-то мог бы с уверенностью ответить на этот вопрос.

— Надеюсь, вы не возражаете против моей компании? — спросил Мормагон, когда спутники добрались до развилки.

— Отличный ты мужик, — вяло улыбнулся Дроган. — Но на кой ляд тебя несёт с нами?

Взгляд музыканта был направлен куда-то вдаль.

— Знаешь, честно тебе скажу. Столкнувшись с таким, и поняв насколько много вокруг зла, я не могу, как раньше, беззаботно топтать дороги и наигрывать на лире. Как вообще у вас это получается? Как вы можете спокойно засыпать, зная, что творится вокруг?

Ветеран пожал плечами.

— Дело привычки. Я ещё до службы в Ордене многое повидал. Приходилось спать среди не захороненных трупов. Просто потому, что выдался свободный час, и негоже было его терять. А на жаре — знаешь, как быстро мертвецы вонять начинают? Через пару часов уже личинки копошатся в ранах. И ничего, как-то приспособился. Что касается неё...

— Вера, — оборвала его Лада. — Вера в то, что мы служим лучшему миру в меру своих способностей. С каждым сожжённым еретиком, с каждой пойманной ведьмой мир вокруг становится чище. Некогда предаваться унынию, которое суть пустой грех. Осталось ещё много работы.

От охотницы не укрылся задумчивый взгляд Дрогана.

— Да, — еле слышно пробормотал воитель. — Вера.

Верно говорил Мормагон — в хорошей компании дорога пролетает незаметно. Так и вышло — странники не успели оглянуться, как впереди показались черепичные крыши городского предместья. А за ними, в лучах пламенеющего заката, возвышались рыжие кирпичные стены столицы. Долетали отдалённые голоса готовящегося к ночи города. Кричали пастухи, разгонявшие животных по дворам, и многоголовое стадо отзывалось им. Заливался визгливым лаем какой-то пёс. Протяжный низкий звон тяжело плыл над рекой — Лада узнала голос большого соборного колокола. Ветер доносил приглушённую расстоянием песню струн. А ещё он нёс запахи. Какие-то были приятными, вроде аромата выпеченного на вечер хлеба. Другие заставляли морщиться и с тоской поглядывать на поля, где отцветали первые весенние цветы. Хотелось развернуть коня и отправиться туда, в разнотравье, а не погружаться в смрад городских улиц.

— Нынче по ночам уже совсем тепло, — заметил Дроган.

Никто не стал с ним спорить, хотя в тёмных лесных оврагах ещё можно было найти укрывшиеся от солнца островки потемневшего снега.

Спутники уже почти добрались до деревянного моста через реку, когда их окликнули.

— Ух, ты. Не ожидал такой встречи, — пробормотал Дроган.

Лада тоже была удивлена, увидев у входа в небольшой трактир отца Тихомира. Старый монах стоял, опираясь на трость. Охотница слышала, как Дроган вполголоса объясняет

Мормагону, кем был этот старик.

— У него же повязка на глазах. Он слепой?

— Ну да, — подтвердил воитель.

— Тогда каким образом он нас увидел?

Лада нахмурилась. Этот вопрос и ей пришёл в голову. Спешившись, странники подвели лошадей к коновязи и поприветствовали старого монаха. Приложив губы к его перстню, Лада распрямилась и спросила:

— Что ты здесь делаешь, отец? И как узнал, что мы едем?

— Очевидно, ждал вас. Пойдёмте внутрь, ветер нынче прохладный, а мои старые кости давно уже не держат тепло.

Отец Тихомир позволил Ладе взять себя за руку и отвести на угол длинного стола у дальней стены зала. Умирающий день уже почти не дарил света, и трактирщик, высокий худой мужик средних лет, зажёг висящие на цепях под потолком лампы.

— Да, я ждал вас, — продолжил монах, устроившись поудобнее с кружкой эля. — Знал, что поедете этой дорогой и хотел поговорить прежде, чем войдёте в город. Рассказывайте. Что вам удалось обнаружить?

Разговор был долгим. Отец Тихомир внимательно слушал, хмурился, задавал вопросы, уточнял. Когда он, наконец, узнал всё, что хотел, бледный серп месяца освещал притихшие предместья. За окном было темно и тихо.

— К сожалению, мне нечем развеять ваши тревоги, — сказал монах. — Ярополк ведёт себя странно в последние дни. Запирается у себя и никому не позволяет заходить. Спрашивал о вас. У меня создалось впечатление, что он вас опасается.

— Бред, — покачал головой Дроган.

— Мииилсдари, — протянул трактирщик и протяжно зевнул. — Весьма извиняюсь, но за полночь уже. Добрым людям спать давно полагается. Вы бы заплатили за ночлег, да и отправлялись на боковую.

— Верно, — сказал Мормагон и заглянул в кружку.

Судя по погрустневшему выражению его лица, та была пустой.

— Так и решим. Сегодня в город уже не попадём.

Лада мысленно согласилась со своим наставником. Городские ворота закрыли часа два назад. Оплатив спальное место, странники поднялись по скрипучей, потемневшей от времени лестнице. На втором этаже была только одна комната. Тёмная, без окон. Дрогану пришлось снять шлем, чтобы полностью разогнуть спину. И даже так он едва не упирался макушкой в закопченный потолок. Воитель поднял повыше свечу, и в её трепещущем пламени осмотрел ряды лежавших на неровном дощатом полу тюфяков. Часть из них уже заняли другие путешественники, которых ночь застала за стенами. Запах немых тел забивал ноздри. Лада с ужасом подумала о бесчисленном множестве насекомых, считавших здешние подстилки своим домом. Выбрав место подальше от остальных, она расстелила свою походную постель и завернулась в неё. Сквозь навалившийся сон она слышала, как устраивается на ночлег Дроган, а Мормагон тихо жалуется, что мог бы уже быть на хорошем чистом постоялом дворе, если бы не задержка. От Тихомира не доносилось ни звука. Если у него и было мнение относительно ноющих музыкантов, он держал его при себе.

Погас огонёк свечи. Мрак был такой, что в первый миг Ладе стало тяжело дышать. Темно и душно. Только шорохи во тьме. Наверное, так и чувствует себя человек, погребённый заживо. Охотница подавила постыдное желание запалить хотя бы лучину,

чтобы только не было этой бескрайней черноты. Она даже не была уверена, закрыты её глаза, или нет. Сложив вместе ладони, Лада наскоро зашептала молитву.

Неожиданно нахлынувший ужас отступил. Как всегда, когда Лада призывала в помощь Создателя. Почти всегда...

Вскоре охотница забылась тревожным сном.

Пробуждение наступило неожиданно. Кто-то настойчиво тряс Ладу за плечо. Открыв глаза, она вздрогнула всем телом — вдруг ей показалось, что кошмар стал явью, и она действительно оказалась под землёй. Но нет. Это была та же погруженная во мрак комната.

— Кто здесь? — спросила Лада, нащупывая рукоять кинжала.

— Прости за беспокойство, сестра. Это Снуд. Помнишь меня?

Спросонья Лада с трудом припомнила службу при Ордене, возившегося с клеткой и забравшего её коня перед поездкой в Медянку. Охотница немного расслабилась, но руку с эфеса не убрала.

— Что тебе надо? Как ты нас нашёл?

В ответ раздался тихий скрежет огнива.

— Поспрашивал добрых людей, они мне указали. Беда стряслась. Ярополк мёртв.

По недоверчивому ворчанию из темноты Лада поняла, что Дроган уже проснулся и слышал разговор. Сама она едва не вскочила, но быстро подавила порыв и задумалась. Слова Снуда могли быть ложью. Или ловушкой. Но зачем?

Вспыхнуло пламя свечи, осветив простоватое лицо послушника.

— Что случилось? — спросила Лада, внимательно следя за его глазами.

— Убили Ярополка. Этой ночью.

Либо Снуд был отменным лгуном, либо говорил правду. Или, по крайней мере, сам верил своим словам.

— Кто убил? Как это случилось?

— Боюсь, времени нет сейчас говорить. Уходить надо. Нашёлся свидетель, показавший, что видел, как вы входили к Ярополку перед тем, как его не стало. Вас уже ищут. Боюсь, я опередил дружинников совсем ненамного.

Огромная ладонь Дрогана, похожая на лапу медведя, сдавило плечо послушника так, что тот охнул.

— Кто нас оговорил?

— Сломаешь мне руку — делу не поможешь. Ослабь хватку, а то ненароком покалечишь, возможно, единственного в городе, кто пытается вас сейчас спасти. Не знаю, кто свидетель. Сам я ему не верю, потому и пришёл. Но если у меня вышло вас найти, то и остальные не ровен час нагрянут.

Лада кивнула товарищу. Время на раздумья, и правда, вышло. Быстро собрав пожитки, охотница огляделась. Мормагон давно проснулся и тоже готовился к побегу.

— А где отец?

Тихомира нигде не было. И следа не осталось.

— Уж он сумеет о себе позаботиться, — проворчал Дроган, надевая шлем.

— Он всего лишь слепой старик.

— Который добрался до этого трактира через весь город! Добрые люди помогут монаху, не беспокойся. Надо бы о себе подумать.

Мормагон не вмешивался в разговор. Но, заметив его хмурый взгляд, Лада поняла, что

он придерживается одного мнения с Дроганом.

За окном ещё стояла темень. Край неба лишь слегка посветлел, когда беглецы выбрались из трактира вслед за послушником и укрылись в ближайшей подворотне. Улицы пока были пусты, но Лада знала, что в предместьях день начинается рано. Большинство их обитателей, скорее всего, уже поднялось и понемногу готовилось к наступающему дню.

— Что мы собираемся делать дальше? — спросил Мормагон. — Бежать в другое княжество?

Дроган усмехнулся.

— Убийц главы стольной ставки Ордена найдут везде. Наш единственный шанс — доказать свою невиновность.

— Что предлагаешь? — поинтересовалась Лада.

— Проникнуть в город. Для начала — найти свидетеля. Думаю, он как-то связан с настоящим убийцей. Отыщем его — снимем с себя обвинение.

— Я помогу пробраться за стены, — пообещал Снуд. — Но даже если вы найдёте доказательства и придёте к князю, дружинники схватят вас. И пока вы сидите в тёмной, кто знает, что успеет случиться.

— У меня есть один приятель, — сказал Мормагон. — У него множество самых разных связей. Думаю, с его помощью нам нужно попробовать попасть на аудиенцию к епископу. Представить доказательства ему, и просить церковного суда. В конце концов, дело об убийстве главы отделения Ордена попадает под церковное право.

— Аудиен... — Дроган запнулся. — Понятно. Лада, ты монахиня. Твоя настоятельница не сможет нам помочь? Кажется, это лучше, чем сомнительные друзья Мормагона.

Охотница покачала головой.

— Она не будет с этим связываться. Я и без того всем как бельмо на глазу, а настоятельница слишком дорожит своим положением.

— Тогда, похоже, другого выбора у нас нет. Снуд, ты говорил, что поможешь нам попасть в город.

— Верно. Идёмте, не будем больше тратить время.

Беглецы выбрались из подворотни и быстрым шагом направились за послушником. Он перебежал широкую разбитую грунтовку и выглянул за угол дома.

— Цеховая стража, — прошептал он стоявшим за спиной товарищам.

Эти люди не были связаны с дружиной князя. Последняя была личной гвардией владыки и вместе с ополчением входила в войско. Город же, а равно предместье, охранялся по ночам добровольцами из местных жителей. Как правило, в стражу по очереди заступали подмастерья, что позволяло цехам иметь огромное влияние.

Поэтому люди, шагавшие сейчас по улице, могли не знать, что князь разыскивает каких-то охотников на ведьм. И уж тем более, даже если и знали, вряд ли кучка ремесленников с окованными металлом дубинками решилась бы заступить дорогу опытным бойцам.

— Не будем оставлять свидетелей, — решил Дроган.

Глаза Мормагона расширились.

— Ты хочешь убить всех этих людей?

— Нет, дурень! Ещё только врагов среди цеховых нам не хватало. Просто обойдём задворками.

Снуд кивнул, дождался, пока стража пройдёт, и двинулся к стоявшему через дорогу овину. Проходя мимо, Лада невольно залюбовалась росписью на его брёвнах. Та изображала

обвивший брёвна вьюнок.

Пробравшись дворами, стараясь не попасться никому на глаза, беглецы добрались до окраины предместья. За ней начинались поля с редкими деревьями и кустами. Впереди, где река изгибалась, виднелась отмель, за ней — арка массивного каменного моста у Церковных ворот. На другой стороне реки возвышались стены Миргорода. Над землёй, пахнувшей сыростью, стелился редкий туман.

— Куда дальше? — спросила Лада.

Снуд указал на рощу невдалеке.

— Прoberёмся окраиной до Южного моста. Возьмём на причале лодку. Дальше, под стенами, дойдём до моста святого Третьяка. Там есть пещерки, которыми кое-кто из лихого люда попадает в город, минуя стражу на воротах. Вот и мы тем же путём воспользуемся.

Лада хмыкнула, но не стала спрашивать, откуда послушник знает о путях контрабандистов.

Пока шли через рощу, да огибали излучину реки, солнце совсем поднялось над горизонтом. Предместье оживало. Уже слышалось тяжёлое дыхание мехов, раздувавших горн, да переговоры пастухов, гнавших стадо на пастбища.

Миргород стоял на нескольких островах. Кроме больших каменных мостов, которые вели к городским воротам, существовало множество мелких деревянных мосточков. По одному из них беглецы и добрались до находившейся на отмели пристани, о которой говорил Снуд.

— Ведите себя естественно, — шепнул послушник, кивнув на сторожевые башни, возвышавшиеся над Южным мостом. С них отлично были видны все окрестности.

По сторонам от башен берег ощерился рядами острых кольев. В рассветных лучах Лада различила фигуры караульных наверху, под крышей.

— А нас не схватят? — забеспокоился Мормагон.

— Они высматривают большие отряды. До нескольких странников им дела нет. Пойдём.

И правда, беглецы без затруднений миновали деревянный настил, и вновь оказались среди домов предместья.

— Вон она.

Снуд указал на большую рыбацкую лодку у просевшего от времени бревенчатого причала.

— Это твоя? — спросила Лада. — Мы ведь не крадём её?

— Успокойся сестра. Я тоже следую заветам Создателя. Давайте быстрее.

Дроган запрыгнул внутрь, и, пока его спутники забирались следом, вставил одно весло в уключину. Как только Снуд отвязал лодку, вторым веслом воитель оттолкнулся от причала, и мощными гребками погнал судёнышко вдоль берега, подальше от посторонних глаз.

— Как думаете, много людей нас видело?

Мормагон беспокойно ёрзал на банке, сжимая в руках мешок с поклажей.

— Кто бы ни видел, теперь уж не важно. Тревогу не подняли. Если дружинники и узнают, что мы здесь проходили и взяли лодку, откуда им знать, куда мы направились? Может, дальше по реке? Ищи нас теперь по всему Простору.

— Ну, что ж тут сказать? Много я повидал, но, честно говоря, бегство от князя — для меня что-то новое.

Дроган налёг на вёсла. В тишине они проплыли по мелководью мимо мельничной

запруды, через узкий проток, где, постаравшись, можно было одной рукой коснуться поросшей мхом городской стены, а другой — осыпавшегося крутого склона с торчащими корнями. Когда берега разошлись, впереди, на скале, они увидели угловатый каменный замок. Он возвышался над заливом, пронзая чистое лазурное небо золочёными шпилями.

Такова была резиденция епископа. Возможно, самого влиятельного человека в Миргородском княжестве.

— Туда.

Снуд указал на песчаную косу под отвесными береговыми скалами. Городские стены здесь отступали — сама природа воздвигла непреодолимую преграду. Невозможно было подняться по влажному от речной воды камню. С этой стороны город казался неприступным.

Если бы не маленькое отверстие, черневшее у самой земли. От случайного взгляда его надёжно скрывали кусты, и, не подведи Снуд беглецов вплотную, те никогда не заметили бы вход в пещеру.

— Здесь я должен с вами проститься. Удачи вам. Надеюсь, мы ещё встретимся.

— Как же мы найдём дорогу?

— Вот карта. Никому её не передавайте. А лучше — уничтожьте, как только окажетесь в городе. Да пребудет с вами благословение Создателя.

Попрощавшись, беглецы на четвереньках пробрались в небольшой зал у входа, вымазавшись в глине. Лада могла почувствовать контрабандистам, вынужденным пробираться этим путём, если бы не их тёмное ремесло.

Свет дня позади сразу же померк. Дроган запалил факел. Пламя потрескивало во влажном воздухе, разбрасывая вокруг искры.

— Лошадей жалко, — вздохнул Мормагон, оглядываясь назад.

И Лада молча с ним согласилась.

Первое тело лежало шагов через сто. Дроган присел рядом и перевернул его лицом вверх. Это мало помогло — крысы успели хорошо подкрепиться, и большая часть плоти уже наверняка лежала где-то в тёмных туннелях в виде испражнений. Рёбра и кости черепа были обнажены. Единственный уцелевший глаз белёсым пятном вырисовывался на тёмном от грязи и запёкшейся крови лице.

Лада взглянула на музыканта, ожидая, что того вырвет. Но Мормагон присоединился к Дрогану, внимательно осматривая труп.

— Похоже, его загрызли крысы.

— Контрабандист?

Мормагон с сомнением покачал головой.

— Сложно сказать. Одежда на нём была самая обычная, какую большинство горожан носят. С другой стороны, а как должны одеваться преступники? Верно, так же, как и добропорядочные люди. Из личных вещей ничего не осталось. Его обобрали.

— С чего ты взял?

— С ним особо не церемонились. В ухе была серьга — её просто вырвали. Ремень разрезан — видно, с него сняли сумку, а заодно прихватили пряжку и хвостовик.

— Значит, в его смерти виноваты всё-таки не крысы? — уточнила Лада.

— Не, — подал голос Дроган. — Мормагон прав. Когда серьгу вырвали, он был уже мёртв. Смотри — крови на ухе почти нет.

Лада кивнула.

— Значит, крысы убили этого человека, а потом кто-то пришёл, и забрал вещи.

Музыкант поднялся.

— Примерно так и было. Может, контрабандисты, когда проходили, увидели труп и решили «чего добру пропадать?».

— Ты очень наблюдателен для простого музыканта.

Мормагон театрально развёл руки.

— Как я уже говорил, дорога многому учит, ежели хоть что-то есть под сводом твоего черепа, что способно эти знания воспринимать.

Дроган поморщился, словно под нос ему сунули нюхательной соли.

— Вот неплохой ты мужик, но говоришь иногда так, что в морду тебе сунуть хочется.

Музыкант посмотрел на товарища с демонстративным осуждением и покачал головой.

— Это ведь ещё разобратся надо, у кого морда, а у кого и лицо.

— Пошли, — коротко велела Лада, и беглецы продолжили путь по тёмным туннелям.

Факел выхватывал из мрака сочащиеся влагой неровные стены. Иногда казалось, будто они сжимаются, грозя раздавить смертных, осмелившихся вторгнуться во владения вечной ночи. Ноги скользили по рыжей глине. Воздух был стылым и сырым — Лада едва сдерживалась, чтобы не закашляться. Вокруг царил совершенная тишина, если бы не звуки, которые производили пробирающиеся по туннелям люди. Каждый вздох, шорох одежды или шёпот горное эхо подхватывало и разносило вокруг. Словно предупреждая своих нечестивых детей, засевших в беспросветном пространстве — «вот идут смертные! Берегитесь, ибо они несут огонь!».

Лада мотнула головой, отгоняя сонмы подступающих видений. И едва не упёрлась в

широкую спину Дрогана, замершего впереди.

— Что там?

— Ещё один мертвяк.

— Всё то же самое, что и с предыдущим, — сказал Мормагон. — Один в один.

Быстро осмотрев тело, беглецы двинулись дальше. Вскоре они насчитали уже шесть мертвецов на разных стадиях разложения. От кого-то остался лишь скелет с лоскутами сгнившей плоти, кто-то погиб совсем недавно. Насколько Мормагон сумел определить, все были убиты и объедены крысами, а затем обобраны.

— Двигаемся тихо, — прошептал Дроган. — Если встретимся с теми, кто хозяйничает в туннелях, я хотел бы иметь хоть какой-то шанс на преимущество.

Впрочем, возможность застать кого-то врасплох была невелика. Свет факела и позвякивание кольчуги воителя выдавали их загодя. К счастью, шедший во главе Мормагон вовремя заметил, как кто-то впереди быстро затушил факел при их приближении.

— Что там? — спросила Лада.

Мормагон погасил свет, и темнота навалилась со всех сторон. Ладе показалось, что какой-то ночной демон тут же вцепился ей в горло и принялся душить. Но это была лишь минутная слабость.

— Группа людей, — прошептал музыкант. — Которые явно не хотели, чтобы мы их обнаружили.

В туннеле воцарилась тишина. Пользуясь передышкой, Лада на ощупь зарядила свой самострел.

— Эй! — донеслось из темноты. — Ладно, хорош играть. Мы зажигаем факел, давайте тоже.

— На счёт три, — предложил Дроган.

— Ладно.

После третьего счёта в темноте одновременно вспыхнули огни. Незнакомцы приближались. Во главе шёл невысокий толстяк с широкой сальной улыбкой. Большие пальцы его были заложены за широкий кушак, на других поблёскивали золотые перстни и кольца. Голову покрывал потёртый кожаный чепец. За ним, чуть сбоку, шагал высокий тощий человек с факелом в руке. Скулы так сильно торчали на худом лице, что оно напоминало череп. К тому же, части зубов явно не было на месте, так что рот немного провалился, усугубляя сравнение. Остальные трое в этой группе ничем не выделялись — обычные громилы из трущоб. Все, кроме главаря, были вооружены окованными медью дубинками. У того же к кушаку был прицеплен кинжал в чеканных серебряных ножнах.

— Приветствую коллег по цеху! — главарь улыбнулся ещё шире. — Не видал вас до этого. Меня звать Мокоша. С кем имею, так сказать?

— Простые странники, знаешь ли, — ответил Дроган раньше, чем его спутники открыли рот.

— Секретничаем? Понимаю, понимаю. Этими проходами кто попало не пользуется.

— Напротив. Как я смотрю, здесь необычайнолюдно. Только большинство молчит. И не дышит.

Мокоша расхохотался. Его брюхо и подбородки тряслись, словно кто-то дёргал огромного слизня.

— Верно, такие у нас встречаются, — наконец, выдавил он, утирая слёзы в уголках глаз.

— Это не вы ли их так?

— Нееет. Зачем? Крысы сами справляются. Ну а наши руки чисты.

Мародёр показал руки, словно чтобы доказать свои слова, затем вдруг нахмурился.

— Но это — наше дело. Не лезьте. Хотите заработать — найдите себе что другое.

— Не беспокойся. Мародёрство — не наш профиль.

Мокоша кивнул, но его маленькие глазки продолжали недоверчиво следить за каждым движением.

— Как же столько людей вдруг оказалось здесь, под землёй?

Толстяк фыркнул.

— Потому, что дураки. Стоит рассказать сказку про спрятанные сокровища контрабандистов, как они толпами бегут сюда искать. Думают, другим не повезло, но у них-то уж наверняка получится. То, что одинокий путник — верная добыча для стаи крыс, они в расчёт не берут. Людишки-то глупые.

— Так уж и толпами?

— Ну, нет, конечно. Многие на это не покупаются. Но нам хватает и тех, кто верит. Ну а потом — знай, снимай с них побрякушки.

Мокоша, вновь широко ухмыляясь, поднял руки и продемонстрировал пальцы с золотыми украшениями.

— Вашим преступлениям должен быть положен конец, — мрачно произнесла Лада.

Мародёр выглядел искренне удивлённым.

— Какие ж преступления? Мы никого не душегубили. Ну а то, что они пришли сюда на погибель, так кто ж их заставлял? Ладно, не нравится мне, куда беседа идёт. Ступайте-ка вы, по-доброму.

— Мы — служители Матери Церкви. Кому, как не нам, решать, что является преступлением с точки зрения морали?

Улыбка исчезла. Мокоша скривился, сведя брови, верхняя губа его судорожно подёргивалась.

— Вот те на. Кого только здесь не встретишь. Послушай-ка, тупая ты сука. Мы никого не убивали. В ересь не впадали. Так что идите-ка вы, святоши, куда шли. Могли бы нас, наверное, страже сдать. Да только что-то мне подсказывает, что тогда бы сами вы здесь не пробирались. Натворили что, а?

— Лада, они правы, — тихо шепнул Дроган. — У нас нет права их тронуть. Как разберёмся со своим делом, доложим дружинникам. Но пока придётся разойтись.

— И сколько людей погибнет, пока мы будем разбираться? — огрызнулась женщина, сжимая в руках самострел.

Дроган хотел что-то ответить, но не успел. На лице Мокоши промелькнуло удивлённое выражение, когда арбалетный болт разворотил его лоб. Затем толстяк медленно завалился назад.

Воитель пришёл в себя мгновенно. Лада не успела ещё опустить разряженный самострел, когда он, грязно выругавшись, ударил костистого мародёра в лицо концом рукояти. Раздался хруст, и тот рухнул на пол, захлёбываясь кровью и глотая обломки зубов. Громилы не успели ещё достать дубинки, когда Дроган развернул топор и тычком вогнал верхнюю часть лезвия в грудь одного из них. В другого попал небольшой топорик, метко пущенный рукой Мормагона, и мародёр осел на пол, истошно вереща. Последний, поняв, что остался в одиночестве, развернулся, и, поскальзываясь, бросился в темноту. Болт пробил его насквозь уже на границе света. Громила упал лицом вниз, пару раз дёрнулся, всхлипнул, и

замолчал. Вскоре затих и визг его товарища — его оборвал удар Дрогана.

— Что это, чёрт возьми, было?

— Это преступники. Как слуги Создателя, мы должны защищать невинных. Они сказали, что людей убивали крысы? Вот они крысы и есть. Перебив их, мы спасли несколько жизней.

— Не нам судить! Святые угодники, Лада, есть же закон! Мы не должны становиться обвинителями и палачами! У нас есть своя работа. Они что, похожи на еретиков или ведьм? Вот этот, жирный, выглядит, как ведьмак? Мормагон, а ты какого дьявола творишь?

Музыкант обернулся, держа в руке небольшой нож, и пожал плечами.

— Дроган, ему кошель уже не понадобится, а у нас скоро закончатся деньги. За нами идёт дружина князя. Вряд ли получится в скором времени заработать. А оправдывать себя я предпочёл бы на полный желудок.

Мормагон закинул добычу в свой мешок, поднялся, и зашагал вперёд. Лада молча отправилась за ним.

— Ну и чем мы тогда лучше этих мародёров?

— Как минимум — тем, что живы. Ну и я гораздо симпатичнее на вид. И ещё они заманивали людей в ловушку, а мы лишь оборвали мрачную цепь их бесчеловечных преступлений.

Позади Дроган не переставал ворчать.

— Ни за что не притронусь к этим грязным деньгам.

— Твоё право. Я совершенно поддерживаю тебя в этом благородном решении.

— Как неосмотрительно с твоей стороны было произносить те слова прежде, чем ты пересчитал оставшиеся монеты, — сказал Мормагон, отрывая зубами кусок сочной баранины.

По крайней мере, он надеялся, что это — действительно баранина, как уверял кабатчик.

Дроган молчал. Лицо его было мрачнее, чем у сборщика налогов, которому предложили прийти на следующий год.

Мормагон принялся.

— Свежий хлеб пекут, — сказал он со вздохом. — А у тебя уже и деньги скоро закончатся. Не будет тогда ни горячего сочного мяса с перцем, ни холодного кваса. Такого, что б прям скулы сводило! Эх...

— Хватит уже, — оборвала музыканта Лада. — Тебя слушаешь, так рот слюной наполняется. Не бойся, братец, я с тобой всегда поделюсь.

— Да я-то что? Я ничего. Тоже поделюсь, конечно. Вот, где тут у меня этот кошель...

— Оставь себе, — резко сказал Дроган и поднялся, чтобы выйти.

Лада удержала его за руку.

— Стой, не глупи. И ты, Мормагон, прекрати. И так нас ищут. Не нужно делать всё ещё хуже, издеваясь друг над другом. Дроган, я тебя понимаю. И готова согласиться с твоими доводами. Эти деньги, действительно, нечисты, и мне бы тоже не хотелось к ним прикасаться.

Мормагон закатил глаза.

— Отлично. В хорошенькую же ситуацию вы меня поставили. Выбросить я их не могу, а коль буду пользоваться — меня же совесть заест. Да, она у меня есть, можете себе представить! Хорошо, я отложу кошель на чёрный день. Если совсем есть нечего будет,

думаю, вы и сами согласитесь его достать.

Дроган опустил обратно на стул.

— С этим решили. Теперь давайте думать, что делать дальше.

— О чём тут особенно задумываться? — произнёс Мормагон, придвигая свою тарелку Дрогану. — Надо выяснить, кто свидетельствовал против нас. Он точно что-то знает.

— И как мы это узнаем? — спросил воитель, отрывая кусок мяса.

— Ратибор, — ответила Лада. — Он должен быть в городе. Больше мы никого не знаем из окружения князя. Наверняка он в курсе происходящего.

— Не знаю, кто это, — сказал Мормагон, — но с чего вы взяли, что он просто не выдаст нас?

— Придётся рискнуть.

Некоторое время беглецы ели молча. Их убежищем стал небольшой кабак в районе трущоб. Здесь, в пропахшем мочой, брагой и блевотиной полутёмном зале, никому не было дела до троих незнакомцев.

— Ладно, я выберусь и разузнаю, — подал голос Мормагон. — Из вас я — самый неприметный, и у меня в городе есть знакомые, которые могут помочь.

— Сколько времени тебе нужно?

— Пойду с утра, обернусь к вечеру.

Дроган кивнул.

— Пора устраиваться на ночлег. Надеюсь, клопов здесь не слишком много.

Его надеждам не суждено было исполниться. Всю ночь Лада проворочалась, мучимая укусами насекомых. Её будил то шорох крысиных лапок в стенах, то истошные крики за окном. В какой-то момент внизу, кажется, началась драка. Лёжа в кромешной темноте с открытыми глазами, Лада вновь пережила приступ паники, какой случается, должно быть, у погребённых заживо.

Мормагон вернулся под вечер с очень довольным видом. К этому времени Лада уже молила святых покровителей, чтобы они помогли музыканту, и беглецы могли, наконец, покинуть опостылевший кабаk. Пару раз местная пьянь порывалась оказать ей ненужные знаки внимания, и это заканчивалось дракой с Дроганом. Впрочем, дракой это можно было назвать с натяжкой — одного удара пудового кулака воителя хватало, чтобы выбить из местного отребья желание связываться с охотниками.

Обстановка накалялась. Как раз в то время, когда она готова была уже взорваться, и появился Мормагон. Сев за стол рядом с товарищами, он, не скрывая самодовольства, сообщил:

— Я всё выяснил. Говорят, ваш приятель засел в таверне под названием «Кошачья колыбель». Совсем недалеко. Но рассказавший об этом человек советовал к нему не соваться — вроде как нрав у него нынче ещё хуже обычного, что бы это ни значило.

Несмотря на тревогу в последних словах музыканта, Лада мысленно вознесла благодарственную молитву.

— Хорошо, тогда отправляемся.

Мормагон удивлённо приподнял бровь.

— Прямо сейчас?

— Незачем откладывать, — ответила Лада, бросив взгляд на группу оборванцев, недобро косившихся в сторону Дрогана. — Все вещи у нас с собой.

Музыкант огляделся и молча кивнул.

— Сестрёнка, сними шляпу, — посоветовал Дроган, поднимаясь с места. — Уж больно она у тебя приметная.

Лада покачала головой.

— Послушай, я знаю, как ты дорожишь подарком отца. Но вряд ли он будет рад, если ты попадёшься из-за такой мелочи. Просто убери её в сумку и накинь на голову капюшон.

Поразмыслив, охотница вынуждена была признать правоту товарища по оружию.

Вышли через заднюю дверь, которая вела под длинную низкую каменную арку. По бокам были навалены старые бочки и разбитые ящики, так что оставался узкий проход, по которому в ряд мог пройти лишь один человек. Шагать приходилось осторожно, чтобы в царившем вокруг полумраке не наступить на гвоздь или осколок. Оказавшись на улице, Мормагон свернул налево. Туда, где на невысоком деревянном помосте выступал проповедник в алом балахоне, громогласно зачитывавший строки Писания. Два служки стояли по бокам, держа в руках факелы. Проходя мимо, Лада отвернула лицо, опасаясь, как бы её не узнали. Но святой отец был слишком увлечён звуками собственного голоса. Казалось, он не замечал даже небольшую горстку людей, внимавших его словам.

Беглецы продолжили путь, а за спинами их гремела речь о необходимости покаяния и вечном проклятии для неверных. В паре десятков шагов от проповедника, в небольшом закутке, образованном стенами домов, была открытая едальня. Под навесами стояло несколько выщербленных столов со скамьями. В стороне, над пламенем открытого очага, висел большой котёл с похлёбкой. Лада невольно поморщилась, почуяв исходивший от неё запах, и ускорила шаг.

Вдруг шагавший рядом Дроган толкнул её локтем и указал вперёд. Там, в свете факелов,

Лада увидела троих дружинников, как раз заворачивавших навстречу с боковой улицы. Схватив Мормагона за капюшон, Дроган толкнул его в грязный закоулок по правую руку. Лада последовала за ними.

— Подождём, пока пройдут мимо? — шепнула охотница.

— Здесь можно пройти, — ответил Мормагон. — Я знаю эту дорогу, она идёт рядом с улицей, по задворкам.

Дроган кивнул, и музыкант повёл охотников по узкому проходу между домами. Под ногами хлюпала грязь. В воздухе стоял тяжёлый запах мочи и гниения. Лада старалась не думать, куда ступает, и молилась только, чтобы не подхватить хворь от случайной царапины о попавшийся на дороге ржавый гвоздь. Вверху, подобно знамени поверженной армии, с поперечной балки свисал обрывок бесцветной ткани — всё, что осталось от старого навеса. Штукатурка на окружающих стенах обвалилась целыми кусками, обнажив кирпичный скелет старых домов. Краска на разошедшихся дверях давно облупилась. Проходя мимо одной из них, Лада заметила проблеск света в щелях между досками. Присмотревшись, она различила по ту сторону мерно покачивавшийся силуэт.

В полумраке поблёскивали маленькие глазки десятков грызунов. Тонкий писк преследовал беглецов всю дорогу, пока Мормагон, наконец, не вывел их на улицу. Дышать сразу стало легче. Лада почувствовала себя так, будто вырвалась из душных объятий Преисподней к свету Создателя. Отогнав видения грешников, обречённых на бесконечные мучения в парах серы, она вознесла короткую молитву.

Улица встретила запахами свежего хлеба и звуками музыки. Удивительно, что всего в паре шагов от этого буйства жизни лежал мрачный, задыхающийся в собственных нечистотах проулок. Лада, как могла, очистила обувь о росший на углу ближайшего дома лопух.

Трактир она опознала по вывеске. Удивительно хорошо изображённая на ней кошка укачивала в колыбели троих котят. Перед входом был небольшой огороженный дворик с помостом, на котором выступали музыканты. Глухо ухал барабан, надрывались свирели.

— Не твои знакомые? — спросила Лада.

Мормагон поморщился.

— Нет. Кажется, они считают, что чем громче — тем лучше. Заблуждение многих известных мне бездарностей. Хотя, свою задачу они выполняют. Наверняка люди собираются со всей округи, чтобы посмотреть, кто так жестоко измывается над невинными кошками. А потом прячутся в трактире за закрытой дверью, чтобы хоть как-то заглушить эти ужасающие звуки.

Лада усмехнулась. Музыка не казалась ей настолько кошмарной, но она была наслышана о ревности музыкантов друг к другу, и потому оставила своё мнение при себе. Пройдя мимо сцены, она, вслед за Дроганом, оказалась в общем зале.

Таверна была неожиданно хороша. Стены отделаны лакированными деревянными панелями. Слева — ряды небольших резных столов с лавками по бокам. Справа — пустующая сцена. Расположенные за ней альковы закрывали от посторонних глаз портьеры из плотной карминовой ткани. Десятки свеч заливали зал светом.

Не успели беглецы сделать и пары шагов, как дорогу им заступил невысокий, но необычайно широкоплечий мужик в красном кафтане. С пояса его свисала дубинка, окованная бронзой. Придирчиво осмотрев новых посетителей, он произнёс неожиданно певучим голосом:

— Не будут ли любезны господа немедленно проследовать к выходу?

Дроган открыл уже рот, когда из-за спины привратника донёлся знакомый голос:

— Эй, приятель! Пропусти моих друзей, будь так добр.

Тот кивнул, не оборачиваясь, и отступил в сторону.

За столом позади вышибалы в одиночестве сидел Ратибор. Издалека было видно, что княжий посланник пьян и грустен. Когда беглецы подсели к нему, он ткнул пальцем в грудь Мормагона и проворчал:

— Этот — кто таков? Его не знаю.

— Странствующий музыкант. Зовут Мормагон. Он с нами, — коротко пояснила Лада.

Ратибор кивнул.

— А, верно. Слышал что-то такое. Вы ведь знаете, что вас в убийстве обвиняют?

— Поэтому мы к тебе и пришли. Это был ложный донос.

— Ложный? — хмыкнул Ратибор, вперив взгляд покрасневших глаз в лицо Лады. — Может, этот музыкантишка ночью прирезал вашего Ярополка, а потом вернулся? А вас всех обвинили, а? Не думала о таком? Ладно, не кипятись. Сам не верю, что вы замешаны. Дело глупое, но тёмное. Чего вы ко мне-то припёрлись? Если думаете, что я за вас перед князем заступлюсь — зря. Слушать он меня не будет.

— Нам лишь нужно узнать, кто против нас свидетельствовал.

— Мне почём знать? Не я этим занимаюсь. К слову, как вы меня нашли?

— Добрые люди подсказали.

Ратибор поднёс к губам кружку и сделал большой глоток.

— Добрые люди, — проворчал он. — Интересно. Учítывая, что я не хочу привлекать к себе внимание. Ладно, не до вас мне сейчас. Ступайте.

— Ратибор, мы выяснили, что случилось с Маром. Выполнили твою просьбу. Теперь и ты нам помоги.

Княжий посланник задумался, переводя чуть помутневший взгляд с Лады на Дрогана и постукивая по столу пальцем. Наконец, махнул рукой.

— Рассказывайте, что там было, в Жигани.

Лада коротко пересказала события последних дней.

— Видишь, с чем мы столкнулись? — закончила она. — Надо срочно сообщить обо всём князю. Кто-то специально хочет стравить нас.

Ратибор кивнул.

— Хорошо, передам ему. Посмотрим. Но сейчас ступайте — не до того мне.

— Когда нам вернуться?

— Сам вас найду. В какой дыре вы укрылись?

Лада покачала головой.

— Пока сами толком не знаем. Лучше встретимся здесь.

— Добро. Через день приходите, в это же время. Постараюсь помочь. А теперь — оставьте уже меня в покое.

— Вам не показалось, что он пытался от нас избавиться? — спросил Мормагон, когда беглецы вышли за дверь.

— Какой там — «показалось». Он этого и не скрывал. Кажись, он даже рассказ Лады в пол уха слушал. Хотя сам же и отправил нас в эту Жигань, что б её.

Лада разделяла тревогу товарищей. Ратибор виделся ей единственной путеводной нитью, способной вывести из окружавшего лабиринта интриг неизвестного врага.

Солнце спряталось за крышами и лишь последними лучами подсвечивало кобальтовое небо, когда на пороге таверны показался Ратибор. Воровато оглядевшись по сторонам, он прихватил со стены факел и, хромя, двинулся вниз по улице, не заметив притаившихся в грязном проулке наблюдателей. Выждав немного, те отправились следом. Освещённая пламенем фигура княжьего посланника была хорошо видна впереди. На миг тот остановился рядом с нищим калекой, бросил ему монету, и свернул в узкий боковой проход между домами.

— Милсдари, не подадите на пропитание? — просипел попрошайка, когда Лада проходила мимо.

— Денег нет, — буркнул Дроган.

— А у того господина, за которым вы идёте, нашлись. Может, и вы мне подкинете? Или позвать его, спросить, не найдётся ли у него для старика ещё монеток?

Мормагон молча бросил серебряную векшу и свернул вслед за Ратибором.

— Вот она — цена доброго дела. Мелкая серебряная монета, — тихо проворчал он.

— О чём ты? — спросила Лада.

— Ратибор бескорыстно дал ему денег. Нищий увидел, что мы крадёмся следом. Мало ли, может, хотим прирезать в переулке его благодетеля? Но вместо того, чтобы предупредить, этот бродяга просто продал его за ещё одну векшу. Недорого же он оценил человеческую жизнь.

— Часто она стоит и того меньше, — подал голос Дроган. — Не шумите, а то и за нас недорого возьмут.

Он толкнул деревянную калитку между домами и вышел на небольшую площадку, заросшую травой и молодыми деревьями. Впереди возвышалась городская стена. Справа, на заднем дворе какого-то дома, был небольшой навес, под которым стояли освещённые факельным светом бочки. Два человека в тёмных плащах копошились рядом. Один из них обернулся, и Лада поймала взгляд внимательных глаз, с подозрением осматривавших её. Незнакомец был небрит, кожа потемнела от грязи и частых возлияний. Охотница могла поклясться, что его рука под плащом легла на кинжал или длинный нож. Она отвернулась и двинулась в противоположную сторону. К небольшой двери в задней стене соседнего дома. Ратибора не было видно, и этот путь — единственный, какой он мог выбрать.

И правда — дверь оказалась не заперта. За ней была небольшая комната. Окна заколочены, шпукатурка осыпалась. В дальнем углу на полу лежал соломенный тюфяк. Это место напоминало склад старьёвщика — вдоль стен, без разбора, были навалены какие-то тюки и ящики, несколько лавок стояли друг на друге. Обогнув старый комод, Лада увидела ведущую наверх лестницу. Над ней, с антресолей, выглядывали проржавевшие котлы, разбитые стулья и другой хлам, ценный разве что для совсем отчаявшихся людей. В воздухе стоял запах прелой соломы и старого дерева.

Наверху скрипнуло и раздался женский крик. Дроган мигом кинулся к лестнице, Мормагон и Лада едва поспевали следом.

Верхняя комната оказалась почти пуста, если не считать простой лежанки, сваленных в углу сумок и троих людей. Ратибор стоял с обнажённым мечом. Напротив, в углу, замерла молодая девушка, которую закрывал спиной юноша, сжимавший в руке кинжал. С первого взгляда было понятно, насколько ничтожны его шансы в бою с таким опытным рубакой, как Ратибор.

— Что здесь происходит? — тихо произнесла Лада.

— А вы какого лешего здесь забыли? — отозвался Ратибор, не оборачиваясь.

Его противник переводил затравленный взгляд с княжьего посланника на новоприбывших.

— Мне кажется, это не ответ.

— Да мне до одного места, чего тебе кажется! А впрочем, — Ратибор задумался, — оставайтесь. Будете свидетелями свершившегося правосудия.

— Это ты называешь правосудием? — подал голос юноша.

Голос его был тихим, но твёрдым.

— Молчи, пёс! Не дорос ещё, что б со мной пререкаться.

— В чём ты их обвиняешь?

— Ну, коли хочешь знать, слушай. Видишь ту девку? — спросил Ратибор, указывая остриём меча. — Я любил это отродье! Мы были помолвлены, и шло уже дело к свадьбе, как накануне она сбежала! Опозорила меня перед честными людьми! Сам князь должен был у нас гулять, а теперь? Втихаря, ночью, с этим выродком!

— Никогда я не любила тебя, Ратибор! — подала голос девушка из-за спины своего защитника. — Да разве ты слушал? Всё одно твердил — о свадьбе. А я воли хотела. Настоящей любви! Но что ты, что отец. Для вас я красивая игрушка, товар!

— Молчи, сука! Ежели б ты по-человечьи ко мне пришла, разве стал бы я тебя держать?

— А неужто отпустил бы? После того, как столько денег за меня уплачено?

Ратибор горько усмехнулся.

— Как уж теперь узнаешь?

— И чего ты хочешь? — спросила Лада.

Лицо княжьего посланника ожесточилось.

— Она навлекла позор на меня и на отца своего. Поговорили мы с ним. Такое пятно можно смыть только кровью. Порешу их обоих — и дело с концом.

— Отец, — охнула девушка.

— Одумайся, Ратибор! — проговорил Дроган. — Пристало ли князьему посланнику опускаться до того, чтобы резать беззащитных женщин и юнцов?

Тот покачал головой.

— Тебе, безродному наёмнику, не понять законы чести. Всё решено.

— Друг мой, прояви милосердие. Смыть позор кровью больше пристало язычникам.

Лада поймала взгляд Ратибора. На миг в нём промелькнуло сомнение. Но лишь на миг. Затем он вновь поднял меч.

— Я не позволю тебе убить невинных!

Воин лишь невесело усмехнулся и сделал шаг к побледневшему юноше. Лада видела, как отвернулся Дроган. Как нахмурился не проронивший ни слова Мормагон, обычно такой красноречивый. Она не поняла, как эфес кинжала оказался в её руке. И в следующий миг бросилась наперерез. Промелькнуло удивлённое лицо Ратибора, когда острое лезвие вонзилось в основание шеи, не прикрытое кольчугой. Воин упал на колени, заливая грязный пол кровью. На миг Лада замерла, тупо уставившись на кинжал в своей руке. Затем её швырнуло в сторону — Дроган склонился над умирающим воином, отбросив названную сестру с дороги. Взглянул на рану, попытался зажать, но видно было — сам не верит, что раненого можно спасти.

— Отлично всё старик подстроил, — прохрипел Ратибор. — Сказал, где их искать...

Больше он не успел произнести ни слова. Его глаза закатились, грудь опустилась в последний раз. Молитва застряла в горле Лады. Посланник князя умер на руках её названного брата.

— Что ты наделала? — глухо спросил Дроган.

Лада покачала головой, глядя на труп. Это не был первый раз, когда она отняла жизнь. Но впервые охотница нарушила священный Завет, убив невинного человека.

— Ты не могла поступить иначе, — тихо произнёс Мормагон. — Тогда Ратибор убил бы этих людей.

— Молчи, — сказал Дроган. — Как молчал всё это время. А ты, сестрёнка, подписала нам смертный приговор. Теперь мы не только не знаем, кто свидетельствовал против нас, но и виновны в убийстве приближённого князя Мирослава. Он такого нам не спустит.

— Послушай, друг, — заговорил спасённый Ладой юноша. — Думаю, есть выход для всех нас. Никто вас здесь не видел. Разве что кроме местных, но те не привыкли помогать людям князя. А мы с Олеськой уедем из города, из княжества.

Он оглянулся на девушку. Та кивнула, соглашаясь.

— Никто не узнает. Спасибо вам, что спасли.

Дроган кивнул и закрыл Ратибору глаза.

— Сейчас же собирайте вещи и бегите.

— Так ворота закрыты...

Мормагон с Дроганом переглянулись. От внимания Лады не ускользнуло, что последний избегал смотреть ей в глаза.

— Я расскажу вам про один тайный проход... — начал воитель.

Тишина была давящей. Лада отёрла кровь, но всё ещё видела её на своих руках, словно наяву.

— Так что там сказал Ратибор перед смертью? — спросил Мормагон.

— Что старик всё подстроил.

— Какой старик? — нахмурился музыкант.

— Так он называл Тихомира.

— Ты же не думаешь... — начала Лада, но Дроган остановил её, подняв руку.

— Молчи. Пожалуйста, не говори со мной.

Такое отношение брата было мучительным, непривычным. Женщина вздрогнула всем телом, словно в неё попал камень.

— Надо бы навестить монаха. Думаю, именно он был свидетелем, о котором говорил нам служка.

— Не странно ли для слепого быть свидетелем? — возразил Мормагон.

— Не так странно, как пройти через полгорода, чтобы подстеречь нас в трактире. А потом сказать Ратибору, где схоронились люди, которых он поклялся убить. Кстати, а как ты узнал, где его искать?

— Спрашивал по городу. Потом ко мне подбежал мальчонка и за пару монет рассказал.

Дроган кивнул.

— У Тихомира своя сеть осведомителей. Как паук ловит мух, он ловит слухи и новости. Думаю, Тихомир прослышал, что кто-то спрашивает о Ратиборе. К тому же, он умён, и мог заранее предположить, что мы будем искать того, как только проникнем в город. И потом, помнишь, как в трактире он намеренно громко сказал, что Ярополк нас якобы опасался? Не

для того ли, чтобы трактирщик припомнил это, когда люди князя станут его опрашивать?

— Но зачем ему всё это?

Дроган поднялся и размял ноги.

— Навестим старика — узнаем.

Мало кто знал, что, помимо скромной кельи, у Тихомира был свой дом в городе. Лада знала. Хотя она не верила в козни святого отца, охотница решила идти с товарищами, чтобы доказать им свою правоту. А заодно — просить о помощи и прощении её греха.

Пробраться тёмными подворотнями оказалось несложно. Редкие патрули цеховой стражи были видны издалека. Факелы и громкие разговоры позволяли легко узнать об их приближении. Лада подозревала, что выставленные в дозор ремесленники специально давали знать о себе. Так они могли надеяться, что не наткнутся случайно на рыскающих в темноте злоумышленников.

Небольшой каменный дом на храмовом острове окружал мрак. В окнах не горел свет, скоба для фонаря над входом была пуста. Бесшумными тенями беглецы скользнули к двери. Дроган толкнул её, не надеясь особо на успех. На лице воителя отразилось удивление, когда та неслышно повернулась на хорошо смазанных петлях.

— Похоже на ловушку, — прошептал Мормагон.

Дроган кивнул. Должно быть, ему и самому пришло это в голову. На сердце Лады лежала тревога, хотя она всё ещё не верила глупым выдумкам товарищей о её отце.

За дверью был небольшой полупустой зал. Обстановку его составляли лишь деревянный домашний алтарь с бронзовой дланью Создателя, стол, да потёртое старое кресло. Посреди пола лежала простая камышовая циновка. Наверх вела лестница без украшений. Не говоря ни слова, Дроган подошёл к ней и поставил ногу на ступеньку. Та отчаянно скрипнула под весом воителя. От неожиданности Лада вздрогнула. Она решила остаться внизу, прикрыв за собой входную дверь. Вскоре охотница услышала, как её названный брат ходит наверх. Дожидаясь его возвращения, Лада подошла к циновке и откинула её. Как и следовало ожидать, под ней оказался люк. Лада протянула руку к латунному кольцу на крышке, когда лестница вновь закрипела — возвращался Дроган.

— Что там? — спросил Мормагон, но воитель в ответ лишь покачал головой. — Лада нашла вход в подпол, взгляни.

Дроган подошёл и ухватился за кольцо. Без видимого труда он откинул крышку и осветил факелом. Вниз уходили деревянные ступеньки. Лада и Мормагон переглянулись — у обоих ещё свежи были неприятные воспоминания о спуске во мрак крипты.

— Я бы здесь подождал, — пробормотал музыкант.

На лице Мормагона ясно отображалась борьба между любопытством и опасением вновь столкнуться с ужасами потусторонней реальности. Наконец, он сделал шаг назад. Страх победил. Лада не винила его — в конце концов, обычный странствующий музыкант не привык иметь дело с ожившими мертвецами и падшими священниками. Иной на его месте мог бы сойти с ума от того, с чем ему пришлось столкнуться.

Дроган уже спускался. Подождав, пока воитель окажется внизу, Лада отправилась следом.

Воздух подвала пропах сыростью. Даже сквозь подошвы сапог Лада чувствовала холод. Пытаясь избавиться от стылой влаги, липнувшей к коже, она поплотнее завернулась в плащ и огляделась. Подвал был небольшим и, на первый взгляд, не казался зловещим. Земляной пол,

влажные кирпичные стены. Две опорные балки поддерживали перекрытия. У дальней стены стоял небольшой письменный стол, над которым уже склонился Дроган.

— Подойди, — произнёс он спустя небольшой промежуток времени.

Голос его был негромким, хриплым. Лада приблизилась и встала рядом.

Хозяин дома явно собирался в спешке. Ящики были выдвинуты. Небольшую жаровню, стоявшую на столешнице, покрывал остывший пепел. Рядом с ней — стеклянные осколки. Мутная жидкость из разбитого сосуда собралась в небольшом углублении в полу. Лужица имела резкий запах, забивавшийся в нос и заставлявший горло першить. В руке Дрогана Лада заметила лист, который тот рассматривал под пламенем факела.

— Что там? — спросила охотница.

Дроган молча протянул ей пергамент. На нём витиеватым шрифтом было написано несколько строк. Лада узнала почерк, хотя не видела его уже много лет. Так писал её духовный отец, когда ещё мог видеть. Чернила на листе, однако, были чёрными и совсем свежими — не старше пары дней.

«Я закончил свои дела здесь», — прочитала охотница. — «Убийца Ярополка находится в убежище под городским кладбищем. Сам же я отправляюсь ко двору князя Витольда, в Чудь. Тихомир».

Лада свернула лист и пустым взглядом уставилась в пространство. Из оцепенения её вывел голос Дрогана.

— Соберись, сестрёнка. Нам надо подумать.

— Я ничего не понимаю, — покачала головой охотница.

— Боюсь, что я тоже. Эта записка слишком похожа на какую-то ловушку.

— Но этот почерк. Я узнаю его. Тихомир всё это время не был слеп? Дроган, что происходит?

Воитель пожал плечами.

— И зачем было подставлять нас, если теперь он даёт в наши руки возможность себя оправдать?

В полумраке подвала повисло молчание. Пламя факела тихо потрескивало и искрило. Дыхание вырывалось из лёгких, превращаясь в лёгкие облачка тумана, тут же растворявшегося в воздухе.

Наконец, Лада произнесла:

— Нужно идти. Найдём убийцу. Возможно, он что-то прояснит.

Дроган кивнул. Они по очереди поднялись вверх, где их с нетерпением ждал Мормагон.

— Что-нибудь нашли?

Лада молча протянула музыканту пергамент. Тот пробежал глазами по строкам и протяжно присвистнул, возвращая лист.

— Мы тоже мало, что поняли, — сказал Дроган, предвосхищая вопросы. — Так или иначе, но скоро всё прояснится. Идём, каждый час нынче на счету.

И воитель решительно направился к выходу, не проверяя, идут ли товарищи за ним. Они, конечно же, шли.

Густой туман, вылезший из мрачных подворотен, окутывал улицы, подобно стёганому одеялу. Он заглушал звуки и надёжно укрывал беглецов. Его холодные влажные щупальца проникали под одежду, неприятно прикасались к открытой коже.

— Тухлыми яйцами воняет, — донёлся спереди голос Дрогана.

Воитель шёл впереди, разведывая дорогу. Его спина маячила тёмным пятном в тусклом свете факела.

— Спросить хотел, — прошептал Мормагон, наклонившись к Ладе. — Почему Дроган так ненавидит чужд? Понятно, что он воевал, но кажется мне, тут ещё что-то.

— Хотел спросить — так спроси у него. Захочет — ответит.

— Но я задаю вопрос тебе.

— А я не собираюсь отвечать. Это — не мои секреты. И не твоё дело, если хочешь знать моё мнение. Могу лишь сказать, что тебе не показалось — братец действительно ненавидит всё, что связано с Чудским княжеством.

— Ты ведь не его сестра на самом деле?

Лада покачала головой.

— Не по родству. Почему ты спрашиваешь?

Охотница попыталась всмотреться в лицо Мормагона, но оно было надёжно скрыто тенями под капюшоном.

— Мы вместе в бегах. Рисуем жизнью. Хочу лучше знать, с кем меня свела судьба.

— Если на то будет воля Создателя, скоро всё закончится, и ты сможешь нас покинуть.

— Как знать, — голос музыканта казался задумчивым. — Тихомир был твоим приёмным отцом, я правильно понял?

— Он взял меня на воспитание. Когда сёстры в монастыре, где я росла, впервые столкнулись с проявлением моих сил. Видишь ли, у меня природные способности к магии. Не все были готовы это принять. Тогда Мать Настоятельница обратилась к Ордену. Отец Тихомир стал тем, благодаря кому я, возможно, осталась в живых. В то время он уже был опытным и уважаемым охотником. Прибыл в Миргород, чтобы подлечить полученные раны, да так и остался, взяв под опеку девочку-сироту с опасными склонностями.

— Так ты — сирота? Что-нибудь знаешь о своих родителях?

— Немного. Мать сбежала, — Лада замялась и бросила взгляд на Мормагона, затем быстро закончила, — со своей родины. Отец оставил меня в монастыре и ушёл. Не знаю, что с ним потом случилось. Всё это узнал и рассказал мне отец Тихомир.

— Что же с ним произошло? Почему он так с тобой поступил сейчас?

— Я не знаю, понятно? — прорычала Лада, не в силах до конца подавить вспыхнувшее раздражение. — Не хочу об этом говорить. Что бы ты чувствовал, если бы тебя предал самый близкий человек?

Охотница взглянула на видневшуюся впереди спину названного брата и поправилась:

— Один из самых близких.

— Прости, не хотел задеть. Просто пытаюсь понять, что происходит. Как-никак, это и меня касается. Самым, так сказать, непосредственным образом. А откуда были твои родители?

Лада поморщилась.

— Хватит об этом. Ты начинаешь становиться навязчивым. Оглядись — кажется, мы уже пришли.

И правда, проржавевшая кованая ограда старого кладбища внезапно вынырнула из тумана. Пройдя вдоль неё, беглецы оказались у опутанных тяжёлой железной цепью ворот. На них печальный вестник Создателя с опущенными крыльями трубил в рог, возвещая грядущее воскрешение мёртвых для Последнего Суда. Вид его был жалок. Пятна ржавчины,

подобно оспинам, изъели лицо небожителя. Один из концов цепи захлёстывал ногу, словно приковывая небесное существо к земной юдоли.

Дроган взялся за цепь, широко расставил ноги, и потянул в стороны. Даже под кольчугой было заметно, как напряглись его мышцы. Зубы сжались, лицо покраснело, и вот, после нескольких минут упорной молчаливой борьбы, звенья лопнули, и массивный замок упал на землю. Воитель пошатнулся, отступив на шаг назад.

— Вот это силища! — восхищённо протянул Мормагон и хлопнул приятеля по плечу.

Тот что-то неразборчиво пробурчал в ответ. С жутким протяжным скрипом воитель отворил ворота. Где-то вдалеке, захлёбываясь, залаяла собака. Залаяла, и так же внезапно замолкла, словно испугавшись собственного голоса.

— Вот и верно, — кивнул Дроган, — нечего брехать попусту.

Подхватив прислонённый к ограде топор, воитель шагнул вперёд.

— С тех пор, как я встретил вас, я слишком часто стал спускаться под землю, сетовал Мормагон, бредя между могильных плит.

— В прошлый раз, в доме Тихомира, ежели память не подводит, ты предпочёл остаться наверху, — донёсся из тумана голос Дрогана.

Лада молча искала вход в подземное убежище, о котором говорилось в записке. Ключья тумана цеплялись за чёрные корни деревьев, вылезшие из земли, стелились по траве. Если где-то поблизости и был вход в подземелье, он был скрыт молочно-белыми щупальцами. Лада выгнулась назад, разминая поясницу, и огляделась. Всё вокруг было окрашено в два цвета. Могильно-чёрный и мертвенно-бледный. В вышине над головой висело размытое пятно месяца.

Вдруг из темноты донеслись звуки шаркающих шагов. Лада замерла, обратившись в слух. Она бросила взгляд на Мормагона, стоявшего неподалёку. Лицо музыканта было напряжено, глаза округлились. Очевидно, он тоже расслышал приближающееся нечто, и ещё слишком свежи были воспоминания об оживших мертвецах. Их тумана вынырнул Дроган с топором наготове.

— Что-то приближается! — громко зашипел он.

Обернувшись к источнику звуков, Лада заметила висевший в воздухе призрачный огонёк. Он слегка покачивался, каждый раз становясь чуть ближе. Шаг. Шуршание подтаскиваемой ноги. Ещё шаг. Огонёк всё ближе. Лада потянула кинжал из холодного железа, освобождая клинок от ножен. Мормагон достал топорик. В ответ из мглы донеслось низкое рычание. Туман словно расступился, исторгая из себя чёрное тело огромного пса. Его шкура блестела от влаги. Мощные челюсти наверняка способны были перекусить руку некрупного человека. Встав на задние лапы, это животное смогло бы сравниться с Дроганом. Пёс приоткрыл пасть. Слюна капнула на землю, когда меж огромных клыков вывалился алый язык. Склонив голову набок, пёс неуверенно завил хвостом.

Вслед за собакой из тумана появился и призрачный огонёк, оказавшийся фонарём в руке невысокого, сгорбленного старика. Подхрамывая, он встал рядом с псом и положил руку тому на голову.

— Кого это ты тут нашёл, Дружок? — проскрипел незнакомец, приподнимая край плотного вылинявшего капюшона.

Грубые, покрытые мозолями и потемневшие от земли руки выдавали человека, привыкшего к тяжёлому физическому труду.

— Ты — могильщик? — нахмурившись, спросила Лада.

Старик усмехнулся, отвесил низкий поклон, и произнёс:

— Предпочитаю зваться хранителем царства мёртвых, юная барышня. Мне кажется это более, — он сделал паузу, словно подбирая слово, — поэтичным?

— Как скажешь, — пожал плечами Дроган. — А мы — просто странники. Не стоит обращать на нас внимания.

— Конечно, — кивнул могильщик. — Просто ночные путники. Ясное дело. Иногда я и сам думаю, отчего бы не прогуляться ночью по кладбищу? И вот — глядите-ка! — я здесь. Дышу воздухом, наслаждаюсь видом.

— Именно, — кивнул Мормагон. — Воздух нынче свеж.

— И приятен! — поддержал могильщик. — Обожаю, когда липкие клочья тумана щекочут кожу. Незабываемые ощущения.

Повисла тишина. Никто не сдвинулся с места.

— Показать вам окрестности? — наконец, спросил могильщик. — Вы, видно, слегка заблудились и уже искали дерево для лестницы, чтобы забраться повыше и оглядеться. Не то, чтобы вам это помогло, в такой-то мгле.

Старик кивнул на топорик, который продолжал сжимать Мормагон. Тот, смутившись, убрал его за спину.

— Да нет, благодарю, — сказал Дроган. — Разве что ты подскажешь, нет ли здесь неких, так сказать, подземных помещений?

Старик огляделся.

— Таковых-то здесь, конечно, полно. Можно сказать, за тем это место и существует.

— Нас интересуют те, что больше размером, — вмешалась Лада. — Для тех обитателей, которые могут стоять на ногах.

Могильщик задумчиво пожевал что-то, взглянул на заметно склонившийся к горизонту месяц, затем кивнул.

— Есть у нас и такое. Да только я бы, на вашем месте, туда не торопился.

— Почему же?

— А вы слышали когда-нибудь о чём-то светлом, прекрасном или хотя бы полезном, что селится под землёй? Тем более — под погостом. Нет? Ну, так, наверное, неспроста.

— За нас, старик, не бойся. Веди. А по дороге расскажи, откуда тут вообще появилось подземелье. И велико ли оно.

Махнув рукой, могильщик развернулся и двинулся во мглу.

— Точно никто не знает. Было это давно. В те времена, когда здесь жили одни язычники. Тогда ещё хоронили они здесь своих мёртвых. Да только делали это не так, как

принято нынче. Стояла тут огромная изба о пяти столбах. Внутрь закладывали покойников, да и оставляли. Ведуньи, что служили при старой вере, курили под ней смолу да можжевельник. Оттого дым поднимался по ногам, и помогал душам вознестись в горний мир, в Правь. Ведуньи те были не обычными женщинами, а хранительницами врат между миром живых и миром мёртвых. Особым знанием обладали. Местный люд же отличался добрым нравом, и хоть были язычниками, зла не творили. Потому всех их принимал Создатель в свои вышние чертоги.

Но однажды всё изменилось. Пришёл в эти края проповедник, что сказывал о вере в единого Бога. И так он гладко говорил, что один местный парень проникся учением и стал склонять соплеменников к новой правде. Те не спешили — зачем что-то менять, если всё и так идёт ладно? Разозлился тогда юноша.

«Разве не видите», — кричал он, — «что на вечные страдания обрекаете себя? Что будете вы прокляты навеки перед Создателем за упрямство и неверие?»

Но над ним лишь смеялись. Тогда решил юноша, что покажет Создателю свою преданность тем, что избавит земли от неверных. Был он лучшим воином в округе, и, когда взял в руки щит и копьё, немногие могли совладать с ним. Никого не щадил душегуб — ни дев юных, ни детей малых, не убелённых сединами стариков. Ни братьев своих, ни сестёр. Бился он три дня и три ночи, и когда всё же пал от ран, вся земля была алой от крови. Хотели соплеменники его тело оставить волкам да воронью, да только решили, что не почеловечьи это. Потому положили в курью избу, вместе с его жертвами. Вознеслись они пред очи Создателя, но не принял тот убийцу. Милостив Бог наш, а всё же и его любви не все достойны. Низверг он губителя братьев своих и сестёр с такой силой, что душа его проломила земную твердь, вернувшись обратно в тело, да разнесла в щепы курью избу. И повелел Создатель, чтобы вечно этот преступник оставался во скорби, не видя белого света. Так он и жил там, под землёй, вырыв себе темницу. А на месте, где стояла курья изба, поставили потом каменный склеп. И ведуньи охраняли то место, чтобы проклятый не выбрался из подземелья.

— Жуткая история, — сказал Мормагон. — Запомнить надо, отлично подойдёт для вечерних рассказов в трактирах под кружечку медовухи. А где же сейчас этот душегуб? Так и живёт под землёй?

В ответ старик усмехнулся.

— Это всего лишь давняя сказка. Но говорят, что когда ушли ведуньи, тогда и проклятый выбрался из-под земли. Ушёл он странствовать, навеки оставаясь в ночи.

Слушая рассказ, Лада совсем перестала понимать, куда идёт. Вокруг всё так же стелился туман, одно надгробие было похоже на другое, а месяц окончательно спрятался за тучи. Теперь лишь бледный свет фонаря в руке могильщика разгонял окружающую темень.

— Пришли, — сказал вдруг старик и остановился.

Голос его звучал глухо. Лада краем глаза заметила, как Мормагон невольно потянулся за топором, заткнутым позади за пояс. Да и самой ей вдруг стало неудобно, словно холодом повеяло.

— Что-то я не вижу здесь входа, — мрачно проговорил Дроган.

Вместо ответа могильщик повернулся. Чёрный пёс опустился у ног хозяина и замер. Он был похож сейчас на обсидиановую статую, вырезанную искусной рукой мастера. Луна отражалась в его бездонных глазах. Лицо старика было скрыто тенями под капюшоном. Молча, он поднял руку и показал в сторону. Там, под могучим узловатым дубом, приютился

небольшой каменный склеп. Дверь его была слегка приоткрыта, словно приглашая войти.

Дроган взглянул в сторону здания, затем снова на старика. Медленно двинулся к двери. За ним, не спуская глаз с провожатого, пошла и Лада. На миг она отвернулась, посмотрев себе под ноги, чтобы не споткнуться о ступень. Но когда вновь бросила взгляд на могильщика, ни его, ни пса уже не было.

Склеп был старым, почти пустым. Лада огляделась, отметив запечатанные каменными плитами ниши в стенах. На их поверхности не было ни дат, ни имён. Посреди пола темнело отверстие колодца. Заглянув в него, Лада увидела уходящую во мрак винтовую лестницу из песчаника.

За спиной послышался скрежет металла о камень — Дроган запалил факел.

— Спускаемся, — коротко бросил он. — Мормагон, ты с нами?

Музыкант хмуро кивнул, даже не пытаясь скрыть, насколько не хочется ему идти. И всё же он сжал в руке второй факел и шагнул к ступеням.

— В этот раз я вас не оставлю. И потом — вдруг с вами что случится? Куда ж я без вас пойду? Сам сказал — люди князя везде выследят.

Дроган усмехнулся, похлопал товарища по плечу, и двинулся первым.

Лестницей явно пользовались нечасто. Лада видела ступени в старых монастырях. Тысячи ног за прошедшие столетия продавили их, сгладили. Тут же камень выглядел так, словно его лишь недавно укладывали строители.

— Думаете, здесь вправду жило то чудовище, о котором рассказывал старик? — тихо спросил Мормагон.

Эхо подхватило его шёпот и, отразив от стен, превратило в зловеющий шелест, доносившийся со всех сторон.

— Вряд ли, — отозвалась Лада. — Я читала, что первые последователи веры в Создателя, приходя в земли язычников, часто устраивали такие подземные убежища. Чтобы было, где скрыться. Множество сподвижников приняло мученическую смерть от рук дикарей.

Спуск быстро закончился. На дне колодца начинался узкий туннель. Дроган передал Ладе факел и недовольно засопел, вынужденный встать на четвереньки — настолько низким был свод. Даже охотнице пришлось согнуться. На всякий случай она вытащила и зарядила самострел — сложно было предугадать, что ожидает в конце пути.

Ползти по проходу пришлось недолго. Вскоре он закончился небольшой комнатой. Оказавшись внутри, Лада огляделась, поведя факелом по сторонам. У дальней стены находился небольшой каменный жертвенник. Вероятно, в давние времена его собрали из того, что было под рукой — камней и могильной плиты. Сейчас на нём лежали свежие кости, едва очищенные от гнилой плоти. По сторонам — россыпь черепков, оставшихся от старых сосудов. В стенах — простые ниши, некогда служившие сподвижникам в качестве спальных мест. Единственным предметом, смотревшимся здесь чужеродно, был стоявший в углу чёрный зеркальный доспех с полными кольчужными поножами, пластинчатыми наручами и рукавицами. Венчал его конический шлем с наносником и кольчужной бармицей, полностью закрывавшей лицо. В отличие от остального убранства комнаты, довольно ветхого, доспех выглядел не таким старым.

Нахмурившись, Лада сделала шаг вперёд, и тут из глубин доспеха донёсся голос.

— Очевидно, у них есть какая-то причина, чтобы тревожить меня. Вряд ли здесь можно ожидать случайных людей.

Голос был глухим, скрежещущим, но Лада могла бы поклясться, что принадлежит он не духу, а земному существу.

— Ты ещё кто? — проворчал Дроган, перехватывая рукоять топора.

Находившийся внутри доспеха не спешил отвечать. Он прошёл и сел прямо на жертвенник, рядом с останками.

— Кажется, я знаю, кто они такие. И зачем пришли. Неприятно. Как они узнали, где меня искать?

— Похоже, он не в себе, — шепнул Мормагон. — Кто бы это ни был.

— Если подумать, ответ очевиден. Монах им обо мне сказал. Больше никто не знает, что я прячусь здесь. Эти люди сумели его поймать? Вряд ли, тот слишком хитёр. Слишком. Он намеренно выдал меня. Зачем?

— И мне хотелось бы знать, — сказал Дроган.

— Хотел нас столкнуть. Может, это подарок для меня? Они выглядят такими молодыми. Такими сочными. Особенно тот, что поздоровее.

Существо даже причмокнуло от удовольствия. Лада с Мормагоном обменялись взглядами, в которых смешалось отвращение и непонимание.

— Не вижу других вариантов, да, — проскрежетал убийца, даже привстав с жертвенника, нетерпеливо постукивая рукой по плите. Затем, подавив минутный порыв, опустил обратно. — Хотя они не выглядят, как лёгкая добыча. Что-то тут не так. Может, старик хотел от меня избавиться?

— А вот это, кстати, возможно, — сказал Мормагон.

— Ладно, хватит этого балагана! — рявкнул Дроган, решительно шагая вперёд. — Кем бы ты ни был, пойдёшь с нами к епископу и ответишь за убийство Ярополка!

— Человек мне угрожает? Да, очевидно. Он ставит в сложную ситуацию. Я ведь не могу отправиться с ним. Но он выглядит опасным. Хотя остальные два довольно хилые. Но вкусные на вид. Смогу ли я справиться со всеми тремя?

Не став дожидаться, чем закончится монолог безумца, Дроган взмахнул топором и ударил обухом прямо ему в висок. Раздался глухой звон. Голова существа мотнулась чуть вбок, а Дроган отступил, ошарашенный. Противник должен был свалиться, оглушённый, но тот, как ни в чём не бывало, сидел на месте. Лишь тяжело вздохнул.

— Он не оставил мне выбора.

С этими словами доспех пришёл в движение. Он бросился вперёд так стремительно, что даже тренированный боец, каким был Дроган, не успел отреагировать. Мощный удар в грудь сбил его с ног и отбросил на товарищей. А безумный убийца уже навис над ним, занося покрытую сталью руку для тяжёлого удара. Мормагон взмахнул топориком, опуская его сверху, наискось. Но противник легко отклонился в сторону, двигаясь удивительно быстро для человека, закованного в тяжёлую броню. Лада судорожно взводила рычаг самострела. Подняв глаза, она увидела, что враг уже рядом. Удар, и оружие оказалось отброшено в сторону. В этот миг Мормагону всё же удалось достать врага — его топорик опустился прямо на спину убийцы. Узкое лезвие пробило зеркало, разрубило находившиеся под ним кольца кольчуги и с коротким чавканьем вошло в плоть.

Казалось, враг даже не заметил этого. Он ударил Ладу наотмашь в лицо. Высокий кожаный воротник слегка смягчил попадание тяжёлого стального наруча, но всё же ноги Лады подкосились, сознание поплыло, и охотница рухнула у стены. Ей оставалось лишь беспомощно наблюдать, как Мормагон безуспешно пытается выдернуть застрявшее оружие.

Убийца резко развернулся, вырывая рукоять из руки музыканта. Тот лишь смотрел на него, расширенными от ужаса глазами.

Дроган уже был на ногах. Губы решительно сомкнулись в узкую линию. Брат всегда сохранял хладнокровие в ситуациях, когда другие лишь замирали от страха. Так было и в этот раз. Не теряя времени, он ткнул топором. Верхняя часть массивного лезвия легко вошла в бок убийцы, пробив кольчугу. Но, как и в прошлый раз, загадочное существо словно не почувствовало удар, который для других стал бы смертельным. Дроган отпустил рукоять и схватил шлем врага, пытаясь сломать ему шею. Но тот сдавил его запястья мёртвой хваткой. Противники замерли, стараясь перебороть друг друга. Сквозь пелену перед глазами, Лада видела, как хватка её названного брата медленно разжимается. Ещё немного, и убийца освободится и сможет перейти в атаку.

Этому не суждено было случиться. Рванувшись к жертвеннику, Мормагон схватил бедренную кость, оторвав её от скелета, несколько раз ударил о плиту, раскалывая пополам, затем кинулся к врагу. Тот успел обернуться, отпустив Дрогана, но теперь уже воитель перехватил его руки.

Удар музыканта был точен. Осколок кости вошёл прямо над бармицей и вонзился в голову. Убийца рухнул на колени, рванулся в хватке Дрогана, затем осел на землю. Воитель разжал руки, и доспех с лязгом упал на земляной пол. Кто бы ни был внутри стальной брони, теперь он был мёртв.

Дроган сразу же бросился к Ладе. Подложив руку под затылок, он приподнял её голову, осматривая лицо.

— Я в порядке, — попробовала произнести охотница заплетающимся языком.

Но изо рта вырвалось лишь невнятное бормотание.

— Вот, дай ей понюхать.

Мормагон тоже был рядом, доставая из сумки небольшую склянку.

— Нюхательная соль?

Музыкант кивнул.

Лада попыталась помотать головой, не желая иметь дела с таким лечением, но сознание лишь поплыло ещё больше. Дроган вынул пробку, и мозг Лады словно пронзило раскалённым прутом. Туман отступил. Тяжело вздохнув несколько раз, охотница обмякла, уставившись взглядом в потолок. Прошла пара минут.

— Всё, помогите мне подняться.

Ещё чувствуя слабость, Лада подошла к телу поверженного врага, опираясь на руку Дрогана. Труп лежал на спине. Из шлема торчал обломок кости. Наклонившись, Мормагон выдернул его и отбросил в сторону.

— Ну что, посмотрим, кто это был?

Дроган кивнул.

— Только будь осторожнее. Мало ли, что там, — предостерегла Лада.

Мормагон кивнул. Повозившись немного, он стянул шлем, открывая голову существа.

Серая кожа туго обтягивала кости. Под щеками, будто разрезанными вдоль челюстей, выглядывали ряды заострённых зубов. Уцелевший глаз был белёсым, словно у мертвеца. Из зияющей дыры в пробитой глазнице не вытекло ни капли крови. Волосы давно выпали, обнажив уродливый вытянутый череп. Если это и был когда-то человек, то он давно уже превратился в чудовище.

— Что это за тварь? — потрясённо спросил Мормагон, отступая на пару шагов.

Дроган сплюнул. Как и Лада, он знал ответ.
— Вурдалак. Пожиратель мертвечины.

— Вурдалак, здесь? Сколько их уже не видели в Миргороде, лет сто?

Дроган пожал плечами.

— В любом случае, этого будет достаточно. Письмо Тихомира и голова твари помогут нам отмыться от обвинений в убийстве Ярополка, — сказал воитель и бросил мрачный взгляд на Ладу. — А вот с Ратибором будет посложнее.

Охотница не отвела глаз, исподлобья глядя на брата.

— Ну, так что, тогда пора отправляться к епископу? — неуверенно произнёс Мормагон.

Дроган повернулся к нему, и музыкант примирительно поднял руки.

— Эй, я не хочу быть тем, кто влез между двумя дерущимися, и в итоге его били оба. Но вы же давние друзья. Практически семья. Чтобы выпутаться из этой истории, нам нужно действовать вместе! Вы не хотите поговорить, обсудить возникшие противоречия?

Дроган взмахнул топором и отсёк голову вурдалака. Положив её в полотняный мешок, он развернулся и направился к выходу.

— Нет.

И, не дожидаясь спутников, нырнул в проход.

Лада вздохнула.

— Послушай, я ценю то, что ты пытаешься сделать, но ничего не получится. Дроган чувствует свою ответственность за нас. Пока ситуация не разрешится, так или иначе, он будет таким ершистым. Дело даже не в том, что он злится на меня. Его выводит из себя то, что нам угрожает опасность, а он ничего не может сделать.

— Не все проблемы решаются ударом топора. Но мы должны быть заодно, — упрямо повторил Мормагон.

— Мы заодно. Не беспокойся по этому поводу. Нам пора идти.

Снаружи уже рассвело. Ночь унесла с собой туман и холод. Над головами беглецов раскинулось чистое, голубое небо. Бриллианты росинки сверкали в траве. В воздухе висел слабый запах сырой земли. Издалека доносились трели птиц.

Мормагон вдохнул полной грудью.

— Сегодня будет добрый день, — сказал он. — Уверен, он принесёт нам удачу.

— Почему твоего приятеля прозвали Скорняком? — спросил Дроган.

Мормагон пожал плечами.

— Потому, что он — скорняк.

— Каким образом кожевенник может помочь нам встретиться с епископом?

В ответ музыкант шутливо погрозил пальцем.

— Нет мудрости в том, чтобы судить о человеке по его роду занятий, милсдарь охотник на ведьм!

С этими словами Мормагон двинулся вглубь проулка.

— Что за глупость? — бормотал Дроган себе под нос. — Именно, что я — охотник на ведьм. Поэтому можно ожидать, что я — неплохой сыскарь и боец. И если я увижу перед собой сборщика налогов, то вряд ли буду подозревать его в доброте и милосердии.

— Но разве ангелы господни не ходят иногда по земле под видом бродяг?

Дроган на миг задумался.

— Ежели вдруг окажется, что Брог Скорняк — посланник Создателя, я, пожалуй, съем свои башмаки.

Мормагон усмехнулся и постучал в неприметную дверь из крупных досок, усиленную стальными полосами. Прошла минута, пока кто-то, наконец, не открыл небольшое окошко в середине. Лада не видела этого человека, но тот, должно быть, узнал музыканта. Створка со стуком затворилась, щёлкнул замок, послышался звук отодвигающегося засова, и дверь слегка приоткрылась. Не теряя времени, Мормагон шагнул вперёд.

Лада чуть замешкалась, переступая порог. Не решил ли Мормагон сыграть какую-то глупую шутку? Дроган был прав — не похоже, чтобы обитатель этого места мог помочь встретиться с самим епископом.

В нос ударил запах танина, дублёной кожи и целого букета трав. В небольшой комнате была обустроена мастерская. Свободного пространства внутри почти не оставалось. У стен в строгом порядке стояли колодки для обуви, столы для раскройки и формовочные опоры. Приготовленные для работы кожи висели на свисающих с потолка крепежах. Несмотря на огромное количество вещей и, очевидно, кипевшую работу, всё здесь находилось на отведённых местах, не допуская ни малейшего хаоса в отлаженный механизм.

Посреди мастерской, за широким выщербленным столом, сидел невысокий человек. Он поднял голову, глядя на посетителей огромными глазами, увеличенными толстыми линзами очков. Отложив нож, незнакомец растянул губы в широкой холодной улыбке.

— Посмотри, Утятя, кто к нам пожаловал, — произнёс он, обращаясь к кому-то, стоящему за дверью.

В ответ из теней вынырнул худой парень лет шестнадцати, похожий на огромную бесхвостую крысу, и закрыл дверь. Ладе даже показалось, что тот принялся, повернув в их сторону тонкий длинный нос.

— Мастер Мормагон, хозяин. Давненько его не было.

— Верно, давно. С чем пожаловал, бродяга? Дело пытаешь, аль как обычно? Носишься по полям неприкаянной былинкой?

— Здоровья тебе, мастер Брог! Вот, оказался в городе. Дай, думаю, загляну. Повидаю старого приятеля, новости узнаю.

Скорняк махнул рукой.

— Полно! Хорош расшаркиваться. То, что тебя ищет дружина князя, уже давно не тайна. Надо полагать, за тобой — те самые охотники, которым ты помогал прирезать бедолагу Ярополка?

Лада вздрогнула. Её рука, почти помимо воли, поползла к рукояти кинжала. Встретившись взглядом с подмастерьем Брога, охотница увидела, как тот усмехнулся и покачал головой.

— Ну, полно — так полно, — проговорил Мормагон. Давай тогда к делу. Ты прекрасно знаешь, что я знаю, что ты знаешь, что мы не убивали Ярополка.

Брог кивнул. Его улыбка стала чуть менее натянутой, когда он повернулся к своему помощнику.

— Люблю его вот за такие фразочки, я же тебе говорил? Вот как задвинет — аж не так хочется его прирезать, — сказал Брог, любовно погладив лежавший под рукой кожевенный нож.

— Можешь не сомневаться, это взаимно, старый приятель.

— Стало быть, к делу. Ладно. Чего же ты хочешь?

— Чтобы ты устроил мне встречу с епископом.

Лада ждала, что хозяин мастерской рассмеётся музыканту в лицо, однако тот лишь молча смотрел. Под немигающим взглядом искажённых линзами глаз, неуютно поёжился даже стоявший рядом Дроган. Наконец, Брог проговорил, растягивая слова:

— Допустим, я устрою тебе встречу. Что я буду с этого иметь?

— Мою вечную благодарность!

Брог усмехнулся.

— Между вечностью и концом этого дня следует выбирать второе, если хочешь чего-то более постоянного.

— Ладно, мы оба прекрасно знаем, что у меня есть то, что тебе нужно.

Подмастерье Брога, усевшись на стол для раскройки, откровенно рассматривал Ладу. При последних словах Мормагона он облизнулся и чуть подался вперёд. Охотницу передёрнуло от отвращения. Она чуть подняла голову, выставляя уродливый шрам на щеке, но Утятя только усмехнулся.

— И что же мне, по-твоему, нужно?

— Мои друзья. Охотники.

Дроган глухо зарычал, сжимая рукоять топора. Скорняк поднял руку, призывая к спокойствию.

— Вижу, ты хорошо подготовился. Не волнуйтесь, дорогие гости, ваш приятель не пытается вас продать. Он, конечно, прохвост. Но честный прохвост! А это так редко встречается в нашем деле, — добавил Брог каким-то необыкновенно грустным голосом.

— Тогда что тебе от нас нужно? — без обиняков спросил Дроган.

— В квартале пропадают дети. Беспризорники. Обычно по ночам. Сколько ни пытались мои люди поймать ублюдка, который за это в ответе, ничего не вышло. И вот я стал подозревать, что дело нечисто. В прямом смысле слова.

— Есть какие-то знаки, странности? — спросила Лада, отведя взгляд от Утяти.

— Вроде скисшего молока или кровоточащих икон? Нет, ничего такого. Просто почти каждую ночь пропадает ребёнок. Скоро их и вовсе не останется, и как я тогда буду выглядеть?

— А ты как связан с этими детьми? — спросил Дроган.

Брог грустно улыбнулся, подумал миг, и ответил:

— Скажем просто, что я — местный благодетель. Присматриваю за невинными заблудшими душами.

— Они — источник твоего дохода, — догадалась Лада. — Попрошайки, воришки, информаторы.

Брог внимательно посмотрел ей в глаза, ничего не ответив.

— Хорошо, мы согласны провести расследование, — сказал Мормагон за всех. — Когда мы узнаем, кто стоит за похищениями, ты устроишь нам встречу с епископом.

— Если, — Брог сделал ударение на этом слове, — вы принесёте мне голову того, кто крадёт детей, я помогу вам встретиться с епископом.

— Ты должен понимать, что убийство может быть невозможным. Например, враг может иметь метафизическую природу. В этом случае мне придётся прибегнуть к изгнанию.

Брог взглянул на Ладу, побарабанил пальцами по столу, раздумывая над её словами, затем кивнул.

— Призраки или демоны, ты их имеешь в виду? Договорились. В этом случае, мне будет

достаточно твоего слова. Мне ведь не нужно напоминать, что пытаться меня обмануть — не самая здравая идея?

Мормагон кивнул.

— Не нужно.

— В таком случае, не буду вас задерживать, — сказал Бруг, поднимая нож и наклоняясь к лежащим перед ним лекалам.

Городом снова владели ночь и туман. Добрые жители укрылись в своих домах до следующего утра, лишь слышалась вдалеке переключка стражи.

— Как вы думаете, что это может быть? — спросил Мормагон, потирая руки, чтобы согреть их.

Ночь опять выдалась холодной.

— Да что угодно, — проворчал в ответ Дроган. — Скорее всего — работорговцы. Мы хоть и охотимся на ведьм, но от простых людей зла всегда было больше.

Охотники осторожно двигались в тених, чтобы не спугнуть похитителей. Но пока их поиски оставались тщетными. Несколько кораблей, стоявших у причалов, были темны и безжизненны. Горели лишь сигнальные фонари на носу и корме, да иногда на палубе появлялись дежурные матросы, спешившие быстро убраться со стылого воздуха во чрево судна.

Лада смотрела на пролежавшую по воде лунную дорожку.

— Говорят, что по ней можно добраться до иных миров, стоит лишь придумать, как пройти по свету, — пробормотала охотница, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Ну да, как же, — усмехнулся Мормагон, проследив за её взглядом. — А потом таких ходоков рыбаки вылавливают сетями.

— Или водяные черти утаскивают на дно и обгладывают, — поддержал его Дроган.

Лада отвернулась. В тених неподалёку ей почудилось какое-то движение. Толкнув Дрогана локтём, она взглядом указала в ту сторону, между тем продолжив говорить:

— Каждая легенда была когда-то историей. Пойдёмте, пора возвращаться домой. Я замёрзла.

Дроган кивнул и двинулся вдоль домов.

— Конечно, быличек таких полно. Вот только я что-то не встречал тех, кто бы сам с таким столкнулся и потом смог это доказать. Обычно как бывает? Друг племянника чьего-то двоюродного братца пропал, и вот уже ходят слухи, что тот не просто исчез, а нашёл конец радуги, или прошёл по лунной дорожке. Не хотят люди верить, что кто-то просто пырнул их родича ножом в подворотне, привязал мешок с камнями, да сбросил в реку.

— Ну, мы живём в удивительном мире и сами много раз встречались с необычными явлениями. Почему бы части таких рассказов не быть правдой?

— Как минимум потому, что...

Дроган прервался на половине фразы, нырнув в тень, где Лада ранее заметила движение. Вскоре он появился с мальчишкой лет пяти, отчаянно дёргавшимся в его хватке, и договорил:

— Обычно всё гораздо проще. А теперь отвечай, малец, что ты здесь делаешь!

Дроган разжал руку, и мальчишка упал на камни набережной. Вскочил, попытался, было, дать дёру, но Мормагон ловко сбил его с ног и подступил вплотную.

— Кажется, он чем-то серьёзно напуган.

— Конечно. Вы же его и напугали! — сердито выговорила Лада, опускаясь на корточки рядом с ребёнком. — Не бойся, малыш. Расскажи нам, что ты здесь делаешь.

— Я простой бродяжка, выбрался на поиски еды, — начал мальчик, но тут же схлопотал оплеуху от Дрогана.

— Не лги, приятель. А то будет больно. Ваша братия наверняка в курсе, что по ночам здесь пропадают дети, так что просто так никто бы не высунул свой нос из надёжного укрытия. Значит, их кто-то выманивает, а? Думаю, это ты и есть. На кого работаешь?

Мальчик подался назад, упав спиной на влажные камни мостовой. В его глазах плескался ужас.

— Это так, мальчик? — строго спросила Лада. — Тебя, наверное, кто-то заставляет. Расскажи, и мы тебе поможем.

Тот лишь замотал головой.

— Ты можешь рассказать нам всё. Тебя никто не обидит. Мы — твои друзья и хотим помочь.

Тихий голос Лады убаюкивал, вселяя чувство покоя и защищённости. Она видела, как расслабляются напряжённые мышцы, как разглаживается лицо. В расширенных глазах мальчика охотница не замечала больше страха. Лишь своё отражение. Словно во сне, маленький бродяжка кивнул и протянул руки. Лада помогла ему подняться. Ладони были тёплыми и влажными. Она спросила почти ласково:

— Куда нам идти?

Мальчик указал пальцем и пошёл вперёд, слегка спотыкаясь. От Лады не укрылись взгляды, которыми обменялись её спутники. Потом придётся объясняться, но сейчас зачарованный провожатый вёл их туда, где притаилось зло. Лада не колебалась. Ей нужно было спасти десятки других беспризорников, которые могли пропасть без вести, завлечённые их же товарищем.

Увлечённая своими мыслями, Лада не сразу услышала странную грустную песню без слов. Кто-то пел в дальней стороне причалов. Там, где в воду обрывалась скала, на которой стоял город. Мальчик замер, неуверенно сделал пару шагов. Затем резко обернулся и крикнул:

— Мама, беги! Они пришли за тобой!

— Мама? — послышался удивлённый голос Мормагона.

Она сидела на самом краю пирса. Когда мальчик крикнул, женщина в белых одеждах обернулась. Чёрные волосы, бледная кожа, и сияющие в темноте глаза. В руках её замер гребень. Затем, развернувшись, незнакомка бросилась в воду.

Послышался крик Дрогана:

— Не дай ему уйти!

Лада обернулась. Беспризорник быстро удирал по направлению к затенённому проулку. Он был уже слишком далеко. Отточенными движениями, Лада зарядила самострел, скинула и спустила тетиву. Коротко свистнув, тяжёлый болт промчался в воздухе. Ногу мальчика бросило вперёд, он пронзительно вскрикнул и упал на спину. Дроган тут же оказался рядом. Ребёнок рыдал, пока воин аккуратно извлёк из ноги арбалетную стрелу и наложил повязку. Лада видела, что брат старается не смотреть в её сторону.

— Чёрт побери, кто это был? — выдохнул Мормагон, глядя на воду.

— Русалка.

— Здесь, в городе? Я думал, они больше предпочитают селиться в лесных озёрах или

реках. Недалеко от деревень. Но чтобы в городе? Первый раз слышу.

— Я тоже, — произнёс Дроган, поднимаясь.

Мальчишка безвольным кулем лежал на его плече. Видимо, потеряв сознание от шока.

— Что же теперь делать? — спросил музыкант.

— Понятия не имею. Я же не ведун какой, чтобы на русалок охотиться. На кой чёрт ей вообще сдались эти дети?

Лада задумалась, припоминая известные ей легенды.

— Говорят, русалками обычно становятся утопленницы. Возможно, она потеряла своё дитя и утопилась с горя. А потом пригрела этого мальчика, который напоминал ей собственного ребёнка. В благодарность он заманивал других детей, которых она топила. Скорее всего, пожирала.

Дроган покачал головой.

— Каких только тварей ни найдёшь в нашем мире. Ладно, что делать-то будем?

— Выманим. Может, она и правда ценит этого мальчика, как своего сына.

Дроган аккуратно передал ребёнка на руки Мормагону, стараясь не потревожить его рану.

— Это — дело для тебя, — сказал воин. — Будь убедителен.

С этими словами он отступил в сторону, в густую тень от скалы. Лада встала чуть позади музыканта. Она видела, что кровь уже пропитала повязку на ноге мальчика. Скорее всего, остриё раздробило кость, и бродяга останется хромым. Ладе было жаль его, но тот сам решил помогать нежити. Возможно, так он пытался найти материнское тепло хотя бы в её холодных бездушных объятиях. Знал ли малыш хоть когда-то настоящую материнскую ласку? Лада тихо вздохнула. По природе своей мы совершаем ошибки, и нам приходится сталкиваться с их последствиями. Высшая справедливость Создателя настигнет всех. Не в этом мире, так в горнем.

— Слышишь меня, русалка? — крикнул Мормагон. — Твой ребёнок у нас. Он ранен, страдает. Ты нужна ему. Придёшь за ним, или отдать мальчика тому, кто присматривал за детьми, которых ты погубила? Думаю, он церемониться не будет.

Лада огляделась, опасаясь, что они привлекли ненужное внимание. Но окна ближайших домов были темны и закрыты ставнями. Если кто-то и наблюдал со стороны, то старался остаться незамеченным. Было тихо. Охотница уже думала, что слова Мормагона канули в пустоту, когда послышался тихий всплеск, и на краю причала показалась тонкая бледная рука.

— Я сожру твоё сердце, — прошипела русалка, выползая из воды.

— Не раньше, чем я перережу его горло, — холодно ответил Мормагон, демонстрируя невесте откуда взявшийся в его руке нож.

Нежить замерла, будто натолкнулась на стену. Она протянула руки и тихо, с мольбой простонала:

— Нет, только не снова! Пожалуйста! Верни моего ребёнка! Только не убивай его, молю!

— Можешь забрать, но только если обещаешь больше не топить других детей.

Музыкант аккуратно опустил мальчика на землю и отступил на несколько шагов.

— Да! — обрадовано воскликнула русалка и улыбнулась. — Конечно, я обещаю! Всё, что пожелаешь, добрый человек!

Она медленно двинулась вперёд, шаг за шагом приближаясь к лежащему без сознания

ребёнку. Но стоило ей оказаться рядом, как лицо нежити исказила гримаса злобы.

— Как ты посмел угрожать моему сыну, — начала она.

Но ей было не суждено закончить фразу. Появившийся из тени Дроган взмахнул топором. Чёрные пряди промелькнули в воздухе, и голова русалки с глухим стуком упала на камни набережной. Следом рухнуло тело. Бледная кожа стремительно сгнивала, обнажая рёбра и полуразложившиеся внутренности, и вот уже вместо бледной женщины на земле лежал разбухший и позеленевший труп утопленницы. Нечестивое подобие жизни покинуло его навсегда.

— Что это такое? — поморщился Брог, когда Дроган показал ему содержимое мешка.

— Русалка. Утопленница.

— Самая верхняя её часть, по крайней мере, — сказал Мормагон. — Если интересуется остальное — можешь поискать на дне залива.

Брог нахмурился.

— Так это она заманивала моих ребяташек? Страшная тварь. Добро, своё дело вы сделали.

Никто не упомянул маленького бродягу, и ту роль, которую он сыграл в гибели других беспризорников. Его решено было оставить в проулке на милость Создателя.

— Теперь за тобой дело. Поможешь нам встретиться с епископом?

Брог кивнул и отошёл к своему месту за столом.

— Вы ведь помните, что я не обещал провести вас к нему, но лишь помочь? Так слушайте. Мне ведомо, что епископ Антонид каждый вечер проводит в библиотеке за чтением. Кроме того, я знаю, как пробраться в галерею на восточной стене. От неё до библиотеки всего ничего. Конечно, придётся постараться, чтобы не попасться никому на глаза. Но внутри охраны нет, так что, в случае чего, случайный свидетель может просто куда-нибудь пропасть. Если вы понимаете, о чём я.

Брог криво усмехнулся, чем заставил Ладу невольно вздрогнуть. Не от страха — от неприязни.

— Это — не совсем то, на что мы надеялись, — сказал Мормагон.

— Надежда, мой друг, та ещё шлюха. Сегодня она с тобой, а завтра у тебя отвалился нос от сифилиса. Другое дело — моя наводка. Пусть она скромна и неказиста, зато надёжна, как старая жена. Так что будь доволен тем, что есть. До вечера можете переждать у меня, нечего лишний раз на улицы днём выглядывать. Можете считать это бесплатным бонусом за отличную работу.

Оказалось, дом скорняка не так прост. Из его подвала шли ходы в соседние здания, и в одном из них находилось убежище — комната с рядом лежанок, где разместились на отдых охотники и музыкант. Утятя провёл с ними весь день, развлекая историями и игрой в кости. Лада подозревала, что он просто присматривает за гостями. Сама она в основном дремала и молилась. Хотя губы исправно повторяли заученные слова, сердце её оставалось глухо. К вечеру Лада вынуждена была признать, что священное действие, некогда приносившее утешение, теперь стало пустым и безжизненным.

— Скажи, ты ведь веришь в Бога? — спросила она брата, улучшив момент, когда Мормагон с Утятей были поглощены игрой, а Дроган решил вздремнуть.

— Конечно, — нахмурился воитель. — Почему ты спрашиваешь?

Лада была задумчива. Мысли её витали далеко от земных пределов.

— Иногда я не могу тебя понять. Ты циничен. И мы никогда толком не обсуждали с тобой вопросы веры.

— Так почему решили обсудить теперь?

— Не знаю. У меня такое чувство, будто земля уходит из-под ног, и привычный мир становится зыбким. Не уверена, нужно ли Церкви то, что мы делаем. Иначе, почему мы

остались совсем одни, и вынуждены рыскать по подворотням, пытаюсь оправдаться в том, чего мы не совершали?

— Ты теряешь веру?

— Нет! — поспешно ответила Лада и сама смутилась. — У меня никогда не было ничего, кроме веры. С детства я воспитывалась в монастыре. Но вот ты — ты веришь в Создателя, служишь ему, и при этом живёшь полной жизнью.

— Думаешь, не упускаешь ли ты настоящую жизнь, заменяя её служением?

Лада вздохнула.

— Возможно. Ведь можно же верить, но при этом быть открытой миру? Мир — это творение Создателя, его дар своим детям. Разве правильно, что служители Церкви отказываются от него, запирая себя в монастырях, ограничивая своё общение с другими людьми? Я знаю монахинь, которые всю жизнь провели в стенах своей обители. Выросли и состарились там. И им не нужно ничего, кроме служения. Но разве это правильно — служить Ему, и быть оторванной от Его творения?

— Знаешь, я видел множество священников, которых не терзали подобные мысли, — усмехнулся Дроган. — Они не отказывались ни от женщин, ни от власти, ни от богатства. И прекрасно себя чувствовали.

— Но ведь они — преступники веры. Разве можно их назвать настоящими священниками?

Дроган заложил руки за голову и задумчиво уставился в потолок.

— Ежели хочешь знать моё мнение, так слушай. Есть две крайности в служении. Одни церковники становятся отшельниками, запирая себя в стенах монастыря и отказываясь от общения с миром. Вторые, хоть формально и носят церковные одёжки, не сдерживают себя ничем, и иной раз более распущенны, чем обычные миряне. Но явь — это место равновесия. Без этого бытие давно уже рухнуло бы. Стало быть, и в деле посвящения себя Создателю важна мера. Легко быть святым в отшельничестве, но попробуй-ка быть святым на базаре. В том и суть — служить живому Богу, во всей полноте его проявления. Быть простым человеком, который женится, играет в кости, выпивает иногда. Но в то же время быть человеком Божьим. Тем, кто следует заветам и ведёт праведную жизнь. Не где-то там, в монастыре, а прямо здесь, на городских улицах. Вот так я думаю. Но я-то далёк от церковного учения.

Лада кивнула.

— Спасибо, братец. Я подумаю над твоими словами.

— Будь проклят этот плут! — пробормотал Мормагон.

Здрав голову, он смотрел вверх, стоя в густых зарослях кустарника возле восточной стены. Сложенная из кирпича, она возвышалась метров на двадцать. Наверху можно было различить отблески факела, медленно двигавшегося вдоль края. Стражник, а это наверняка был он, обходил галерею, ни разу не остановившись и не выглянув вниз.

— Думаю, скоро он утомится и уйдёт куда-нибудь в сторожку, — предположил Дроган. — К счастью, стена неровная. Есть, где передохнуть на подъёме. Я залезу с верёвкой и скину её вам.

Мормагон изумлённо посмотрел на товарища.

— Ты собираешься лезть на такую высоту? Создатель сохрани, да ты спятил? Есть и более лёгкие способы отдать Богу душу!

Не отвечая, Дроган принялся снимать с себя шлем и кольчугу. Оставшись в одной рубахе, он закинул на плечо верёвку и мешок с головой вурдалака, попросил у Лады кинжал, и подтянулся, ухватившись за выступ.

— Какая мощь! — пробормотал Мормагон, глядя на перекатывающиеся под кожей воителя бугры мышц.

Тот постепенно отдалялся от земли. Стена епископской обители была покрыта сложным орнаментом выступавших кирпичей. Это было красиво, но также облегчало путь для воров. Наверняка архитектор решил, что никто в здравом уме и не подумает забраться в жилище одного из самых влиятельных людей Миргорода. Но он не учёл, что оказавшиеся в отчаянном положении иногда решаются на отчаянные поступки.

Прошло несколько минут, и вот конец верёвки свалился сверху прямо перед лицом Лады. Охотница немедленно привязала к нему мешок с кольчугой и шлемом. Дрогана не было видно, как и отблесков факела стражника. Ухватившись за верёвку, Лада принялась перебирать руками, поднимаясь. Почти на самом верху она обернулась и невольно залюбовалась огнями над гаванью и темнеющим морем, сливавшимся с небом на горизонте. Влажный ветер доносил запах водорослей, а черепичные крыши внизу поблескивали от осевших на них капелек воды.

Тяжело перевалившись через парапет, Лада перевела дыхание и размяла ноющие мышцы. Она была довольно лёгкой и хорошо тренированной, но всё же подъём на такую серьёзную высоту оказался труден. Вскоре над краем стены показалась голова Мормагона. Перекинув ногу, он перекатился на спину, тяжело дыша. Спустя некоторое время, достаточное для того, чтобы втянуть наверх мешок с доспехом Дрогана, музыкант поднялся, огляделся и заметил стражника, мирно посапывающего в сторонке, вставив факел в предназначенное для него гнездо.

— Предлагаю не будить, — хмыкнул музыкант. А то у Лады появилась неприятная привычка убивать людей, не вовремя попавшихся ей под руку.

— Как бы после этих слов тебе не оказаться таким человеком, — прошипел в ответ Дроган.

Попрыгав, чтобы кольчуга лучше села на плечах, он подобрал топор и двинулся вдоль края галереи к небольшой двери.

Мормагон бросил на Ладу смущённый взгляд и пробормотал:

— Прости, если обидел.

— Создатель простит, — тихо отозвалась охотница и двинулась следом за братом.

По ту сторону двери оказался небольшой зимний сад. Лишь всевидящим небесным духам, да управляющим канцелярией епископа, было ведомо, каких усилий и денег стоило натаскать землю, вырастить редкие растения и обеспечить им достаточно света. Одно только застеклённое окно, заменявшее одну из стен, стоило, должно быть, целое состояние.

— Вроде бы библиотека за той дверью, — прошептал Дроган, указывая вперёд.

Лада кивнула и, припав ухом к деревянной панели, прислушалась. По ту сторону было тихо. Не слышно ни голосов, ни шорохов. Охотница приоткрыла дверь, и тусклая полоска мерцающего света тут же прорезала полумрак зимнего сада. Очевидно, в библиотеке кто-то был. Осторожно, стараясь не скрипнуть петлями, Лада открыла дверь шире и скользнула внутрь.

Библиотека поражала размерами. Ряды высоких стеллажей с пухлыми томами и свитками превращали зал в лабиринт. Совсем свежие кожаные переплёты соседствовали с

ветхими, разваливающимися фолиантами, заставшими, должно быть, появление Чёрного леса. В воздухе мелькали потревоженные пылинки. Запах старых пергаментов забивался в ноздри, вызывая желание отчаянно чихнуть.

Лада быстро прижала ладонь к носу, но её подавленный порыв, видимо, не остался незамеченным. Из-за стеллажей донёлся строгий низкий голос:

— Кто там?

Бежать было глупо, лгать — бессмысленно. Мгновение в голове Лады проносились варианты ответа, когда сбоку раздался голос Мормагона.

— Доброго вечера, милостивый патриарх. Мы — всего лишь смиренные слуги Создателя, которым нужен твой совет и наставление.

Повисла пауза. Казалось, воздух звенит от напряжения. Лада не знала, что делать, если епископ Антонид вдруг позовёт стражу. Рука машинально скользнула к эфесу, но охотница тут же отдернула её, ужасаясь и стыдясь своего порыва.

— Смиренные слуги не проникают в дом по ночам, будто воры, — ответил, наконец, епископ. — Если вы пришли с дурными намерениями, знайте — вам не скрыться. Если вы хотите меня убить, Создатель покарает вас страшной карой. Но прежде — моя стража. Да будет вам известно, она за дверью, и придёт, как только я позвоню в колокольчик, который держу в руке. Так что хорошо подумайте и ответьте — почему я не должен позвать её?

— Ты — наша последняя надежда, добрый пастырь, — сказала Лада. — На тебя — все упования. Если откажешься выслушать, то убьёшь нас вернее, чем это сделают твои люди.

После недолгих раздумий, епископ ответил:

— Хорошо. Пройдите ко мне, сколько бы вас ни было.

Беглецы двинулись вперёд и, завернув за ряд стеллажей, оказались в центре зала, на открытом пространстве. Здесь стоял стол, освещённый большим фонарём с толстой свечой. Её яркий огонь освещал почти всё видимое пространство, наполняя его, однако, густыми подрагивающими тенями.

Лада до того не видела епископа Антонида вблизи. Это был мужчина средних лет с высоким лбом и глубокими залысинами. Острый нос напоминал сапожный нож, но ещё острее был взгляд голубых глаз. Скулы выпирали над бледными впалыми щеками. Рот походил на натянутую портняжную нить. Небольшой подбородок опирался на сплетённые пальцы. Антонид сидел, чуть подавшись вперёд, поставив локти на столешницу. Несмотря на поздний час, он был в одеянии, полагавшемся ему по сану — ризе из тонкой чёрной шерсти. Небольшой латунный колокольчик стоял рядом — стоило лишь протянуть руку.

— Благословите, отец, — произнесла Лада ритуальную фразу.

— Если на то будет воля Создателя, — отозвался Антонид. — Сначала же я хочу услышать вашу историю. Вы, верно, и есть те люди, которых по всему городу разыскивает Мирослав. Орден охотников не в моей власти, но, признаюсь, и я был бы не против предать вас огню за убийство почтенного Ярополка. Однако вы, кажется, утверждаете, что невиновны. Если вы — не воры, не убийцы, так кто же?

— Это довольно долгая история, признаться...

— Не похоже, чтобы в ваших интересах было её сокращать. Я хочу знать всё, что поможет мне принять решение. Если же вы пришли, чтобы отправить меня вслед за Ярополком, что ж, — епископ неприятно усмехнулся, — я готов к встрече с Создателем. Советовал бы подготовиться и вам.

Лада обернулась к спутникам. Те выжидающе смотрели на неё.

— Хорошо, — прокашлявшись, начала охотница. — Всё началось, когда нас отправили искать ведьму в деревне Чёрный ручей...

Антонид молча выслушал долгий рассказ. Казалось, он даже ни разу не пошевелился, лишь изредка моргал. От его пронзительного взгляда временами становилось не по себе, но Лада закончила историю, дойдя до текущего момента, и опустил лишь некоторые события.

Когда женщина замолчала, Антонид медленно кивнул и показал на мешок в руках Дрогана.

— Полагаю, внутри — голова настоящего убийцы Ярополка?

— Да, епископ. Желаете взглянуть?

— Конечно, я хочу посмотреть на доказательства. Не для того ли вы так далеко забрались? Вытащи голову из мешка и держи в руках.

Дроган исполнил приказ, хотя от взгляда Лады не укрылось, как бывалый рубака вздрогнул от отвращения, прикасаясь к коже твари. Епископ медленно кивнул.

— Думаю, такое сложно было бы подделать. Но что, если я предположу, что вы сами являетесь членами того культа, и принесли голову одного из своих прислужников, чтобы войти ко мне в доверие?

— Слишком мудрёный путь, — проворчал Дроган. — А если б хотели убить, так просто пристрелили бы из-за полок. У нас и самострел есть.

Антонид рассмеялся сухим, кашляющим смехом.

— Верно, верно. Думаю, уж охотники на ведьм бы не промахнулись с такого расстояния. Вот там — довольно удобная позиция, не так ли? Поближе к выходу, и не нужно подходить. Хорошо, покажите мне записку брата Тихомира. У кого она? Да, можешь подойти. А ты убери уже эту мерзость.

Дроган убрал отсечённую голову вурдалака обратно в мешок. В это время Лада приблизилась к епископу и протянула свёрнутый в свиток лист. Её носа коснулся тонкий аромат розового масла. Антонид пробежал взглядом по строкам, задумчиво посмотрел в пламя свечи, и убрал бумагу в стол.

— Мне нужно обдумать ваши слова. Пока же будьте моими гостями.

Протянув руку к колокольчику, он дважды позвонил в него. Бросил мимолётный взгляд на Дрогана, и звякнул ещё раз. Ответом ему из-за двери был протяжный, звучный удар гонга. Миг, и зал заполнила вооружённая стража.

— Проводите моих гостей в комнату на втором этаже, — велел Антонид воину с ярким зелёным пером на шляпе. — Ту, что с видом на гавань. И заberi этот мешок, я хотел бы видеть его в моём кабинете через час. А вам, дорогие гости, желаю спокойной ночи. Завтра ваша судьба будет решена.

Ладе удалось лишь ненадолго забыться тревожным сном, в то время как её спутники уже спустя полчаса всю храпели, раскинувшись на лежанках. Комната, в которую их отвели, оказалась куда более приятным местом, чем она могла предположить. Хотя окно было забрано стальными прутьями, а крепкая дверь надёжно заперта, кровати порадовали своим удобством. В комнате стояли стол и несколько стульев. Из окна открывался вид на причалы с приходившими и отчаливавшими кораблями, чьи белые паруса полоскались на сильном, но тёплом, ветру. Разве что неумолкающие крики чаек мешали сосредоточиться на собственных мыслях. Узникам даже вернули их вещи. Как подозревала Лада, после

тщательного обыска. По крайней мере, оружия среди них не оказалось. Зато были музыкальные инструменты, и следующий день Мормагон с Дроганом потратили пополам на музицирование и игру в кости.

Люди епископа пришли под вечер. Стража окружила арестантов и под конвоем провела их по богато, но со вкусом, украшенным коридорам в зал с рядом скамей. Там они предстали перед взором целой оравы священников, восседавших на кафедре, словно стая ворон. Во главе собрания, возвышаясь над всеми, сидел епископ Антонид.

Невесть откуда вынырнувший секретарь нудным голосом зачитал обвинения, список предоставленных доказательств и показания свидетелей. Среди последних была и история, рассказанная Ладой епископу. Всё шло к тому, что заседание церковного суда пройдёт быстро. Когда секретарь умолк, со своего места поднялся Антонид. Десятки голов повернулись, ожидая его слова.

— Братья, мы собрались здесь, чтобы вынести решение по делу об убийстве Ярополка, главы ставки Ордена охотников в Миргороде, произошедшее третьего дня месяца изока лета Создателя нашего тысяча триста двадцать седьмого. Рассмотрев доказательства, местный синод миргородского патриархата вынес решение...

Но какое именно решение вынес синод, а, вернее, сам епископ, узнать не удалось. Двери в зал с грохотом распахнулись, и на пороге во главе вооружённого и облачённого в зеркальные доспехи отряда появился высокий светловолосый человек средних лет. Лицо его покрывали рваные шрамы, некогда прямой нос сросся неправильно после рассечения. В отличие от своих сопровождающих, он не имел брони, а был одет в алый кафтан с золотым шитьём. Острые носки сапог торчали вверх по последней моде. На боку его красовался меч в ножнах, обтянутых кожей и обитых золотом с инкрустированными драгоценными камнями. Узнать вошедшего было несложно.

— Князь Мирослав, чему обязан таким драматическим появлением? — епископ чуть наклонился вперёд, поставив руки на трибуну.

Правитель Миргородского княжества двинулся вперёд большими шагами, рыская взглядом, будто голодный волк. Оказавшись перед кафедрой, он упёр руки в бока и едва не прорычал:

— Будто ты не знаешь, свинья церковная, зачем я пришёл! Я за этими выродками который день гоняюсь, а тут вдруг случайно узнаю, что они у тебя. Да ты ещё и судишь их без моего участия!

Сидевшие на кафедре священники будто стали меньше. Словно гнев князя обжёг и отбросил их, подобно волне жаркого воздуха. Лишь Антонид оставался невозмутим. Скрестив на груди руки, он выслушал слова Мирослава, не утратив спокойствия.

— Осторожнее, Мирослав. Не годится пресветлому князю оскорблять верховного служителя Церкви в его же доме. Что скажут твои подданные?

— Да в гузно этих подданных! Выдай мне преступников, или гнев мой будет таким, что ты пожалеешь о том часе, когда родился на свет!

Епископ дослушал угрозы, не прерывая. Затем выдержал паузу, дав дружине время подумать о словах своего предводителя. Мягким голосом, в котором читались сочувствие и забота, Антонид ответил:

— Князь, я знаю тебя много лет. Уверен, в тебе говорит гнев, который вполне можно понять. Я слышал, что ты потерял верного друга, и скорблю об этой утрате. Как суровый, но

справедливый правитель, ты взываешь к достойному наказанию для преступников. Однако можешь ли ты быть уверен, что в смерти Ратибора виновны именно эти люди?

— О! — Мирослав невесело усмехнулся. — В этом я совершенно уверен! Давеча у стены поймали мы двоих беглецов, которые подтвердили, что своими глазами видели подлое убийство.

— Не надо было отпускать тех двоих! — сквозь зубы проговорил Драгомир.

— И что бы ты сделал? — спросил Мормагон. — Убил на месте? Другого пути не было. Мы попытались. И, кажется, теперь нам уже ничто не поможет.

— И где же эти свидетели?

— Сознались в соучастии, — с мстительным торжеством заявил князь. — За что и были повешены на городской площади в назидание другим. Сходи, посмотри, коли так хочешь, поп. Клянусь, скоро рядом с ними будут болтаться ещё три трупа!

— Сказано в Писании — «не клянись». Кто может подтвердить истинность их слов? Быть может, они оклеветали этих людей, чтобы выторговать свои жизни?

— Я могу подтвердить. Мои палачи способны вытянуть правду даже из самих бесов. И те будут умолять, чтобы им поверили. Довольно разговоров! Выдай мне этих бродяг.

Лада поймала взгляд Антонида, но ничего не смогла прочитать по нему. Епископ оставался холоден и невозмутим, словно льдина. Миг — и его внимание вновь переключилось с охотницы на князя.

— Выйдите все, — ровным голосом проговорил он. — Узников — обратно в темницу. Нам с князем нужно поговорить наедине.

Священники с видимым облегчением стали покидать кафедру. Они уходили так стремительно, что через пару минут скамьи опустели. Дружина нерешительно медлила, пока Мирослав не отпустил их кивком головы. Церковная стража вновь окружила Ладу, Дрогана и Мормагона. Никто не оказал ей сопротивления, когда охотников вели обратно в комнату с видом на гавань.

Лада не сомневалась — в следующий раз она покинет это место, когда приговор уже будет утверждён.

Ожидание оказалось недолгим. Спустя час послышался шорох отодвигаемого засова. Всё те же безмолвные стражники отвели обвиняемых обратно в зал.

Священники уже заняли свои места. Дружина куда-то пропала, но наверху кафедры бок обок стояли князь и епископ. По их лицам сложно было что-то прочесть, но Лада не сомневалась — приговор вынесен.

И верно — в этот раз не стали тратить время на пустые формальности. Епископ Антонид поднялся со своего места и коротко подвёл итог:

— Как уже было сказано, рассмотрев обвинения по существу дела, я признаю обвиняемых невиновными в убийстве Ярополка. Таково постановление церковного суда. Кроме того, виновным заочно признаётся человек, известный нам как Тихомир, воин-монах Ордена охотников. Его надлежит скорейшим образом разыскать и предать суду. Однако, следуя пожеланиям пресветлого князя Мирослава, суд находит возможным рассмотреть также обвинение в убийстве княжьего человека Ратибора, решение по делу которого выносит лично его светлость.

Закончив речь, епископ опустился на сидение. Лицо его оставалось непроницаемым, но Лада понимала, каким будет приговор князя. Она бросила взгляд на своих спутников. Дроган стоял, опустив плечи и уставившись себе под ноги. Ещё никогда Лада не видела своего брата таким разбитым. Мормагон же был безучастен — он осматривался по сторонам, будто это не его судьба решалась в эти мгновения. Может быть, музыкант верил в пророчество, которое сулило ему иную смерть, или просто помутился разумом? Лада не так хорошо знала бродягу, чтобы предполагать. Поэтому она повернулась к Мирославу, ожидая его слов.

Лицо князя напоминало грозовую тучу. Он заговорил, словно нехотя выплёвывая слова изо рта.

— Виновны в убийстве. Наказание за такое преступление — смерть. Однако милостью своей я приговариваю этих, — князь запнулся, будто желая сказать иное слово, но затем продолжил: — этих людей я приговариваю к вечному изгнанию из пределов своего княжества. Кроме того, в качестве наказания им предписывается найти и доставить на пограничную заставу этого выродка Тихомира. И уж не сомневайтесь, он сполна ответит за своё участие в судьбе Ратибора и предательство! Отправляйтесь немедленно, сучьи дети. Мои люди проводят вас до границы.

Лада и Дроган переглянулись. Внезапное спасение? Кажется, всё обернулось наилучшим образом, ведь они и сами хотели искать Тихомира, чтобы призвать его к ответу. Мормагон лишь пожал плечами, словно утверждая «я же говорил!».

Было жаль навеки покидать Миргородские земли. К сладкому чувству свободы примешивалась и горечь — теперь Лада навеки оторвана от корней, от места, где прошла вся жизнь, которую она помнила. Но всё же сердце её оставалось спокойным, ибо на всё воля Создателя. Кто иной мог спасти от неминуемой гибели?

В дорогу отправились ранним утром следующего дня. В сопровождении княжьего отряда, изгнанники уже подъезжали к воротам, когда к ним приблизился человек в церковном облачении.

— Кто таков? — нахмурился десятник стражи, кладя руку на рукоять сабли.

Лада уже узнала подошедшего. Это был Снуд, служка при подворье Ордена.

— По поручению епископа, — ответил он, протягивая командиру отряда письмо.

Пробежав глазами по написанному, десятник вернул его и пожал плечами.

— Только быстро.

Снуд кивнул и подошёл к товарищам.

— Удачи в путешествии. Антонид призывает благословение Создателя на ваши головы и передаёт небольшой подарок. Пусть он всегда будет при вас, тогда вы будете не одни.

С этими словами Снуд протянул небольшой амулет с изображением святого Гордея, покровителя странников. Дроган принял подарок и повесил на шею.

— Кто ты на самом деле, Снуд? — спросила Лада, не рассчитывая, впрочем, на ответ.

И не ошиблась. Служка улыбнулся и простёр руку в жесте благословения.

— Служитель Создателя нашего. Ступайте, и да пребудет с вами его благословение. Доброй дороги.

С этими словами Снуд покинул их. Десятник ударил коня пятками в бока, посылая того вперёд.

— Давайте, шевелитесь, — напутствовал он изгнанников.

Впереди лежал долгий путь.

— Теперь уж точно деньги у нас появятся нескоро, — сказал Мормагон.

Тем вечером они добрались до заставы, где их должен был покинуть отряд княжеской дружины. Дальше путь лежал на территорию врага — в Чудь. За окном медленно опускалась ночь, и спутники заканчивали скудный ужин в местном небогатом трактире. Кроме них и сопровождавшего отряда здесь были лишь солдаты местного гарнизона.

— А ты, дружище, бывал ли сам в Чудском княжестве? — спросил Дроган. — Мы-то с ними в основном на нашей земле сражались. А когда на ихнюю приходили, не до того было, чтобы особо осматриваться.

— Был пару раз. Княжество, как княжество. Ничего необычного. Слушайте, есть идея Дроган, мы ведь с тобой отлично сыгрались. Как смотришь на то, чтобы подзаработать немного в дороге?

Лицо воителя потемнело, Лада заметила, как он судорожно сжал в руке жалобно скрипнувшую ложку.

— Ты что ж, предлагаешь, чтобы я их теперь развлекал, будто скоморох какой? Не для того я товарищей терял и сам столько крови пролил, чтобы теперь перед ними на гусях играть!

— Не кипятись, Дроган, — Мормагон примирительно поднял руки перед собой. — Ты ведь солдат?

— Конечно, солдат, — нахмурился воитель. — Им и останусь.

— Верно. А ведь воины сражаются с другими воинами, а не с мирным населением, так? Если, конечно, они праведны и следуют заветам Создателя.

Дроган кивнул. По его взгляду Лада поняла, что он уже догадывается, куда клонит музыкант.

— К тому же, ты и сам знаешь, что крестьяне и горожане от войны страдают подчас не меньше, чем враг. А раз так, почему бы нам не сыграть перед ними? Они — не твои враги. Обещаю, в гарнизонах выступать не будем.

Дроган помолчал немного, затем глухо произнёс.

— Считаешь себя таким умным? Думаешь, это всё шутки? Недостаточно перекинуться словами, как шариками на ярмарочной площади, чтобы я забыл всю ту грязь, что я повидал на войне. Никогда не бывать тому, чтобы я шутовством зарабатывал себе на хлеб в этих землях.

Мормагон посерьёзnel. Никогда ещё Лада не видела его таким.

— Шутовством? Интересного же ты мнения о ремесле, которому я посвятил свою жизнь. Так говоришь, будто это у меня монет осталось пара штук на дне кошель. Но как раз у меня-то денег пока в достатке, а вот у тебя с этим туго. И потом, мне не зазорно, себя я всегда прокормить сумею. О тебе же забочусь, дурак.

Дроган поднялся. Его ноздри раздувались от сдерживаемого гнева, и на миг Ладе показалось, что он ударит музыканта. Но воитель лишь молча вышел за дверь. Десятник, сидевший за соседним столом, проводил его внимательным взглядом. Но затем, немного подумав, вернулся к еде, очевидно решив, что изгнанник не задумал никакой хитрости против воли князя.

— Зачем ты так? — спросила Лада, ковыряя ложкой еду.

— Я не прав?

— Помимо правоты есть ещё милосердие, терпимость. Все мы люди и не лишены недостатков. Видишь ли...

Лада запнулась, думая, продолжать ли разговор, но всё же, глубоко вздохнув, решилась.

— Ты спрашивал, почему Дроган ненавидит всех из народа чуди. Это с тех пор, как они убили его сестру. И не просто убили, если ты понимаешь, о чём я. Война — жестокая вещь. Он пошёл в солдаты, движимый мстью. Дроган никогда не рассказывал об этом, но я знаю, что он делал страшные вещи. Такие, от которых у тебя бы волосы зашевелились. Своей службой Церкви он пытается замолить свои былые грехи, но знает, что это невозможно. Особенно пока его ненависть не угасла. Так что ты можешь лишь попытаться представить, что именно только что предложил ему, и почему он так отреагировал.

Мормагон внимательно посмотрел в глаза Ладy и медленно кивнул.

— Кажется, я начинаю понимать, насколько сложные у вас отношения.

— Ты о чём?

— Твои родители ведь из Чудского княжества?

Лада постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

— Почему ты так решил?

— Это выглядит разумным. Если б я сбежал с родины и опасался преследования, то укрылся бы на землях врага. Там меня если и станут искать, то, по крайней мере, это будет сложнее. Враг моего врага — мой друг, как говорят. К тому же, в прошлый раз, когда я тебе спросил, ты слишком уж резко оборвала разговор и обернулась к Дрогану. Это явно было неспроста.

— Хорошо. Ты разнюхал, что хотел. Поздравляю.

— Не сердись. Я говорил, что это — не просто болезненное любопытство. Я хочу знать, какие скелеты закопаны на подворье моих спутников. Ты знаешь, почему твои родители бежали с родины?

Лада покачала головой.

— У меня не было возможности спросить. И довольно об этом. Время позднее, пора устраиваться на ночлег. Пойду поищу Дрогана, а ты заплати за комнату, раз уж хвастался, что у тебя есть деньги.

Мормагон усмехнулся, кивнул и направился к кабатчику.

Необычно тёплое утреннее солнце прогрело почву, подняв над землёй туман. Осёдланные кони переминались с ноги на ногу, будто плывя в молочном море. Вокруг царила изумрудная зелень свежей листвы. Лёгкий ветер доносил от трактира запах свежей выпечки, которой уже успели насладиться путники. Мормагон стоял в стороне, нахмурившись. Он уже успел пожаловаться, как отвратительно ему покидать поутру это гостеприимное место, отправляясь в Создателем забытые варварские земли.

— Ты ведь говорил, что Чудь — обычное княжество, — сказала в ответ Лада.

— До обычного ещё добраться надо. А тут, на границе, запущенные земли. Полоса отчуждения. Так что готовься — в следующий раз такую выпечку попробуем нескоро.

На полупустом дворе заставы слышалось лишь приглушённое ржание и негромкий говор мужчин. Дроган обсуждал дорогу с комендантом крепости и десятником сопровождавшего их отряда, который нынче же утром должен был отправиться обратно в столицу.

— Наша застава стоит в узком месте, — говорил комендант. — По сторонам от дороги — топи. Большой отряд через них не пройдёт, но вы, ведя лошадок в поводу, проберётесь. Дальше по дороге чудь устроили укрепление, и вам бы лучше его обойти по болоту, иначе неприятности могут быть.

Десятник кивнул.

— Я слышал, ты с ними сражался. Шанс невелик, но вдруг кто-то тебя узнает? Понятно, что на войне особо лица друг друга не рассматривали, но бывает всяко. Лучше бы не рисковать понапрасну.

Дроган выслушивал их наставления, иногда кивая и задавая вопросы.

Что ждёт их впереди? Да чёрт его знает. Люди там странные. Говорят, что язычники. Девственниц в жертвы приносят, иногда едят младенцев. Кто говорит? Ну, слухи такие ходят. А зря, как известно, болтать не будут — точно какая-то нечисть эти чудины.

Толком удалось выяснить не так уж много. Если выйти на дорогу позади пограничных укреплений, дальше препятствий быть не должно. За топями находится Чудское озеро, на берегу которого есть пара деревенок. Они совсем крохотные, местный люд пробивается в основном охотой и собирательством. Угрозы от них никакой, слишком уж зашуганы близостью границы и былыми побоищами.

Простившись, изгнанники сели верхом и направили коней к выезду. Ворота перед ними открылись со скрежетом давно не приходивших в движение петель. Впереди лежал путь на восток.

— Пора признаться — мы заблудились.

Как ни горестно это сознавать, но Дроган был прав. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись непролазные топи, из которых поднимались скрюченные, словно пальцы мертвеца, тёмные стволы деревьев.

— Зараза! — пробормотал Мормагон, оступившись.

Его башмак с чавканьем ушёл под воду и завяз в жидкой грязи. Мормагон выдернул ногу с гримасой отвращения и уставился на голую ступню. Ругаясь, музыкант пытался вытянуть свою обувь из трясины, балансируя на одной ноге. В какой-то миг он потерял равновесие, отчаянно замахал руками, и непременно рухнул бы вслед за башмаком, если бы не удержавшая его рука Дрогана.

— Спасибо, — с признательностью кивнул Мормагон.

В ответ воитель пробормотал что-то неразборчивое.

Воздух звенел, рассекаемый крыльями сотен насекомых. Где-то вдалеке изредка слышались странные звуки, порождаемые болотом. То ли надрывный крик неведомой птицы, то ли охотничий клич кровожадных чудовищ. Хотя Лада сомневалась, что в здешних гиблых местах крупный хищник мог бы найти себе достаточно пропитания. Густой запах гнили долгое время могли бы вынести разве что совсем уж непритязательные существа.

— Смотри, не избушка ли там? — вдруг спросил Дроган, указывая в просвет между деревьями.

Лада присмотрелась. И правда — меж стволов виднелась вроде как соломенная крыша.

— Странное дело, — произнёс Мормагон, старательно очищая ботинок от болотной грязи. — Кто же в здравом уме станет здесь добровольно жить?

— В здравом уме — никто, — согласилась Лада.

— Посмотрим? — предложил Дроган и, не дожидаясь ответа, двинулся вперёд. — Может, хоть дорогу подскажут.

Мормагон покачал головой, но отправился следом.

— От таких мест жди беды, — проворчал он, но, посмотрев на ногу, грустно добавил: — однако дорогу бы узнать не помешало.

Тропа выскользнула из трясины прямо путникам под ноги. Пропетляв между деревьями и трухлявыми пнями, она лениво взобралась на небольшой сухой холм. На его вершине, словно гнилой зуб, торчала изба. Всю её, от порога до крыши, покрывал мох. Стены почти наполовину погрузились в землю. Дверь перекосило так, что её едва ли получилось бы открыть, не поднажав, как следует, плечом. И всё же некогда это было большое, величественное строение — до сих пор угадывалась краска, в былые времена покрывавшая узорами стены, и резные наличники вокруг окон ещё не до конца пали жертвой воцарившейся разрухи.

Из полуразвалившейся трубы шёл сизый дым — кто бы ни поселился в этом месте, он был недалеко.

— Мы точно хотим идти внутрь? — уточнил Мормагон, покосившись на воткнутую неподалёку жердь с оленьим черепом на ней.

— Ну, не поворачивать же? Вряд ли на болотных дарах хозяин дома мог как следует откормиться. Идём. Уверен, внутри нет ничего, с чем бы мы не справились.

Раздвинув заросли рогоза на дороге, Дроган решительно двинулся к входу. Дверь и правда поддалась с трудом. Войдя внутрь, путники оказались в полумраке. Окон в хижине не было. Справа от двери с трудом угадывался силуэт поленницы, слева — большой ларь. Тусклый свет виднелся лишь у дальней стены. В огромном горниле печи мерцали угли. Из полутьмы выступали очертания стен и потолочных балок. Прикинув расстояние, Лада решила, что зал перед ней был шагов тридцать в длину.

— Кто это пожаловал ко мне сегодня? — донёсся высокий скрежещущий голос из глубоких теней над очагом.

Говор был странным. Говорившая женщина будто проглатывала часть слов, а оставшуюся растягивала до невозможности. Над печью блеснули глаза.

— Всего лишь путники, — Мормагон нахмурился и неуверенно добавил: — госпожа.

Послышалось щёлканье. Лада подумала, что это, должно быть, смех. В подтверждение неведомое существо произнесло:

— Госпожой меня ещё не называли. Ты посмешил меня, так раздели со мной трапезу. Посмотри там, в котелке на столе. Должно было ещё что-то остаться с обеда.

— Благодарю, мы не голодны, — твёрдо ответил Дроган.

— Я не с тобой говорила! А ты, дружок. Ты ведь не откажешься от угощения?

— Да я, — замялся Мормагон, — вроде как тоже не особенно проголодался.

Он неуверенно взглянул на Ладу. Та уже закончила шептать тайные слова и потянулась вперёд колдовским чутьём, слегка прикрыв глаза.

То, что ощутила охотница, заставило её отшатнуться. Что бы ни сидело там, во мраке, оно давно уже не имело ничего общего с людьми. Это было нечто склизкое, холодное, неживое. Сросшееся с этим местом. Со своим логовом. И ещё Лада увидела внутренним зрением сотни маленьких огонёчков, запертых в темноте. Детские души томились в плену, не в силах покинуть его, и поддерживая в чудовище извращённое подобие жизни.

Тварь, видимо, почувствовала сотворённое Ладой волшебство. Коротко взвизгнув, она дёрнулась и пропала. Миг, и существо оказалось у охотницы за спиной. По какому-то наитию Лада пригнулась, и лезвие старого зазубренного серпа свистнуло у неё над головой. Дроган обернулся и ткнул рукоятью топора, но чудовища там уже не было.

— Зря вы пришли сюда, — раздалось шипение откуда-то из-под потолка. — Старые! Вы слишком старые! Мясо жёсткое, косточки большие! И не похрустеть толком.

— Все наружу! — крикнул Дроган.

Не тратя времени, Лада бросилась к входу. Что-то длинное и липкое пронеслось мимо и с неприятным шлепком попало в пол рядом с её ногой. Оно двигалось стремительно, но всё же охотница успела понять, что это был язык.

В стороне послышались глухой стук и ругань Мормагона — музыкант споткнулся о поленницу, рассыпав чурбаки. Чудом не упав, Лада вывалилась за дверь. Следом показался Мормагон. Из дома донеслись звуки ударов, визг, и наружу, выбив дверь, вылетел Дроган. В руках он продолжал сжимать топор.

— Сильная бестия! — пробормотал он, шмыгая разбитым носом.

Большая часть его бороды была залита кровью. Лада потянулась к сумке, чтобы наскоро наложить повязку, но не успела — в дверном проёме показалась хозяйка дома. Длинные чёрные волосы были спутаны в невообразимый колтун. Кожу болотного цвета покрывали язвы и нарывы. Обнажённая грудь болталась у распухшего живота, при каждом шаге покачиваясь в стороны. Невообразимо худые руки и ноги походили на поражённые лишайником ветки болотных деревьев. Но страшнее всего — лицо. Нижняя челюсть была полностью лишена кожи. Лада могла видеть кость и торчащие из неё острые зубы, больше похожие на звериные клыки. Перевалившись через них, свисал тошнотворно-фиолетовый язык, напоминавший червя и словно живший собственной жизнью. Он метался из стороны в сторону, приподнимаясь и будто осматриваясь. Глаза блестели из тёмных провалов глазниц. Чудовище жадно переводило взгляд от одного человека к следующему.

Вдруг язык с хлюпаньем втянулся.

— Может, пойдёте подобру-поздорову? — предложило существо. — Нечего нам делить. Оставьте меня в покое, и я вас выведу на дорогу.

— По мне так неплохая сделка, — вполголоса проговорил Мормагон.

Лада покачала головой и взвела самострел.

— Нельзя. Тварь поедает детей. Кто знает, сколько она ещё заманит и убьёт?

— Что ты за существо? — спросил Дроган, не переставая хмуриться.

— Существо? — казалось, хозяйка дома удивилась и даже обиделась от такого вопроса. — Я лишь обычная женщина. Живу на болоте уже который год. Перебиваюсь, чем Создатель пошлёт.

— И что же он посылает?

Болотная хозяйка дёрнулась. Кажется, пожала плечами.

— Разное.

— Детей, например?

Челюсти щёлкнули.

— Они всё равно не жильцы в этом мире, коли их родичи выгнали на болото. Бродяжки, беспризорники. А я им боли не причиняю. Быстро всё делаю. Так, что даже не почувствуют ничего. Лучше ведь, чем погибать на болотах от холода да диких зверей? И им — избавление от страданий, и мне — пропитание. Разве ж допустил бы Создатель, чтобы я столько лет здесь жила, если б не хотел этого?

Дроган двинулся вбок, обходя людоедиху.

— Не прикрывайся Создателем. Он даёт нам свободу выбора, творить добро или зло.

— Так разве ж я зло причиняю? Говорю тебе — избавляю от страданий детишек.

— И держишь в плену их души, подпитывая своё нечестивое существование, — подала голос Лада. — Кем бы ты ни была, и за что бы ни заслужила такую кару, поделом. Если считаешь, что живёшь благодаря поущению Создателя нашего, тогда мы — его карающая рука.

Тварь взвизгнула и выбросила вперёд язык, целясь Ладе в лицо. Та инстинктивно вскинула самострел, прикрывшись им, когда Мормагон бросился вперёд, хватая язык. Покрытая слизью плоть почти сразу же выскользнула из его руки, но этого оказалось достаточно, чтобы Дроган метнулся вперёд, взмахнув топором. Язык упал на землю, извиваясь, а окрестности огласил истошный визг. Существо развернулось и бросилось в дом, однако воитель догнал его в пару прыжков и обрушил на голову топор. Череп со скрежетом треснул, мозг и кровь брызнули в стороны. Тварь сделала ещё несколько шагов, схватилась за дверной косяк, словно ища у него защиты, затем медленно осела. Чудовище ещё попыталось повернуть голову, когда следующий удар топора отсёк её.

Лада медленно опустила самострел и огляделась, не без удивления заметив, что из-за угла за ней пристально наблюдала девочка лет семи.

— Иди сюда, не бойся!

Лада поманила девочку, и та, нерешительно оглядываясь, вышла вперёд. Но, стоило Дрогану с треском выдрать топор из стены, испуганно нырнула обратно.

— Иди, тебя никто не обидит!

— Что? — обернулся воитель, озадаченно глядя на сестру.

— Да уж тебя бы точно никто обидеть не решился, — хмыкнул Мормагон. — Не тебе она, а той девчужке.

— Какой ещё?

Дроган отошёл от трупа болотной нежити и только теперь увидел тощую девочку в грязной одежде, замершую за углом.

— Ах, вот оно что. Лада, спроси её, может, дорогу подскажет.

Охотница кивнула.

— Скажи, как тебя зовут?

— Ромашка, — тихо сказала девочка, словно ветер прошелестел сухими листьями.

— Скажи, Ромашка, ты знаешь, как выйти отсюда на тракт? Покажи, и мы отведём тебя домой.

Девочка повертела головой, затем неуверенно указала в сторону. Немного приободрившись от тёплой улыбки Лады, она повернулась и двинулась вперёд.

— С домом бы что-то сделать, — шепнул Дроган. — Негоже такое злое место бросать.

— Мы теперь не охотники, — с грустью ответила Лада. — Да и что делать? Попробуешь сжечь — здесь полболота вспыхнет от газов.

Удаляясь, она видела, что Дроган всё ещё стоит и, хмурясь, смотрит на дом и останки его хозяйки. Затем воитель махнул рукой и развернулся, пробормотав «вот пусть чудь с ним и разбирается».

Под ногами хлюпала болотная жижа, но Ромашка уверенно продвигалась, огибая огромные поваленные стволы деревьев, полусгнившие и почти развалившиеся. Казалось, вокруг нет никаких ориентиров, но девочка продолжала идти, ни разу не остановившись и не потеряв путь. Наконец, впереди, среди деревьев, показалась дорога. Узкая заросшая тропа, петляя, уходила на восток. Выбравшись на неё, Ромашка неуверенно огляделась, и двинулась вглубь чуждских земель.

— Как она вообще здесь оказалась? — бормотал Дроган. — Не к добру это всё.

— И правда. Что хорошего ждать от этой чуди? — в тон ему отозвался Мормагон. — Надо бы поймать её и допросить. Вон, какой вид — коварный и подозрительный.

Воитель покосился на своего спутника, не без оснований подозревая сарказм. Но, не успел он открыть рот для едкого ответа, как вмешалась Лада:

— Будет вам. Девочку едва не съели. Подумайте, каково было бы вам на её месте? Проявите хоть каплю сочувствия.

— Это можно, — сказал Мормагон и добавил, обращаясь к маленькой провожатой, — Ромашка, любишь музыку?

Девочка обернулась и робко кивнула. Её губы тронула лёгкая улыбка.

— У нас дедушка красиво на дуде играл. Но он давно уж помер.

Мормагон кивнул, на ходу доставая лиру. Вскоре болота огласила лихая весёлая

мелодия.

Дроган покачал головой.

— А как дойдём до Чуди, так надо будет скоморохов нанять. Пусть перед нами идут. Играют, кувыркаются. Чего уж скрываться?

Трясины всё так же тянулись в низинах по сторонам, но лес понемногу светлел. Путники прошли примерно час к тому времени, как оказались на перекрёстке. За ним, окружённая зарослями осоки, блестела ровная поверхность большого озера. Чуть в стороне от дороги из проржавевшей клетки на столбе едва не вываливался ветхий скелет. Его обветренные кости обтягивали обрывки крестьянской одежды. Пустые глазницы, словно с укором, смотрели на путников.

Прямо на развилке из земли торчал массивный камень. Подойдя ближе, Лада наклонилась и провела рукой по шершавой поверхности. Когда-то там явно выбили надпись, но ветер и время обточили её так, что теперь слова было не разобрать.

— Путевой камень, — проронил Дроган, подходя.

— Теперь уже просто камень. Здесь две дороги, выбор не велик. Куда дальше, Ромашка? Девочка посмотрела в одну сторону, в другую, затем неуверенно пожала плечами.

— Я не помню!

— Ладно, — решила Лада. — Давай так. Просто пойдём куда-нибудь. Может, найдём твою деревню, или тебя узнает кто. А нет — так попробуем второй путь. Идёт?

Ромашка кивнула.

— Тогда идём направо, — твёрдо заявил Дроган.

— Почему?

— Потому, что наше дело — правое!

Лада присмотрелась к брату. Хотя мрачный настрой последних дней вроде бы спал, женщина не могла не заметить, что последние события отразились на нём. В бороде оставалась запёкшаяся кровь, и воителя, казалось, это не волновало. Под глазами залегли глубокие тени. Сильнее прорезались морщины. Было видно, что Дроган устал, хотя и не жаловался на это.

— Что? — буркнул он и невпопад улыбнулся. — Давай, пора двигаться.

И воитель отправился по правой дороге. Ладе показалось, что тени пролегли также и между ними. Хотя Дроган больше не злился на неё, как после убийства Ратибора, это событие будто сломало что-то важное, что было между ними.

— С тобой всё в порядке?

Ладонь Мормагона легла на её плечо.

— Да. Всё хорошо, спасибо. Идём.

Казалось, музыкант хотел сказать ещё что-то, но затем просто кивнул. Ромашка уже шла вперёд, держась чуть в стороне.

«Быть может, теперь она всю оставшуюся жизнь будет избегать взрослых», — с грустью подумала Лада.

Но были вещи, которые она не могла исправить. Приходилось просто надеяться, что всё образуется само собой.

Деревенька находилась на низком холме, торчавшем над болотами в стороне от дороги. Маленькие чёрные землянки облепили его, подобно мухам.

— Это — твой дом? — спросила Лада.

Девочка покачала головой.

— Ну и слава Создателю, — сказал Мормагон, прекращая играть. — Не хотел бы я жить в таком местечке. Чем они вообще кормятся? Полей не видно, дичи здесь тоже вряд ли хватает.

— Боюсь, что скоро узнаем, — мрачно предрёк Дроган.

Вблизи поселение выглядело ещё более жалким. Землянки были сплетены из ветвей и обложены дёрном. Они выглядели запущенными, будто жителям не было дела даже до своих домов. Самих людей сначала тоже не было видно. Лишь когда путники дошли до центра деревни, показался невысокий сторбленный человечек. Череп его был деформирован так, что один глаз казался гораздо больше другого. При ходьбе несчастный подволакивал ногу и смотрел на пришлых с явным недружелюбием.

— Чего надь? — спросил он.

Даже в этой паре слов чувствовался непривычный выговор. Впервые Лада явно ощутила, что оказалась на чужой земле.

— Нам бы со старостой поговорить, — сказал Мормагон.

Дроган, нахмурившись, стоял в стороне, молча сжимая топориче.

— Несть тута старост. Хошь перемолвиться — там вота сёстры жвуг.

Палец с длинным грязным ногтем указал на ничем не примечательную землянку неподалёку. Мормагон кивнул, не считая нужным отвечать, и обернулся к спутникам.

— Ну, идём, чего уж, — вздохнул Дроган. — Может, они дорогу подскажут. А нет — так просто отправимся вперёд — авось, куда-то да выйдем.

— Мормагон, а когда уже начнётся то обычное княжество, о котором ты говорил? — шепнула Лада.

Музыкант пожал плечами.

— Я в тот раз шёл с севера, а не с запада. Похоже, их граница с вами — тот ещё медвежий угол. И, говоря так, я наношу смертельное оскорбление всему медвежьему роду.

Пол в землянке был сырым. Даже лежащие в несколько слоёв циновки не спасали от идущего снизу холода. Ладе понадобилось время, чтобы привыкнуть к царившему вокруг полумраку. Но и так смотреть было не на что — бедное убранство составляли лишь две заваленные тряпьем лежанки, да плетёный ларь. В центре располагался погасший очаг, копоть от которого толстым слоем покрывала потолок и стены. Запах давно немых тел и гари пропитал всё пространство, делая нахождение внутри дома едва выносимым.

— Энто хто к нам пожаловал?

То, что Лада приняла за груды тряпья, повернулось. Это оказалась древняя старуха с высохшей сморщенной кожей и спутанными прядями давно немых волос.

— Странники. Хотели узнать дорогу на Чудь. Не поможешь, бабушка?

В ответ зашевелилась вторая груды тряпья. Голос, неотличимый от первого, отозвался:

— А чёй такое — эта ваша Чудь?

— Город, — ответил Мормагон. — Столица вашего княжества.

На некоторое время воцарилась тишина.

— Ни о чём таком не слыхивали. Чёй-то за хняжества такие, чуди. Мы — люди сторонние, сюды иной раз цельными сезонами не заходят.

— А город, — первая старуха произнесла это слово медленно, по буквам, словно пробуя на вкус, — город — энто што?

От такого вопроса смутился даже Мормагон.

— Такое место, где живут люди. Ну, вроде как ваша деревенька, только дома повыше и людей побольше. Как несколько десятков ваших деревень.

В ответ послышалось ворчание.

— Выдумывашь, небось. Как бы столько людей ужилось вместе? Мы-то тут едва живы. С каждым лытом всё плоше. В Лысенке, за озером, и того паршивей.

— А «несколько десятков» — это много? — снова послышался второй голос.

— Уж поболее, чем у нас, точно. Может, ащё столько же, да и ащё. Но я так думаю, што врут они. Хоть сами и выглядят больно уж чистенькими. Издалече, видать.

— Погодь, а помнишь, как мимо нас те дивные шли? Ну, все блестячие, с тряпками на палках? Их ведь тож много было. Могёт, то и были энти самые, с городу?

— Дура ты, Вторица. Недаром второй родилась. Быть того не могёт, чтобы столько людёв шло. То само небесное воинство проходило. Так уж блестятели, што у мя глазёнки заслезились.

Лада и Дроган переглянулись.

— Мы от них ничего не добьёмся, — прошептала женщина. — Может, сходить в ту деревню, за озером?

— Это там, где ещё хуже, чем здесь? Не удивлюсь, если тамошние жители и вовсе считают, что живут на спине черепахи. Давай-ка отсюда выбираться.

— Вот уж не думал, что эта болотная гниль покажется мне свежим воздухом, — сказал Мормагон, вдыхая полной грудью, когда они оказались снаружи.

— Где Ромашка?

Находясь в жилище старух, Лада совсем забыла о подобранной ею девочке, и теперь беспокойно оглядывалась по сторонам.

— Не бойся, вон она. За деревом прячется, — успокоил Мормагон. — Ох. Как я её понимаю. Хватит с меня этой глухомани. Давайте уж лучше вперёд, по дороге.

— Мы обещали найти её дом, — ответила Лада. — Как бы ни хотелось выбраться из этой глухомани, обещания нужно держать.

Остальные не возразили. Но не успели они отойти и на десяток шагов, как увидели ковыляющего к ним местно жителя. Одежда его была довольно чистой, на ногах — крепкие лапти. Голову украшал кожаный обруч с привязанной к нему связкой сорочьих перьев. Как и встреченный ими до этого, человек обладал заметным горбом и хромал. Лада слышала о том, что в небольших глухих деревеньках, где все уже давно стали друг другу близкими родственниками, часто встречаются уродства.

Остановившись, незнакомец изобразил кривой поклон.

— Здравия вам! Я слыхал, вы с сёстрами говорили?

— И тебе не хворать, — отозвался Дроган. — Говорили, было дело.

Незнакомец улыбнулся, продемонстрировав гниющие пеньки зубов.

— Мнится, не было в том особого толку?

Воитель молча кивнул.

— Да чего тут стоять, верно ведь? Давайте ко мне, там, за жратвой, и перемолвимся парой слов.

— Нет, уж лучше здесь, — вырвалось у Лады, ещё не до конца отошедшей от тошнотворного запаха в жилище старух.

Горбун нахмурился, но затем черты его лица разгладились и на губы вернулась улыбка.

— Да, думается, знаю, чего не так. Ну, я ж не какой-то старый дед, вросший в свою

землянку. Как-никак, самый богатый я тут! Не простого роду!

— О, смотри-ка, — шепнул Мормагон. — Едва десяток дворов в деревне, а всё туда же — своя аристократия.

— И на чём же ты, добрый человек, разбогател?

— Известно, на чём! — горбун выпрямился, насколько это было возможно, пытаясь придать себе величественный вид. — Есть у меня яблонский сад! Такого ни у кого тутова нету. Вот за яблочки мои мне и платят.

— Ладно. А от нас-то чего хотел?

Горбун поманил рукой, отступая на пару шагов.

— Сюды пойдёмте. Говорить надо.

Спутники переглянулись. Дроган вздохнул и кивнул.

Яблонеый сад рос на противоположном склоне холма. Под этим гордым названием скрывались пять старых, искорёженных деревьев, на ветвях которых можно было найти едва ли пару десятков цветов.

— Представляю, каково на вкус это «сокровище», — пробормотал Мормагон.

Лада согласно кивнула.

— Но посмотри вокруг. Думаю, эта мелкая кислятина — всё равно самое вкусное, что можно найти. За это люди и готовы платить. Наверное, ещё и не едят потом эти яблоки, а выставляют у себя дома как знак достатка. Хотела бы я только знать, откуда у них взялись деньги. Или скот. Или любые другие ценности, которыми можно было бы заплатить хоть за что-то.

Землянка хозяина сада и правда была самой крупной. Впрочем, по меркам любой обычной деревни это жилище всё равно было таким скромным, что не каждый отшельник согласился бы провести в нём хотя бы ночь.

— Скажи-ка мне, добрый человек, — заговорил Дроган, пригибаясь почти вдвое, чтобы войти. — Зовут-то тебя как?

— Клином меня кличут.

— Хорошо, Клин. А в чём твоё богатство-то заключается?

Лада огляделась. И правда, обстановка здесь была такой же бедной, как и в доме у старух. К счастью, не было того запаха грязи и приближающейся смерти, который едва не сводил с ума в прошлом доме. Но и здесь смотреть было особенно не на что — те же плетёные стены, циновки на полу, лежанки. С потолка свисали странного вида не то обереги, не то украшения в виде ниток, намотанных на свёрнутые в круг ивовые прутья, к которым были привязаны пучки сорочьих перьев.

Клин стоял, нахмурившись и явно не понимая вопрос.

— Ты, может, и впрямь издалече к нам. Но за дурака-то меня держать не моги! Чай сам не видишь?

Теперь уже пришла очередь Дрогана непонимающе оглядеться. Лада, которая уже успела догадаться, что за сокровища хранил Клин, лишь усмехнулась.

— Дроган, смотри внимательнее. Вот он — признак местного достатка.

— Обереги?

— Сорочьи перья.

— У меня их так много, что и сосчитать не могу! — с гордостью сообщил новый знакомый.

У Дрогана не нашлось слов. Мормагон лишь покачал головой.

— О чём бы ты ни хотел договориться с нами, приятель, надеюсь, что ты предложишь нам что-то поинтереснее.

— О, нет! — поспешно заверил его Клин. — Купить вас у меня в мыслях не было. Тут другое. Сказать я хотел о подлых колдунах и язычниках, что водятся недалече. Среди соседей наших, сталбыть. В той поганой яме, что Лысенкой зовётся. Вы, сразу видать, люди божьи. Может, того? Выжжем богохульников под корень?

— Предложение, конечно, заманчивое, ничего не скажешь, — осторожно заговорил Дроган.

— Да уж, — в тон ему отозвался Мормагон. — Жечь еретиков и богохульников — идея не новая, но даже в такой глуши находит своих последователей.

Клин между тем уже суетился в дальней части своего жилища, доставая что-то из ниши в земле и неумело орудуя большим костяным ножом.

— Нам всё равно надо в Лысенки заглянуть, — пожал плечами Мормагон. — Почему бы и не посмотреть на этих еретиков?

— Не насмотрелся ещё? — хмыкнул Дроган. — Помню, как ты от подземелий шарахался.

— Тем не менее, он прав. Мы всё равно договорились, что идём в Лысенку. Давайте хотя бы узнаем, что нас ждёт там.

А Клин уже закончил приготовления, и взгляду путников предстал обещанный обед. С выскобленной поверхности потемневшей от времени деревянной доски на них белыми глазами уставились две склизкие рыбины. Их хвосты и плавники были неровно отрезаны, словно вырваны из тела. Мормагон быстро зажал рот и отвернулся. И даже Лада ощутила, как к её горлу подступил ком.

— Попролам поделим, должно хватить, — скалясь, сказал Клин.

— Мы не голодны, — отрезал Дроган. — Так что не так с твоими соседями?

Клин сплюнул на земляной пол.

— Падаль они, а не соседи! Мы тута в нужного Бога верим. А они — в каких-то зелёных людёв!

Клин принялся жевать рыбу. Слизь, стекая по подбородку, пачкала рубаху, но горбун, казалось, не испытывал никакого дискомфорта.

— Зелёных людей?

Дроган обернулся к товарищам. Лада пожала плечами. Она никогда не слышала о подобных верованиях. Но это было неудивительно — в отдалённых изолированных поселениях еретические учения часто принимали странные и причудливые формы. Однажды странствующие монахи рассказывали Ладе о культе чёрной свиньи, встретившемся святым отцам в их паломничестве по северным землям. Крестьяне верили, что демон в виде огромной чёрной свиньи преследовал их по лесам, и, дабы защитить себя, они приносили жертвы. Впрочем, спасти себя не удалось — посланники Церкви вскоре повесили всех жителей той деревни за поклонение демону.

— Слышал я, что энти зелёные люди приходят с топей. У лысенцев даже камень есть, где они им жертвы приносят. Взамен, вроде как, те дают защиту. Но, мнится, бесовские то происки. А больше и неведомо мне ничего. Ну так что, взгляните? Или я соберу наших, да сразу побьём супостатов жердинами?

Голос Клина понизился до хрипа. Возможно, горбун считал, что это производит впечатление на слушателей. Но он ошибался. Слишком уж комично и театрально это выглядело.

Дроган кивнул.

— Мы посмотрим на этот их культ. Спасибо за гостеприимство. Нам пора.

Клин открыл рот, чтобы ответить, но Дроган развернулся и вышел. Спутники последовали за ним. Некоторое время они шли молча, возвращаясь к перекрёстку. Когда деревня скрылась за деревьями, воитель произнёс:

— Ненавижу это в людях. Они живут здесь, на отшибе, немногим лучше зверей. В грязи и дерьме. И что они делают? Ненавидят своих единственных соседей и хотят их истребить!

— А вы разве не этим занимаетесь? — возразил Мормагон.

Лада подобралась, ожидая взрыва, но Дроган, помолчав минуту, ответил неожиданно спокойно и задумчиво.

— Отчасти, может, и так. Но я думаю, разница есть. Мы не трогаем ведьм, если те не несут угрозу. Даже мелкие культы можем оставить в покое. Поступают ли так все церковники? Конечно, нет. Но я не могу отвечать за дела братьев своих. Лишь делаю то, что должен. Чтобы мир стал лучше, чище.

— Думаю, это и отличает профессионалов, — добавила Лада. — Мы не действуем из слепой ненависти или зависти. Мы выполняем работу.

Мормагон покачал головой.

— Вы ведь не знаете, что нас там ждёт. Вдруг и правда — культ болотных тварей? Человеческие жертвоприношения? Что, если Клин прав и искренне предлагает избавить мир от скверны? Но вы уже решили, что им движет обычная ненависть к соседям. Не говорит ли в вас грех гордыни? Желание считать себя лучше этих убогих болотных обитателей?

— Поживём — увидим.

— Мне кажется, я помню зелёных людей, — послышался тихий голос.

Это говорила Ромашка. Все уже успели привыкнуть к девочке, тенью следовавшей за путниками.

— Может, Лысенка — твой дом? — спросила Лада. — Что ты помнишь?

Девочка смешно наморщила нос, задумавшись.

— Что их все боялись. Это был ужас, приходящий с болот. Никто не мог спастись от них. Если вы попадёте им, то никогда уже не вернётесь.

Слова зловещего предупреждения словно повисли в воздухе, смешавшись со зловонными испарениями топей.

Если прошлой деревне достался хоть клочок суши, Лысенке не повезло даже в этом. Поселение выросло прямо из мутной воды. Небольшие круглые жилища, сплетённые из тростника и обмазанные глиной, держались на больших сваях, уходящих в глубину болот. Между хижинами лежали простые мостки из связанных между собой кривых ветвей, в любой момент готовых обрушиться вниз. К ним вёл хрупкий на вид подвесной мост, ближний конец которого был закреплён на земле позади большого, наполовину утопленного в воде камня.

Лада рассматривала деревню, стоя на краю дороги.

— Это и есть твой дом?

Ромашка едва заметно кивнула, отвела в сторону взгляд, затем тихо произнесла:

— Но я вспомнила, что мне нельзя туда.

— Уверена, что бы ты ни натворила, родители ждут тебя.

Девочка качнула головой.

— У меня нет никого. Я одна.

— Идём. Мы тебя здесь не оставим.

Лада видела, как колеблется девочка. Её взгляд был устремлён на домишки. Хотя лицо оставалось непроницаемым, Лада чувствовала идущую внутри Ромашки борьбу. Наконец, та сделала небольшой шаг. Ещё один. Следом двинулись и остальные.

Лада подошла к камню и внимательно осмотрела его. Как и путевой камень на перекрёстке, он некогда был исчерчен символами или письменами, но теперь от них остались лишь едва различимые борозды. Множество бурых пятен покрывало шершавую поверхность. Часть из них давно засохла, другие ещё были свежи. Не оставалось сомнений — перед Ладой находился жертвенный камень язычников.

— Клин был прав. Здесь и правда приносят кровавые жертвы.

Дроган молчал, внимательно осматривая окрестности. Вдруг он сделал шаг в сторону и грозно обратился к ближайшим кустам:

— А ну вылезай! Нечего прятаться!

Кусты безмолвствовали.

— Не заставляй меня подходить и вытаскивать тебя оттуда! Не думаю, что тебе это придётся по вкусу.

В ответ растительность колыхнулась, и из неё на четвереньках выбрался грязный, исхудавший человек. Поднявшись, он оперся о короткую узловатую палку, не смея поднять взгляд. Голова его клонилась набок, то и дело вздрагивая, заставляя жидкие пряди длинных волос колыхаться волнами.

— Не бойся, — сказала Лада, выступая вперёд. — Скажи, кто ты и что здесь делаешь?

— Штриг, — ответил человек, странно растягивая слова и шепелявя. — Шлежу жа камнем. Штарошга велел. Готовлю жертвы. Режу. Рашдельваю. Не трогайте меня, я хороший. Жла никому не чиню.

— Зла не чинит, жертвы, однако, разделявает, — пробормотал Мормагон.

— А что ты приносишь в жертву, добрый человек?

— Птишки. Лягушки. Желёные люди приходят, жабирают. Уходят в топи. Наш не трогают.

— А если им ничего не оставлять? Что тогда?

Штриг нахмурился. Его голова невольно дёрнулась в очередной раз.

— Беда, — коротко ответил юродивый.

— Кажется, эти его «зелёные люди» — то ещё бедствие для деревни. Жители им не поклоняются, а скорее пытаются откупиться.

Дроган тяжело вздохнул.

— Сестрёнка, не хочешь ли ты предложить нам тащиться в топи, чтобы избавить деревню от каких-то злобных тварей? Я — не ведун, чтобы нечисть по болотам резать. Да и ради кого? Какой-то чуди?

Воитель сплюнул.

— Не ради какой-то чуди, братец. Ради неё.

Лада кивнула в сторону безучастно сидевшей в сторонке девочки. Так, будто происходящее совершенно её не касалось.

Дроган вздохнул ещё раз.

— У нас есть своя задача. Хочешь останавливаться в каждой замшелой деревеньке и пытаться спасти сырых да убогих? Всей жизни не хватит. Да и с каких пор это стало настолько важно? Сколько их было, таких? Мы делали работу и шли дальше. Что изменилось?

— То, что теперь вы можете потерять себя, — произнёс Мормагон.

Лада с Дроганом повернулись к нему. Музыкант, необычайно серьёзный и мрачный, стоял неподалёку.

— Ты о чём? — спросил Дроган.

— У каждого из вас есть свой мрак внутри. Да и у меня, чего греха таить? Раньше у вас была миссия. Цель. Высшее предназначение. Это позволяло думать, что все грехи списываются. Любые поступки оправданы. За вашей спиной стояла сила самого Создателя. Теперь вы разбиты, отвергнуты. Беглецы, на чужой земле. Будущее туманно и не определёнno. И если мы не будем творить добро, как скоро зло возьмёт над нами верх? Если мы станем отворачиваться от бед ближних, не проснутся ли чудовища внутри нас?

— Гладко стелешь, приятель, — пробормотал Дроган.

Лада задумалась.

— Он прав. Раньше мы опирались на Церковь. Теперь нам надо искать силу внутри нас.

— Создатель всё ещё с нами, — пожал плечами Дроган.

Лада взглянула на трясущегося Стрига. На смотрящую в пустоту Ромашку.

— Да, с нами...

— Раньше Стриг был обычный, — говорила Ромашка, пока путники пробирались по болоту. — Я помню его. А потом попался под копыта лошади какого-то человека, что проезжал мимо Лысенки. Тот даже не остановился, когда проломил Стригу череп. Несколько дней он лежал в бреду. А, как очнулся, уже никогда не был прежний. Теперь такой и ходит. Жаль его.

— Всех вас жаль. Скажи, ты не думала о том, что будет с тобой дальше?

— Ничего не будет. Здесь, в болотах, моя смерть.

— Не слишком ли мрачные мысли для маленькой девочки?

Ромашка пожала плечами и больше не произнесла ни слова, пока впереди не появилась цель их похода — чёрный зев пещеры.

— Это здесь?

Ромашка подумала немного и кивнула.

— Меня зелёные люди утащили, когда в деревне не оставили им жертву. Я сбежала от них и заблудилась на болоте. Так и попала к той злой старухе.

— Как они выглядят?

— Как люди. Только зелёные.

Мормагон покачал головой.

— Хорошо, — сказала Лада. — Подожди здесь, пока мы не вернёмся. Мормагон, останься с ней и лошадьми.

— Я что, за ребёнком буду следить, пока вы собой рискуете? — недовольно засопел музыкант.

В голосе его, впрочем, не чувствовалось уверенности.

— Как знать? Кто-то из этих существ может быть сейчас снаружи. Чтобы не зашли нам со спины и не напали на Ромашку, тебе лучше остаться. Это важно.

Мормагон огляделся по сторонам. Кивнул. Отворачиваясь, Лада видела, как музыкант достаёт свой топорик.

Каменная дорожка вела вверх, к пещере. Лада подошла к входу, пока Дроган привязывал лошадей, и заглянула внутрь. Узкий лаз делал пробирающихся по нему людей полностью

беззащитными против атак тех, кто мог засесть по ту сторону.

— Что там?

— Скользкий глиняный пол. Узкий проход. Если нас ждут, будет тяжело.

Дроган с сомнением осмотрел свой топор.

— Дай-ка один из твоих кинжалов.

— Почему ты не заведёшь свой? — спросила Лада, протягивая оружие. — Тебе ведь часто нужно что-то, чем удобно сражаться в ограниченном пространстве.

— Так и сделаю, — пообещал Дроган и осторожно полез в проход.

Лада зарядила самострел, перехватила его левой рукой, в правой держа незажженный факел, и отправилась за названным братом. Почти сразу же нахлынул мрак. Тяжёлый, удушающий, влажный. Он забивал лёгкие, мешая дышать, неся запахи смерти и разложения. Там, впереди, была гниющая плоть. И её было много.

Помогла ли им слепая удача, или «зелёные люди» были слишком глупы, чтобы выставить охрану, но охотники беспрепятственно проникли в первый зал. Чиркнуло огниво, и во тьме распустился огненный цветок. Дроган стоял, сжимая факел в левой руке, в правой держа кинжал. За пределами светового круга мрак оставался непроницаем. На его границе вырисовывались силуэты стен. Пещера была молодой. Каменные клыки, сталактиты и сталагмиты, ещё не успели прорасти в ней.

Дроган двинулся вперёд, обходя зал по кругу. Из темноты доносились шорохи, тихое кряхтение, глухое постукивание. Какие-то неведомые существа определённо поджидали путников во мраке. Лада не знала, насколько велика пещера. Эха было не слышно. Лишь зловещие звуки из темноты.

— А эти твари явно питаются не только мелкой птицей да лягушками, — тихо проговорил Дроган.

— Почему ты так думаешь?

Вместо ответа воитель провёл факелом, освещая высокую изгородь из костей, преградившую ему путь. Здесь угадывались и останки животных, но среди них явно виднелась человеческая челюсть.

Вдруг за пределами света почудилось какое-то движение. В сплетении костей показался на миг чей-то глаз. Моргнул и исчез. Лада успела вскинуть самострел, когда из тьмы выскочил первый нападавший. Охотница не сумела толком его разглядеть, быстро нажав на спусковую скобу. С криком боли существо отшатнулось и исчезло во мраке. Тишину зала разорвали вопли нескольких плоток. Дроган пнул изгородь, обрушивая её на засевших по ту сторону. Но другая тварь прыгнула откуда-то сверху, повиснув на его плечах. Не тратя время на перезарядку, Лада ударила её по спине прикладом, целясь по выступавшим костям хребта. Существо рухнуло на пол, извиваясь. Дроган обернулся и с размаха опустил на его шею тяжёлый башмак. Послышался хруст, «зелёный человек» дёрнулся несколько раз, затем вытянулся и застыл.

Лада видела это лишь краем глаза. Пальцы её стремительно двигались, заряжая оружие. Из темноты вынырнула голова существа. Только теперь Лада могла разглядеть его. Внешне нападавший мало чем отличался от человека, лишь лоб был ниже, а надбровные дуги чуть массивнее. Кожа и правда была болотно-зелёного оттенка. Существо набрало в грудь воздух и приготовилось что есть силы сдуть порошок со своей руки. Лада не стала дожидаться и выстрелила. Нападавший опрокинулся на спину, завывая. Порошок просыпался на его лицо. Миг, и он вдохнул предназначавшуюся для охотницы отраву, взвыл сильнее, покрываясь

быстро взбухающими волдырями, выгнулся в нестерпимой агонии. Послышался короткий хруст, зелёный человек пару раз вздрогнул и затих.

Что-то толкнуло Ладу в спину. Обернувшись, она увидела, как Дроган поймал прыгнувшее на него существо и ударил его о стену пещеры. Воитель разжал пальцы, и оно упало на пол, замерев. Дроган перевёл дыхание и огляделся, ища нового противника. И в этот миг из казавшейся твёрдой поверхности скалы с треском пробились корни. Неведомое растение схватило и оплело руку воителя. Тот дёрнулся, но порождение неизвестного колдовства оказалось сильнее. Лада видела, как оно обвивает тело брата, притягивая его к стене и пытаясь добраться до горла. Из темноты, замахнувшись заржавленным кинжалом, выпрыгнул зелёный человек, но Лада всадила стрелу ему в живот, и тот согнулся на земле.

Охотница понимала, что деревья не оживают сами по себе. Она прислушалась. Темнота жила — слышались шлёпающие по полу шаги новых врагов. Треск раздираемого камня. Но, кроме того, несмотря на ругань Дрогана, Лада уловила слова, громким шёпотом звучавшие за границей света. Подскочив к брату, Лада вырвала из его руки факел и кинула во тьму. Огненный всполох осветил невысокую фигуру в лохмотьях. С одежды её свисало множество костяных амулетов. Некоторые даже были вплетены в спутанные длинные волосы неопределённого цвета. Времени, чтобы рассмотреть ведьму, не было — Лада метнула кинжал. Он промелькнул в воздухе и ударил заклинательницу рукоятью в нос. Та вскрикнула, схватившись руками за лицо. В гаснущих всполохах пламени Лада заметила кровь, льющуюся меж пальцев. Факел почти погас, но последних мгновений света хватило Дрогану. С рёвом он освободился от оплетающих его корней, замерших, как только ведьма перестала шептать, и ринулся вперёд. На пути воителя возник один из зелёных людей, но тут же был отброшен в сторону. Дроган подскочил к ведьме. Она успела поднять к нему лицо, когда воитель, одним резким движением, рассёк ей горло.

Последний вздох вырвался вместе с леденящим душу хрипом. Хрупкая фигура осела на пол и осталась лежать. Повисла тишина. Если в пещере ещё оставались живые враги, они не спешили нападать.

Дроган стоял над телом поверженной ведьмы. Его плечи тяжело вздымались. Постепенно его обволакивала тьма, словно мрак старался поглотить воителя.

— Как в лучшие времена, — произнёс Дроган. — Это дело по мне. Охотники однажды — охотники навсегда.

Лада ничего не ответила.

— Что это за твари?

— Похоже, что обычные люди. Опустившиеся, изуродованные, но люди.

Охотница зажгла свой факел, вновь отгоняя тьму. Дроган подошёл и перевернул одно из тел носком башмака.

— Нет, — сказал он. — Не люди. Есть черта, переступив которую эти твари перестали ими быть. Идём, ведьма мертва. Здесь нам больше делать нечего.

— Пора выбираться из этих болот, — устало произнёс Дроган, сгорбившись в седле.

События последних часов сказались на его настроении не лучшим образом. В Лысенку отряд возвращался с триумфом. Думая, что избавили деревню от ненавистного врага. Староста принял чужаков без радости и сначала просто не поверил. Когда же Ладе удалось доказать, что угроза и правда миновала, болотные жители растерялись. Охотница ожидала какой угодно реакции, но не полного непонимания на их лицах.

«Как же так-то», — бормотал Стриг.

Обитатели Лысенки боялись зелёных людей и оставляли им жертвы, сколько себя помнили. Теперь, когда тех больше не было, привычный уклад рухнул. Кое-как Дрогану удалось растрясти старосту и узнать, что человек, похожий по описанию на отца Тихомира, проезжал мимо деревни несколько дней назад и направился по дороге на восток.

Последним, кого путники видели, покидая Лысенку, был Стриг. Юродивый укладывал свежих лягушек на жертвенном камне. Он покосился на Дрогана, и тут же отвернулся, недовольно пробормотав что-то себе под нос.

Смеркалось, но никто не хотел разбивать лагерь на ночь, пока вокруг не окажется сухая земля. Ромашка, вышедшая из деревни вместе с путниками, вдруг остановилась в сторонке.

— Хочешь остаться? — спросила Лада.

Девочка покачала головой. Она с грустным видом смотрела на свой бывший дом, затем вздохнула.

— Там мне места больше нет. Думаю, пора и вас покинуть.

— Куда же ты пойдёшь? — нахмурилась охотница. — Если не собираешься возвращаться домой, но хочешь от нас уйти...

Вдруг Лада осеклась. Солнце склонилось низко к горизонту. Деревья отбрасывали длинные кривые тени. А Ромашка — нет.

— Что там у вас случилось? — повернулся Дроган.

— Ромашка уходит, — глухо ответила Лада.

Девочка улыбнулась.

— Спасибо вам. Вы спасли меня, когда уничтожили болотную нечисть. Жаль, я уже не могу оставаться в мире живых. Но верю, что у вас всё будет хорошо.

Миг — и на том месте, где только что стояла их маленькая попутчица, уже никого не было. Словно ветер разогнал дымку.

— Всё будет хорошо, — повторила Лада.

Но, кажется, она и сама в это не верила.

Дроган подошёл и положил руку ей на плечо.

— Возможно, Создатель проявил к ней милосердие. В конце концов, что бы ждало девочку в этих краях? Болезни, страдания? Теперь она в лучшем из миров.

— Смерть — это милосердие Создателя? Прости, но я не хочу в это верить.

Дроган молча отошёл и вскочил в седло. Некоторое время спутники ехали молча.

Затем Дроган и произнёс свои слова о том, что хочет скорее выбраться из этих мест. И Лада была полностью с ним согласна.

Только глубокой ночью путники, наконец, покинули болото. Хотя они не могли этого

видеть, гнилостный запах, преследовавший их последние дни, пропал. Отыскав удобную опушку в стороне от дороги, странники наскоро перекусили холодным вяленным мясом, и, не разводя костёр, устроились на ночлег. Дежурили по очереди, но ночь прошла спокойно, несмотря на преследовавшее всех троих чувство, будто чей-то взгляд наблюдает за ними из темноты леса.

Утро встретило их бескрайним голубым небом и пением птиц. Словно и не было тех мрачных, нагоняющих тоску топей. Вместо тяжёлого смрада гнили в воздухе витал едва уловимый аромат полевых цветов. Солнце играло с яркой зеленью травинок, превращая их в мягкий ковёр. Лада, перед тем, как надеть с утра обувь, не смогла отказать себе в удовольствии прогуляться по нему. Погрузить уставшие стопы в тёплую землю, рыхлую и жирную.

Вернулся Мормагон, прогулявшийся до соснового бора неподалёку. Отыскав родник, он пополнил запасы воды. Лишь стремительно истощавшаяся провизия заставляла беспокоиться, тем более что и денег у отряда оставалось немного.

Хотя пейзаж повеселел, пограничье всё ещё было заброшенным, диким краем. К вечеру путники проехали мимо сожжённой, заросшей сорной травой деревни. Никто не решился остановиться в покинутых домах. Все знают — в таких местах жди беды. Если в округе не поселились падальщики, дожирающие старые останки, значит, какие-то мстительные духи отравляют её своим присутствием. Поэтому следующая ночь прошла на старой заброшенной вырубке. На земле ещё лежали поваленные некогда стволы деревьев, очищенные от ветвей, которые так никто и не пустил в дело. Зато коры для растопки оказалось вдоволь, и путники с удовольствием грелись у костра и рассказывали истории. Мормагон тихо наигрывал на лире, и, впервые за долгое время, Лада решилась спеть. Её голос был глубок и печален — не так много весёлых песен довелось ей слышать за свою жизнь. Большую их часть составляли церковные псалмы, но они были бы не слишком уместны на ночной поляне.

Наконец, сон сморил всех, кроме Дрогана, оставшегося дежурить.

«На чужой земле и травинка — враг», — пробормотал он, устраиваясь в стороне от костра с топором на коленях.

В былые времена он не раз оставался в карауле, и знал, что сидеть следует в тени. Так дозорный будет меньше замечен, а взор его не слепит свет пламени.

Лада спала спокойно. Ей снились пристально наблюдавшие за ней жёлтые глаза. И нигде нельзя было укрыться от их пристального взгляда. Когда Дроган растолкал Ладу посреди ночи, она сначала вздрогнула всем телом, но затем, узнав названного брата, даже обрадовалась возможности бодрствовать вместо того, чтобы опять тонуть в этих тягучих, вязких сновидениях. Так женщина и просидела до самого рассвета. Проснувшись утром, Мормагон был смущён тем, что ему не довелось дежурить прошедшей ночью, но Лада лишь пожала плечами.

Следующий день развеял ночные страхи. Но всё же охотница нет-нет, да оглядывалась вокруг, посматривая в темноту под густыми лапами елей. Не блеснут ли там зловещими всполохами жёлтые глаза? Но всё было спокойно. Словно и не по чужой, враждебной земле ехали путники, а по дальним рубежам своего княжества.

Но постепенно лес становился тревожнее. Зелёные пушистые ели пропали, их место заняли старые сучковатые сосны, мрачно выстроившиеся по бокам от дороги, вплотную придвинувшись к ней. Их лапы нависали над головами путников, а трава и цветы уступили место рыжему ковру старых иголок. Ближе к вечеру впереди послышался глухой стук

топоров по сухой древесине. Дорога шла вверх, лениво поднимаясь на покатый холм. Как только путники оказались на его вершине, им открылся вид на простиравшуюся на востоке долину.

Почти вся она поросла густым хвойным лесом. Дорога прорезала его, делая плавный поворот, чтобы обогнуть высокую насыпь, на которой возвышалось большое поместье. Старые рубленые хоромы, казалось, нависали над подворьем. Они были похожи на огромного паука в центре своей паутины. Неподалёку притулились маленькие хижины. Хоть и скромные, они были всё же не в пример лучше тех, что встретились путникам на болотах. На полпути, чуть в стороне от дороги, виднелась обширная вырубка. Оттуда и доносились звуки ударов и редкие выкрики крестьян. Миг, и огромное дерево с треском повалилось на землю. Люди тут же накинулись на него, словно муравьи на личинку. Быстрыми отточенными движениями они обрубали ветви и снимали кору, обнажая древесину.

Лада и её спутники двинулись вперёд.

— Тише, тише, — шептала Лада, видя, как прядёт ушами её лошадь.

Животное ступало осторожно, беспокойно оглядываясь, словно чувствуя угрозу в самом воздухе. Но тот был чист и свеж. Голубое небо без единого облачка не предвещало беды.

До вырубки добрались быстро. Заслышав глухой стук копыт по земле, крестьяне оставили работу, и мрачно косились на странников, сгрудившись возле поваленной сосны.

— Создатель в помощь! — поприветствовал их Дроган.

— Спасибо на добром слове. И вам доброй дороги, — осторожно отозвался крепкий старик, стоявший во главе отряда лесорубов.

Одет он был просто — в серую рубаху из холстины и шаровары, подвязанные обмотками. Волосы скрывала круглая шапочка. Седую бороду, доходившую до груди, стягивала широкая лента.

— Скажите-ка, добрые люди, а кому принадлежит то поместье?

Старик прищурился и беспокойно оглянулся на товарищей.

— Известно, кому. Боярину Мстиславу, долгих ему лет жизни, благодетелю нашему.

Мормагон и Лада переглянулись. Слишком уж неестественно прозвучали слова лесоруба.

— Ночь скоро. Как думаете, примет он нас на постой? Что за человек ваш боярин?

Старик, прищурившись, взглянул на солнце, уже опускавшееся за верхушки деревьев. Вздохнул.

— Верно, смеркается. Подождите чуток, вместе с нами пойдёте. Принять, думаю, примет. Ну а там — сами посмотрите. Дороги в наших краях по ночам небезопасны, да только опасностей нынче везде хватает. Вы, по всему видать, люди не местные. Так что мой вам совет — следите за каждой тенью. Ну а теперь, господари, позвольте нам работу доделать.

Кивнув, Дроган соскочил с коня и отвёл его к краю поляны.

— Что думаете? — спросил он своих спутников. — Они явно чего-то побаиваются и скрывают.

— Тут и гадалкой не надо быть, — кивнул Мормагон. — Будем осторожнее, как и советовал старик. Может, вообще обойти поместье стороной?

Лада покачала головой.

— Не хотелось бы оставлять за спиной что-то опасное и неизвестное. Кроме того, крестьяне — народ суеверный. Мало ли, что могло прийти им в голову?

— Сестрёнка правду говорит. Иной раз батраки своих хозяев чуть не душегубами выставляют.

— И часто оказываются правы.

Дроган кинул косой взгляд на музыканта.

— Не всегда. Сыграй-ка нам лучше. Глядишь, время быстрее пройдёт, да и мужикам повеселее будет работу заканчивать.

Мормагон не стал отказываться. Достав лиру, он принялся наигрывать весёлую мелодию, пока лесорубы сбивали сучья и снимали кору. Вскоре на земле в ряд лежали шесть стволов, подготовленных к разрубке. Наконец, когда тени от деревьев удлиннились настолько, что сплелись друг с другом, послышался крик «кончай работу!». Лесорубы уселись и разожгли свечные фонари. Кто-то перевязывал онучи, другие просто переводили дыхание, иные правили топоры.

— Спасибо тебе за весёлую музыку, добрый человек, — обратился один из них к Мормагону. — А наших, местных песен, не знаешь ли?

— Прости, друг, петь не обучен вовсе. Только играю. Что же до мелодий, помню одну...

И Мормагон принялся выводить протяжный, словно плачущий, мотив. Лира стонала и жаловалась на судьбу, вознося плач к темнеющим небесам.

Лесорубы притихли. Когда музыкант закончил, тот же, что благодарил его, кивнул.

— Сказ о Равнике, верно. Грустная история, не к ночи будет помянута. Но сыграно любо, за то тебе большая благодарность. Только при боярине такого не играй, не любит он эту историю.

— Ладно, темнеет уже. Собираемся, — велел старик, с которым говорил до этого Дроган. — Ни к чему в лесах на ночь задерживаться.

Мужики собрались и потянулись в сторону поместья.

— Что за история про Равнику? — спросила Лада у Мормагона.

— Ходит быличка в этих краях. Банальная история, вообще говоря. Знатный барин полюбил простую девушку, Равнику. Семья его была против, но он оставался непреклонен. И тогда его родная сестра отравила несчастную, а тело спрятала. Убитый горем, барин замуровал заживо свою сестру, а сам покончил с собой. В общем, все умерли.

— Не похоже, что она тебе нравится.

Мормагон пожал плечами.

— Крестьяне такие любят. Ну а по мне так истории не хватает изыска.

Между тем процессия подошла к насыпи. Здесь дорога раздваивалась — одна часть вела к деревне, вторая — ко двору боярина.

— Ну, здесь мы с вами простимся, — сказал шедший во главе лесорубов старик. — Нам наверх нельзя. Вам же — удачи и доброго пути. Да хранит вас Создатель.

— И с вами пусть будет его благословение, — отозвался Дроган. — Может, ещё и увидимся.

Глава отряда нахмурился, стянул с головы шапку. Затем кивнул, развернулся, и зашагал к деревне. За ним потянулись и его товарищи. Некоторые вразнобой пожелали путникам доброй дороги, но большинство промолчало.

Ведя лошадей под уздцы, Лада и её спутники направились к вершине насыпного холма. Окна погрузившегося во мрак поместья по большей части были темны, но в некоторых мелькали небольшие огоньки. Будто кто-то ходил со свечами. Приблизившись, Лада заметила на крыльце одинокую фигуру с фонарём. Высокий худой человек в красном

кафтана стоял у двери, словно ожидая гостей. И верно — стоило тем подойти ближе, как мужчина произнёс ровным глухим голосом:

— Добро пожаловать. Оставьте своих лошадей, о них позаботятся. Идите за мной, хозяин хочет видеть вас.

— Твой хозяин — боярин Мстислав? Откуда он узнал о нашем прибытии? — спросил Дроган.

— Вас было видно на дороге. Долина хорошо просматривается. Идёмте, не заставляйте хозяина ждать.

Казалось, встречавший был похож на статую, настолько невыразительными и скупыми были его движения и мимика. Поднимаясь по ступеням, Лада заметила, как из боковой пристройки появился невысокий мальчишка, и, не оглядываясь по сторонам, взял лошадей, чтобы отвести их на конюшню.

Пройдя через просторные сени, путники оказались в гридне. Вероятно, когда-то здесь пировали десятки людей, но сейчас большинство длинных столов было отодвинуто к стенам. Лишь один остался на возвышении напротив входа. За ним, откинувшись на высокую спинку резного стула, напоминавшего миниатюрный трон, сидел человек средних лет в алом кафтане, расшитом золотом. Отблески свеч играли на шитье, создавая ощущение, будто хозяина поместья охватил огонь. В левой руке он держал серебряный кубок. Пристальный взгляд был направлен на вошедших. Хотя в нём не чувствовалось ни злобы, ни призрания, Ладе стало не по себе. Будто бы порыв холодного пронизывающего ветра вдруг пронёсся по комнате.

— Привет вам, путники, — произнёс хозяин усталым хриловатым голосом. — Должно быть, вам уже сказали, что зовут меня Мстислав. Хотелось бы узнать ваши имена.

Лада поклонилась, и вслед за ней преклонили головы её спутники. Они по очереди представились, пожелав хозяину и его дому процветания. Тот кивнул, и жестом пригласил присоединиться к нему за столом.

— Голодны ли вы? Велеть ли подать ужин?

— Если не в тягость, — кивнул Дроган. — Давно ничего не едали, кроме как вяленого мяса.

Мстислав махнул рукой, и худой человек, встретивший путников на крыльце, исчез за ближайшей дверью.

— Итак, вы прибыли в мои земли с запада. Не из Миргорода ли держите путь?

Дроган кивнул.

— Отпираться не будем. Ты и сам знаешь, боярин. Говор нас выдал, да и не так много дорог, по которым мы могли бы пройти.

Хозяин усмехнулся.

— Честность твою ценю. Ну что же, будьте моими гостями. Ежели опасаетесь, что я за врагов вас приму, то не стоит. Есть в моих землях враги и пострашнее случайных странников.

— И кто же это, если не секрет? — спросила Лада.

В ответ Мстислав удивлённо поднял бровь.

— Неужели те лесорубы, что сопровождали вас сюда, не поделились? В этих землях властвуют упыри.

С этими словами боярин поднёс кубок к губам и сделал большой глоток.

— Упыри? — Лада и Дроган озадаченно переглянулись. — В смысле, бессмертные кровососы, похищающие юных дев и высасывающие из них кровь?

— Именно! — усмехнулся Мстислав. — Конечно, если верите в байки полуграмотных крестьян, которым за каждой печкой чудится кикимора, а в каждой луже — водяной. Но вы-то производите впечатление людей более просвещённых.

Мстислав отсалютовал кубком и сделал глубокий глоток. Между тем вернулся слуга, сопровождаемый тремя юношами. В руках их были подносы. Выставив на стол блюда и крынки, они удалились, не проронив ни слова. Лада, внимательно следившая за ними, заметила, что те боятся даже поднять глаза.

Сам же хозяин поместья на первый взгляд выглядел вполне расслабленно. Он откинулся назад и забросил ногу на ногу. Ворот кафтана был расстёгнут, обнажая бледную, но крепкую шею, которую пересекал неровный шрам. Лада не могла точно понять, что за оружие могло бы оставить такой. Мстислава выдавали лишь глаза — цепкие, колкие. Даже когда он улыбался, взгляд оставался, как у голодного хищника. Не было в нём никакой расслабленности. Боярин был готов в любой миг перейти к действиям.

— Мы многое повидали, — между тем сказал Мормагон, разделявая лежавшего на блюде тетерева. — Так что даже наводнившие твои земли упыри не показались бы чем-то странным.

Мстислав махнул рукой.

— Полноте, это всё лишь суеверия тёмных смердов. Не стоит верить всему, что слышишь. Особенно в этих диких землях. Вы, думается, в столицу держите путь?

Дроган открыл, было, рот, но Мормагон опередил его:

— Как дела пойдут. Мы — странствующие скоморохи. Думаю, в столицу тоже заедем.

— Это он, что ли, скоморох? — ухмыльнулся Мстислав, указав на Дрогана. — Увольте, бывалого ратника я везде узнаю. Небось, много наших посёк в минувшие войны? Ну-ну, не хмурься так. Что было — прошло. Пусть в прошлом и остаётся.

Музыкант ловко подцепил ножом кусок птицы, отправил себе в рот и запил глотком пива.

— На ваших-то дорогах — как без ладного рубаки? Сам говорил — места дикие. Вдруг упыри нападут.

Мстислав рассмеялся. Звонко и почти искренне.

— Правда твоя. Так, говоришь, скоморохи? Эх, не будь вы моими гостями, попросил бы вас показать мне что-нибудь, а то скучно здесь. Одно только и развлечение, что охота. Но гости для меня — лица священные, неволить вас не имею права.

Намёк был более чем прозрачен.

— Отчего ж неволить? Почту за честь порадовать столь радушного хозяина. Лишь достану свой инструмент.

Покопавшись в мешке, Мормагон извлёк лиру и принялся наигрывать. Какое-то время Мстислав внимательно наблюдал за ним, подавшись чуть вперёд, затем вновь откинулся на спинку и кивнул. Когда мелодия затихла, он трижды хлопнул в ладоши.

— Ты — настоящий мастер! Как называется этот дивный инструмент? Никогда не встречал такого.

— Он называется «лира», боярин. Благодарю тебя за похвалу.

— Лира? — Мстислав задумчиво почесал подбородок. — Не разбираюсь я в музыке, честно признать, но мне казалось, что выглядит она иначе.

— Это — кернанская лира, боярин. На ней играют смычком, а не пальцами. Древний инструмент, доставшийся мне от моего достойнейшего предка.

— И весьма ценный, должно быть?

Мормагон пожал плечами.

— Если говорить о деньгах, то да, несомненно. Но для меня он не имеет цены. Это — часть моей истории, моей сущности. Насколько высоко ты оценил бы свою руку или ногу? Вот так же и я отношусь к этому инструменту.

Музыкант провёл пальцами по изгибу лиры. Нежно, словно по коже любимой женщины. Мстислав проследил за его движением. Взгляд боярина был задумчив и словно погружён в прошлое.

— Да, — тихо произнёс хозяин поместья. — Я понимаю.

Затем, встrepенувшись, он вернулся из краткого погружения в омут памяти и вновь улыбнулся, холодно растянув губы.

— Что ж, музыкант, спасибо, что развлёк. Я бы предложил тебе остаться при мне, обещав кров и стол, но знаю, что волка на цепь не посадишь, — он помедлил, пристально взглянув на Мормагона, словно оценивая, затем закончил: — а жаль. Ну а ты, прекрасная дева? Поёшь, танцуешь?

— Я неплохо метаю кинжалы.

Всё это время Лада сидела прямо, так и не притронувшись ни к еде, ни к выпивке. Она внимательно следила за хозяином. Тот, услышав её слова, вытянулся, как гончая, почуяв зайца.

— Великолепно! Как-то, будучи в Чуди, при дворе князя Витольда, я видел выступление уличного метателя ножей. Он поставил яблоко на голову мальчишки и метал в него ножи, один за другим. Вот это было представление, я вам скажу!

— Выступление было удачным? — спросил Мормагон, делая глоток. — Мальчик не пострадал?

— Он остался цел. Хотя, признаюсь, попадание лезвия в его глаз было бы эффектным завершением номера. Но то — дело прошлого. Не окажешь ли честь, госпожа, продемонстрировав своё мастерство?

— Как будет угодно боярину.

Мстислав громко хлопнул в ладоши. На его зов беззвучно возник слуга.

— Приведи Анежку! У нас остались яблоки с прошлого года?

— Нет, господин.

— Ладно, что-нибудь придумаем. Знаю! Неси мой старый охотничий бурдюк.

Лада наморщила нос. Ей не нравилось, куда всё идёт, но отказываться было поздно. Вскоре привели Анежку — болезненно худую молодую девушку с короткими светлыми волосами. Наполнив бурдюк, Мстислав велел служанке положить его себе на голову и встать возле стены.

— Тот метатель ножей, о котором я говорил, попадал в цель с двадцати шагов. Сможешь ли повторить?

Лада поднялась и молча достала кинжал. От её места до девушки было шагов двадцать пять. Охотница поймала взгляд Анежки. В нём не было ни искры жизни, словно вся она без

остатка ушла, оставив лишь пустую оболочку. Служанка смотрела так, будто не имело значения, попадёт ли кинжал в бурдюк, облив её пивом, или в голову, прервав бытие. На миг Лада задумалась, не сделать ли это специально. Мстислав вряд ли будет недоволен. Скорее всего, лишь посмеётся, решив, что Лада специально для него устроила то «эффектное завершение номера», которого он не увидел в прошлый раз.

«Смерть — это милосердие создателя?»

Лада вскинула руку и отточенным движением послала кинжал вперёд. Тот с глухим стуком вошёл в стену, пригвоздив бурдюк. Поток пива хлынул на голову девушки.

Мстислав захлопал.

— Великолепно! Что ж, сегодня вы продемонстрировали подлинное мастерство. Думаю, в Чуди вас будет ждать успех. Возможно, весть о нём докатится и до нашего края. Ты можешь идти!

Боярин махнул рукой, и вымокшая девушка молча покинула зал. Лада подошла и вытащила из стены кинжал, кинув бурдюк на пол.

— Что ж, — Мстислав опустил на стул, хлопнув ладонями по столешнице. — Надеюсь, я не доставил вам неудобств своими просьбами.

— Совершенно нет, — заверил его Мормагон.

— В таком случае, вас проводят в покои на ночь. Вижу, вы закончили трапезу и не прочь отдохнуть с дороги. Я велю подать в ваши комнаты нагретую воду.

Хлопок — и вновь бесшумно, словно призрак, возник слуга. Откланявшись и пожелав хозяину доброй ночи, путники последовали за ним к полутёмным переходам поместья. Выходя, Лада обернулась. Видимое в профиль лицо Мстислава застыло, словно восковая маска. На полированной поверхности кубка плясали отражения свечных огоньков.

Лада проснулась среди ночи от нестерпимой жажды. Откупорив бурдюк, она убедилась, что воды в нём совершенно не осталось, и обругала себя за то, что не додумалась заполнить его накануне.

Комната, в которую её определил слуга боярина, имя которого она так и не узнала, была роскошной для дикого пограничья. Массивные брёвна, из которых сложили стены, матово поблёскивали полировкой и лаком. Пол покрывала прекрасно выделанная шкура медведя. А на добротной кровати могли бы с комфортом устроиться два человека. Перины и подушки тоже были великолепны — белые, как снег, и набитые мягчайшим пухом.

Откинув одеяло, Лада спустила ноги на пол. Тёплый ветерок из раскрытого окна легко коснулся её кожи, принеся аромат хвойного леса. Природа радовала по-летнему хорошей погодой. Женщина накинула на себя плащ, подошла к окну и невольно залюбовалась залитым лунным светом двором. Вокруг стояла первозданная тишина. Лада замерла, наслаждаясь видом, пока картина вдруг неуловимо не изменилась. Охотница не сразу заметила движение, но, присмотревшись, увидела двоих людей, неслышно шедших по дороге по направлению к поместью. Одним из них был уже знакомый слуга боярина. Его спутницей — молодая девушка, почти девочка. Она шагала, словно во сне — слегка подволакивая ноги и не оглядываясь по сторонам. Голова безвольно свешивалась вперёд, но каждый раз, когда девушка готова была оступиться, слуга Мстислава аккуратно поддерживал её, не давая упасть. Лада отступила во мрак комнаты и затаилась. Полуночные визитёры прошла к центральному крыльцу, и исчезли в доме.

«Что ж», — подумала Лада. — «Боярин явно не тратит ночи понапрасну».

Пару мгновений она размышляла, не прокрасться ли в гридню, чтобы проследить за гостьей, но потом откинула эту мысль. Негоже гостям шпионить за хозяином. С этими мыслями она вернулась в кровать. Мучившая её некоторое время назад нестерпимая жажда прошла сама собою. Вскоре Лада уже погрузилась в глубокий сон.

Утро встретило пением птиц. Лада лежала на спине, уставившись в потолок, когда услышала стук в дверь.

— Кто там?

— Боярин Мстислав распорядился подать вам завтрак в гридне. Служанка принесёт воды. Как будете готовы — спускайтесь.

Лада заверила, что непременно так и сделает. Спустя пару мгновений она услышала, как слуга стучится в соседнюю дверь и отвечает на вопрос сонного Мормагона.

Охотница поднялась, прочитала утреннюю молитву, и размяла мышцы. К концу разминки раздался лёгкий скрип петель, и служанка внесла бронзовый таз с чистой водой. Ополоснув лицо и тело, Лада оделась и вышла в коридор, где её уже ждал Дроган. Музыканта не было видно.

— Как прошла ночь? — спросил воитель.

— Чудесно. Давно я так хорошо не выспалась. Кстати, у нашего хозяина ночью была гостья.

Дроган хмыкнул и пожал плечами, показывая, что это — не его дело. Вдруг он нахмурился и ткнул пальцем в висящую на стене шпалеру.

— Вчера этого здесь не было.

Лада подошла и провела рукой по ткани.

— И правда, необычная. Кажется, это тканая картина. Я не встречала у нас таких. Смотри, как прекрасно сделана. Вроде бы напоминает этот дом?

— Точнее, западное крыло, — послышался голос Мормагона.

Он уже вышел из комнаты, и некоторое время стоял на пороге, прислушиваясь к разговору друзей.

— Ну и бес с ней, честно говоря, — подвёл итог Дроган. — Идёмте, есть больно охота.

Идти было недалеко. Гостей поселили прямо над гридней, и чтобы попасть в неё, достаточно было спуститься по лестнице.

— Странно, что нас предоставили самим себе, — пробормотал Мормагон.

— Хозяин же сказал вчера — «дикое пограничье». Здесь, видать, свои порядки, — отозвался Дроган.

В свете утра зал выглядел более запущенным. Заметна была скопившаяся по углам пыль, облезшая краска на стенах. Лада удивилась тому, какой контраст составляет состояние гридни с гостевыми комнатами. Мстислава нигде не было видно, лишь тенью в углу замер его слуга. Дроган остановился на входе, и его спутники, шедшие следом, вынуждены были столпиться за его спиной.

— Хозяин не почтит нас своим присутствием? — Дроган старался говорить безмятежно, но Лада уловила нотки подозрительности в его голосе.

— Боярину нездоровиться с утра. Вчера он засиделся допоздна и просит вас простить его отсутствие.

Дроган двинулся вперёд, гости расселись за столом.

— Прямо как упыри из его рассказа, а? — не унимался воитель.

Слуга промолчал.

На столе, накрытые чистой белой тканью, стояли расписные тарелки, блюда с ещё тёплым, ароматным хлебом, да крынки с водой и пивом. Вчерашняя жажда вдруг вернулась к Ладе, и она спешно утолила её.

— Так значит, боярин засиделся допоздна? — спросил Мормагон.

Но не получил ответа, и продолжил с насмешкой:

— Что ж, по такому поводу грех не засидеться. Видел я его полуночную гостью. Такой и я бы посвятил всю ночь.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, — ровным голосом ответил слуга.

— Как? — удивился музыкант. — Разве не сам ты привёл вчера прекрасную юную барышню?

«Значит, он и правда видел, а не просто услышал мои слова возле спален?», — подумала Лада.

Но слуга лишь холодно проронил в ответ:

— Должно быть, тебе приснилось. Никто не приходил и не выходил из поместья этой ночью.

Лада невольно подняла бровь и поймала растерянный взгляд Мормагона. Им не могло присниться одно и то же. Но затем музыкант усмехнулся.

— Конечно же, я никого не видел. Должно быть, и правда показалось, — и добавил, наклонившись к уху Лады, — пусть его. У всех свои секреты. Вероятно, боярин не хочет, чтобы кто-то знал о его связи с простолюдинкой.

Лада кивнула и разрежала хлеб. Затем заговорила сама, желая сменить тему и избежать неловкости.

— Прекрасное расшитое полотно вы повесили напротив моей двери. Чья это работа? Она чудесна.

Слуга замешкался с ответом. На миг Ладе показалось, что он снова промолчит. И будто вовсе не понимает, о чём идёт речь. Но затем всё же произнёс:

— Это — старая работа. Мне нечего о ней сказать, но я рад, что она понравилась гостям.

Лада промолчала. Но она, хоть и не особенно разбиралась в этом, готова была поклясться, что полотно выткали едва ли не вчера.

— Слуга что-то недоговаривает, — убеждала Лада, когда все спутники собрались в её комнате. — Здесь происходит нечто странное. Надо это выяснить.

Дроган глубоко вздохнул.

— Сестрѣнка, ты опять привязываешься к мелочам. Я не вижу тут ничего подозрительного. Боярин пустил нас на ночлег, а ты готова начать охоту на ведьм?

Лада махнула рукой в лёгком раздражении.

— Назови это чутьём, но, клянусь тебе, тут что-то нечисто! Допустим, Мормагон прав, и боярин не хочет, чтобы кто-то знал о его связи с крестьянской девушкой. Но она совсем не выглядела как та, кто идёт на свидание! Да она едва не засыпала на ходу!

— Что же ты хочешь сказать? — проронил Мормагон, закидывая ногу на ногу. — И правда здесь живут упыри?

Лада покачала головой.

— Думаю, историей об упырях боярин пытался отвлечь нас. Но здесь и правда

происходит что-то.

— И чего ты хочешь?

Лада задумалась.

— Помнишь ту шпалеру, что висела напротив моей двери?

Дроган кивнул.

— Ту, что загадочно исчезла, пока мы завтракали? Да, помню.

— На ней было изображено поместье. А в самом центре полотна находилось одно окно. Думаю, кто бы ни сделал эту вышивку, он пытался передать нам послание. Нужно искать там, в комнате западного крыла.

— Да, вот это окно, — указал Мормагон, прищурив один глаз от яркого солнечного света.

Лада и её спутники делали вид, что прогуливаются по двору, осматривая поместье.

Яркий солнечный свет щедро заливал землю, и даже мрачная стена сосен казалась более приветливой, чем накануне вечером. Лёгкий тёплый ветерок доносил отзвуки крестьянской песни и, совсем слабый, стук топоров по древесине. С утра работа уже кипела — жизнь крестьянина начиналась с рассветом, и заканчивалась поздним вечером. Эти крепко сбитые, привычные к тяжёлому труду люди, проводили так всю свою жизнь. Они были подобны колосьям, что взращивали на своих полях — быстро вырастали, чтобы затем попасть в грубые жернова смерти. Только и оставалось им, что уповать на блаженство в загробной жизни. И покой, что они не могли обрести в жизни земной.

Лада услышала тихое ржание и повернулась. Это её конь, узнав, потянулся к хозяйке. Ему не терпелось уже вновь отправиться в путь.

«Вперёд, к новым местам и дорогам!», — словно говорил он.

Женщина подошла к животному и погладила его за ухом, улыбнувшись конюху, расчёсывающему гриву. Тот не ответил на улыбку, взглянул исподлобья, и сдвинулся в бок, укрывшись за крупом.

— Как тебя зовут? — спросила Лада.

— Орм, сударыня, — коротко ответил дворовой мальчишка.

— Хорошо тебе здесь живётся, Орм?

В ответ послышалось сопение.

— Милсдарыня, прошу, не отвлекай меня. Живётся тут привольно, боярин Мстислав мне как отец родной. Взял к себе меня, безродного сироту. По гроб ему благодарен буду. А теперь, прости, мне надо работу делать.

Лада потрепала коня за ухом и вернулась к товарищам. Было件нятно, что из мальчика вряд ли получится выжать хоть каплю информации.

— Что узнала? — с любопытством спросил Мормагон.

— Что боярин Мстислав — прекрасный человек. Почти родной отец.

Дроган кивнул.

— И при этом звучало так, будто парень эти слова произносил уже десятки раз?

— Не без этого, — согласилась Лада.

— Думается, местные не будут нам помогать. Кто-то наверняка против барина — ведь вывесили же ту картину! Да только некогда нам искать иголку в стоге сена. Не ровен час, попросят нас отсюда.

— Попробуем добраться до той комнаты?

Дроган медленно окинул взглядом двор. Пара прачек вывешивала на шестах выстиранное бельё. Конюх расчёсывал лошадей. Других слуг не было видно.

— Странно. Ни одного дружинника не видать. Лишь горстка слуг. Попасть в ту комнату труда не составит, но ты была права — что-то здесь не так.

Не таясь, спутники вернулись в поместье. Солнечный свет показал многое, что до того было укрыто густыми тенями. Ныне было заметно, в каком плачевном состоянии находилась большая часть дома. Доски пола потемнели от грязи и пыли, местами прогнили от старости.

Потолок над очагом был и вовсе чёрным от въевшейся сажи. Краска на стенах, некогда яркая, растрескалась и облезла. Едва ощутимый запах сырости и гнили, не замеченный накануне, пропитывал воздух. Хотя за жилыми помещениями, очевидно, следили, немногочисленных слуг явно не хватало, чтобы поддерживать и остальную часть дома в надлежащем виде.

Преследуемые тихим скрипом половиц, охотники почти добрались до нужного коридора, когда откуда-то вдруг появился личный слуга боярина Мстислава. Он словно вырос из воздуха, почуяв, что гости направляются туда, где им находиться не следовало.

— Могу я чем-то вам помочь?

Выражение его лица, как обычно, оставалось непроницаемым. Словно оно было высечено из камня.

— Мы лишь осматривали дом, — улыбнулся Мормагон, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее. — Раз уж хозяин позволил нам ходить, где угодно, мы решили воспользоваться возможностью! Это поместье — воплощённая история! Готов поспорить, оно видело немало всякого за прошедшие столетия. Ведь это место явно очень древнее, так?

Не помогло. На лице слуги не дрогнул ни один мускул. Он чуть склонил голову, подтверждая слова музыканта, но голос его оставался холоден и твёрд.

— За этим коридором — личные покои хозяина и его семьи. Будьте добры осматриваться в другой части дома. Он действительно довольно большой и старый. Вам есть, на что посмотреть.

— Не думаю, что выдержу эту прогулку, — мгновенно сориентировалась Лада. — С утра у меня ужасно болит голова. Так бывает иногда. С того раза, как я ударилась головой на кладбище в Миргороде. Прошу меня простить, я отправлюсь в отведённую мне комнату.

— Госпоже нужна какая-либо помощь?

— Нет, благодарю. Мне нужно просто отдохнуть. Но, уверена, мои спутники оценят твоё предложение показать им поместье.

— Верно! — подхватил Мормагон. — Нам бы не хотелось вновь зайти куда-то, куда заходить не следует.

— В таком случае — решено. Надеюсь потом послушать рассказ о том, что вы узнали. Доброй прогулки.

С этими словами Лада развернулась и отправилась к себе. Она была уверена, что друзья займут личного слугу Мстислава на некоторое время. Достаточно для того, чтобы добраться до загадочной двери. Но всё же следовало торопиться — тот вполне мог отправить кого-то из младших слуг под благовидным предлогом присмотреть за болеющей гостьей.

Как только голоса и скрип шагов стихли, Лада выбралась из покоев и отправилась искать комнату с загадочно пропавшей шпалеры. Пройдя по крытой галерее, в левой стене которой находился ряд окон, она остановилась у двери. Крайней в ряду. Дальше по коридору шли ступени вниз, а сам проход заворачивал направо, огибая комнату. На повороте, на самом углу, в нише, стояла статуя в человеческий рост, изображавшая молодую женщину. В отличие от окружавшей её обстановки, она была идеально чиста, словно скульптор лишь недавно закончил свою работу.

Оглядевшись вокруг, словно вор, забравшийся в дом, пока хозяин в отъезде, Лада толкнула дверь. Та не шелохнулась. Внимательно осмотрев её, охотница обнаружила едва заметную, скрытую от постороннего взгляда замочную скважину. Даже не видя механизма, Лада поняла, что он был изготовлен с редким мастерством — слишком уж тонкий ключ к

нему подходил. Даже в столице нечасто можно было встретить подобные устройства. А уж столкнуться с ним в пограничных землях и вовсе было неожиданностью.

«Что бы ни находилось по ту сторону, для Мстислава это имеет огромное значение», — решила Лада.

Подняв руку, она тихонько постучала. Сначала ответом ей была лишь тишина. Но затем женщина услышала тихие шаркающие шаги. Кто-то прислонился к двери с другой стороны.

— Кто здесь?

Голос был слабым, надтреснутым. Судя по всему, говорила старуха.

— Мы нашли полотно, на котором было вышито окно этой комнаты, — тихо произнесла Лада. — Вам нужна помощь?

— Да, да! — неведомая собеседница зачастила, извергая лихорадочные потоки слов с необычайной скоростью. — Послушайте меня, вы — последняя моя надежда! Помогите сбежать отсюда! Не медлите! Потом нам нужно вместе покинуть эти места, как можно скорее! Мстислав — чудовище! Чудовище! Чем дольше вы здесь остаётесь, тем сильнее опасность для нас всех!

Несколько раз Лада пыталась спросить, кем является загадочная собеседница, но та лишь продолжала судорожно твердить своё. Охотница уже отчаялась получить хоть какие-то ответы на свои вопросы, когда с той стороны, откуда она пришла, послышались звуки шагов. Быстро попрощавшись, Лада скользнула дальше по коридору и затаилась в нише за статуей. Неожиданно для неё пространство оказалось гораздо больше, чем казалось с расстояния. Отступив на пару шагов, Лада поняла, что перед ней — тайный проход, начинавшийся за постаментом. Полностью скрытый темнотой, он уходил в таинственные глубины поместья. Лада отступила в него, слушая, как приближается глухой стук чьих-то башмаков по доскам пола. Наконец, кто-то подошёл к двери и остановился там, где только что стояла она сама. Ещё слышалось приглушённое бормотание неизвестной пленницы. Похоже, пришедший некоторое время прислушивался к нему, затем отправился дальше, пройдя мимо укрытия Лады. Спрятавшись глубоко в тених, чтобы не быть случайно обнаруженной, она могла лишь видеть, как промелькнул красный кафтан. Шаги замедлились возле статуи, но затем вновь ускорились и постепенно замолкли вдалеке. Скрипнула и хлопнула дверь.

Лада продолжала сидеть, укрытая во мраке. Некоторое время она колебалась, вернуться ли ей к двери, или исследовать коридор, не имея никаких источников света. Затем любопытство взяло верх, и женщина всё же решила попробовать. Коснувшись левой рукой стены, она развернулась, и направилась в неизведанные тёмные глубины дома. Лада шла осторожно, мелкими шагами, выставив перед собой вторую руку. Однажды эта предосторожность помогла — что-то липкое и мерзкое коснулось пальцев. Крохотные лапки пробежали по ладони. Лада не хотела и думать о том, что это было. Поборов нарастающую панику, она продолжила шагать вперёд. Однажды ей попались несколько ступенек, о которые она чуть не споткнулась. Несколько раз коридор повернул под прямыми углами. Теперь Лада уже совершенно не понимала, где находится. Оставалось лишь идти вперёд и надеяться на удачу. Вокруг стояла совершенная тишина, не прерываемая даже шорохом мышей — частых обитателей подобных мест. Временами накатывало чувство, будто уже и не по старому дому она бредёт, а спускается в само царство вечного безмолвия. Туда, где нет места жизни и свету.

Коридор закончился неожиданно. Выставленная рука упёрлась во что-то твёрдое, перегородившее путь. Ощупав препятствие, Лада почувствовала под пальцами древесные

волокна. Запах сырости и пыли подсказывал, что дверь эта была заброшена, должно быть, десятки лет. Охотница ударила плечом. Дверь чуть сдвинулась с коротким стоном, будто просыпаясь от долгого и тревожного сна. Лада поднажала ещё раз, и ещё, и вот уже её стройная фигурка смогла протиснуться в образовавшийся проём.

Комната была небольшой. Лада не могла видеть её целиком, но тусклый рассеянный свет вырисовывал очертания предметов. Лучи солнца с трудом пробивались сквозь заколоченное и занавешенное окно в дальней стене. Охотница огляделась и медленно обошла жилище. Оно, несомненно, принадлежало женщине. Столик с зеркалом в углу, на котором до сих пор лежал потемневший от времени серебряный гребень. Давно иссохшие цветы в вазе. Другие мелочи, выдававшие присутствие женской руки в былые времена. Всё это было покрыто слоем пыли, вьёвшейся в предметы за прошедшие десятилетия.

Наконец, Лада остановилось возле висящей на стене ткани. Под ней угадывались очертания не то ещё одного, огромного, зеркала, не то картины в полный рост. Протянув руку, Лада стянула ткань, открывая прекрасно сохранившееся, хоть и немного поблекшее полотно. С него смотрел хозяин поместья, или кто-то, поразительно на него похожий. Рядом с ним, держа его за руку, замерла молодая девушка в простом сарафане, так странно и чуждо смотревшемся рядом с богато украшенным кафтаном Мстислава.

Лада отошла к окну. Она чувствовала — то, что изображено на картине, важно. Нужно было дать свету проникнуть в комнату, и Лада, что было сил, потянула на себя одну из досок, закрывавших окно. Безрезультатно. Достав кинжал, она просунула его в щель, и попыталась расшатать. Лада тянула и тянула, что было сил, пока ветхое дерево, наконец, не переломилось с треском, залив комнату светом. На миг Лада ослепла, когда яркие лучи резанули её по глазам. Подавив желание выругаться, она повернулась и медленно побрела обратно к картине. Дав зрению привыкнуть к вернувшемуся свету, она подняла взгляд.

Сомнений не было. На картине был именно Мстислав. В глазах его сияла искренняя радость. Та же, что отражалась на приятном, кротком лице его избранницы, в котором Лада теперь без труда узнала лицо статуи перед входом в тайный проход. Стоило лишь посмотреть этих двоих, стоящих рядом, чтобы понять, какие отношения связывали молодых людей.

Лада подошла ближе и наклонилась, чтобы прочесть неприметную алую надпись в самом углу, у рамы.

«Лето Создателя нашего тысяча двести двадцать шестое».

Быстрым шагом вернувшись назад, Лада приставила на место оторванную доску. Пора было выбираться назад и поговорить с друзьями. Может, Мстислав не лгал — в этих землях вовсе нет упырей, и они — лишь крестьянские сказки.

Но не может быть такого, чтобы люди не менялись на протяжении сотни лет.

Лада слишком торопилась на пути обратно и не смогла избежать падения на злополучных ступеньках в темноте. Похрамывая, она добралась до выхода из коридора и замерла, прислушиваясь. Но вокруг было тихо. Лишь едва слышно доносилась песня крестьянских женщин от подножья холма.

Выбравшись, Лада поспешила к друзьям, надеясь, что они уже вернулись и ждут её. Мимоходом оглядев себя, охотница убедилась, что вся одежда покрыта пылью и паутиной.

«Только бы не попался кто-нибудь по дороге!»

Но, видимо, людей в поместье было и правда немного. На пути не встретилось ни

домашних слуг, ни зловещего помощника боярина. Без препятствий Лада добралась до своей постели, рухнув на неё и прислушиваясь к боли в колене. Дав ей немного утихнуть, Лада поднялась и первым делом очистила себя от грязи, насколько смогла. Затем проверила комнаты своих товарищей. Там было пусто, но вскоре послышались шаги, и Лада в последний момент укрылась за дверью.

— Благодарим за прогулку! — раздался голос Мормагона, приглушённый деревом. — Было очень познавательно! Такую богатую историю нечасто встретишь в пограничных поместьях! Удивительно, что при всех войнах и бурных перипетиях истории вы смогли сохранить свои земли нетронутыми!

Кажется, его собеседник что-то ответил, но так тихо, что слов было не разобрать.

— И тебе доброго дня! Думаю, завтра утром мы уже покинем ваши благословенные земли и отправимся дальше. Да пребудет с тобой благодать Создателя!

Снова тихий ответ и удаляющиеся звуки шагов.

— Проверь, не воротилась ли Лада, — велел Дроган.

— Я здесь, — отозвалась охотница, чуть приоткрыв дверь.

Увидев её, Дроган не смог сдержать усмешку, а Мормагон открыто рассмеялся.

— Прости, — тут же осёкся он, взглянув на выражение лица охотницы. — С тобой всё в порядке? Выглядишь так, будто женское естество твоё не смогло противиться природному влечению, и ты решила изгнать нечестивую пыль и грязь из дома, в котором мы нашли кров и пищу.

— Господь завещал нам «не убий», — мрачно проронила Лада. — Но, кажется, ничего не говорил насчёт «не давай в зубы ближнему своему».

— Он велел возлюбить ближнего, как самого себя, — напомнил музыкант.

— А я любя, — пообещала охотница, сжимая кулак.

Между тем Дроган прошёл к своей поклаже и, порывшись в ней, вытащил тряпку. Смочив её водой из бурдюка, протянул Ладе.

— Остынь. Приведи себя в порядок, чтоб не вызвать подозрений. Потом я попрошу у слуг воды. А пока рассказывай, что нашла.

Протирая одежду и лицо, Лада коротко поведала о том, что успела узнать за это время. Когда рассказ подошёл к концу, Дроган скрестил руки и прижался спиной к стене.

— Может ли быть так, что женщина, запертая в комнате, это та же, что изображена на картине?

Лада пожала плечами.

— Кто её знает? В любом случае, не думаю, что мы чего-то добьёмся от неё.

— Смогла бы эта сумасшедшая старуха выткать полотно, которое подсказало, где её искать? — спросил Мормагон.

Ладе оставалось лишь развести руками.

— Так много вопросов. Так мало ответов.

— Лада, — Дроган сделал паузу и внимательно посмотрел на названную сестру. — Та женщина говорила, что Мстислав — это зло. Боюсь, нам придётся удостовериться в этом.

— Что? — спросила Лада, нахмурившись. Затем поняла, куда клонит брат и запротестовала: — Нет! Нет, я не буду этого делать, должен быть другой способ!

— Времени мало. Скоро нас выгонят отсюда за то, что шастаем, где ни попадя. Поторопиться нужно.

Лада яростно скребла одежду тряпкой.

— Что происходит? — решил уточнить Мормагон.

— Он предлагает мне воспользоваться моими способностями. Сотворить заклинание прорицания.

— Так в чём проблема? Я видел, как ты это делаешь.

Охотница покачала головой.

— То были лишь мелкие фокусы. Прорицание — это уже серьёзно. Я не хочу прибегать к нему.

— Да почему же?

— Из-за того, чем является магия, понятно? — выкрикнула Лада, поднимаясь на ноги и отходя к окну.

Она обняла себя руками, и некоторое время следила за солнечным лучом, пронзившим набежавшее облачко. Постепенно охотница успокаивалась. Её спутники молчали. Наконец, Лада продолжила.

— Так получилось, что магия — часть меня. Я откуда-то знаю, как формировать заклинания. Люди боятся подобных мне, и не просто так. Но среди священников есть и другие, кто разбирается в этих материях лучше, чем позволено обычным людям. От них я и узнала, что топливом для магии служат души людей, попавших в Навь после смерти. Понимаешь? Магия буквально пожирает их.

Мормагон выглядел поражённым.

— Магия пожирает души людей? — переспросил он. — Ты уверена в этом? Любая магия?

Лада никогда до этого не видела музыканта таким серьёзным и сосредоточенным. Он хмурился и потирал подбородок, погружившись в свои мысли.

— Так мне сказали книжники. Уверена, они хорошо разбираются в этом вопросе, и не стали бы мне лгать.

— Чего это ты так забеспокоился? — спросил Дроган.

— Это ужасная и пугающая новость, как по мне. А ты знал об этом?

Воитель усмехнулся.

— Моя названная сестра — ведьма. Конечно же, я знал.

— Не смей называть меня ведьмой. Ты знаешь, что я этого не люблю. И стараюсь не пользоваться своими способностями без необходимости. Я и сейчас не вижу причины для сотворения такого серьёзного заклинания.

— Она права, — рассеянно сказал Мормагон. — Нам ведь не обязательно знать, действительно ли боярин Мстислав — злобный выродок. Мы можем просто освободить запертую в комнате женщину, и тогда он обязательно проявит себя.

Дроган покачал головой. Подошёл к кровати и поднял походный мешок.

— Так-то мы оплатим за гостеприимство. Ладно, если он и правда — чудовище, поделом ему. Но нам придётся быстро уходить. Не забывайте — он всё же боярин, а не какой-то оборванный бродяга. К тому же, мы на чужой земле. Мормагон, отправляйся в конюшню и подготовь лошадей. Мы с Ладой разберёмся — и к тебе.

Призыв к действию выдернул музыканта из состояния задумчивости. Шутливо отсалютовав, он повернулся и вышел за дверь.

— Идём. Заберёшь свои вещи.

Лада последовала за Дроганом. Ненадолго заглянув в комнату, где провела ночь, она прихватила мешок и присоединилась к названному брату.

— Не попался бы кто по дороге. Выглядим мы нынче очень уж подозрительно, — проворчал воитель.

Им повезло. Коридоры были пусты. Не было слышно ни голосов прислуги, ни шагов. Даже песни крестьян стихли. Лишь беззаботно щебетали где-то за окном птицы и гудели насекомые. Запах старого дерева смешивался с ароматом цветов, приносимым лёгким ветром снаружи, создавая неповторимое, странное сочетание. Словно жизнь и смерть переплелись в этом доме в тесный, неразрывный клубок.

Хотя за окном было ещё светло, коридоры плотно оплетала паутина теней. Солнце понемногу начало клониться к закату.

— Вот эта дверь, — указала Лада.

Дроган кивнул, подошёл к ней и внимательно осмотрел замок.

— Староместная работа. Узнаю руку тамошних мастеров. Так просто его не вскрыешь.

— Что ты предлагаешь?

Пальцы Дрогана скользили по древесине.

— Любопытно. Эту дверь явно не единожды ломали. Кажется, что эта железная

накладка — для усиления, однако она просто закрывает трещины. Смотри, вот тут. Даже гвозди еле держатся. Дай-ка свой кинжал.

Лада вздохнула, протягивая оружие.

— В который раз говорю — заведи уже свой.

Дроган оставил её жалобу без внимания. Он аккуратно поддел накладку остриём, затем потянул рукоять на себя. Железная пластина недолго сопротивлялась натиску — гвозди почти сразу выскочили из короба вместе с куском древесины. Перед глазами охотников предстал ничем не прикрытый язычок замка. Дроган поддел его кинжалом и толкнул дверь. Та, протяжно застонав, отворилась.

Внутри царил полумрак. Стоило Ладе перешагнуть порог, как она задохнулась от пыли и запаха нечистот. Если коридоры местами были просто неухоженными, то здесь грязь властвовала безраздельно. Она въелась в пол, стены, и даже потолок. Плесень покрывала едва не каждую деревянную поверхность. По полу были раскиданы полусгнившие остатки еды, невесть когда упавшие на него.

Единственным предметом обстановки здесь было массивное кресло с высокой спинкой. Оно стояло прямо посреди комнаты. Даже в полумраке было видно, что и его постигла общая судьба этого места. Ткань свисала клочьями, обнажая нутро, откуда, словно внутренности смертельно раненного животного, вываливался служивший набивкой конский волос.

Рядом с ним, прикованный к ножкам длинной железной цепью, лежал труп. Он невидящими глазами смотрел вверх. В пустоту.

Но стоило Ладе сделать несколько шагов вперёд, как тело моргнуло и повернуло голову. С проворством, неожиданным для такого жалкого состояния, оно рванулось к охотнице.

— Осторожно! — крикнул Дроган, отталкивая названную сестру и поднимая топор.

Кинжал, который он держал в руке, со стуком упал на пол. Но существо и не думало нападать. Взвизгнув, оно отпрянуло и спряталось за кресло. Цепь глухо протащила по полу следом за ним.

— Пощады! Пощады! — продолжала повторять пленница знакомым Ладе голосом.

Охотница положила руку на плечо брата.

— Это — она. Та старуха, с которой я разговаривала через дверь.

Дроган покачал головой.

— Что ж с ней стряслось-то? Она и на живую-то теперь не похожа. Как прикажешь её отсюда вытаскивать?

Лада и сама не представляла. Она растерянно опустилась на колени рядом с пленницей. Лицо той было скрыто длинными спутанными волосами. Струпья покрывали мертвенно-серую кожу. Грязные ногти были по большей части обломаны. Сквозь разорванную щёку можно было различить гнилые остатки зубов.

— Жалкое зрелище, не правда ли?

Голос Мстислава, хоть и был тихим, словно прогремел в комнате. Все замерли, даже пленница перестала причитать. Лада обернулась. Боярин стоял в дверном проёме, как и раньше одетый в свой алый кафтан.

— Думаю, не без твоей помощи она стала такой, — мрачно отозвался Дроган.

Мстислав кивнул и прошёл внутрь. Он открыл рот, чтобы ещё что-то сказать, но тут оборванка взвыла, как раненный зверь, и ринулась вперёд. Подхватив обронённый Дроганом кинжал, она молниеносно нанесла удар боярину. Прямо в сердце. На миг они замерли, затем

пленница, тяжело дыша, отступила на шаг. Мстислав медленно опустил голову и посмотрел на торчавшую из груди рукоять.

— Мы уже проходили это, Града, — устало сказал он.

Его бледные пальцы сомкнулись на эфесе. Миг — и кинжал был выдернут из тела. Лада не смогла сдержать глубокий вздох.

— Кажется, это — твоё, — с необычной грустью сказал Мстислав.

Он обошёл пленницу и протянул оружие хозяйке. За его спиной женщина, которую боярин назвал Градой, рухнула на колени и уткнулась лицом в ладони. Горестные рыдания наполнили и без того мрачное пространство комнаты.

— Так всё же упыри существуют?

Мстислав фыркнул.

— Нет. Я же говорил, что это — лишь сказки глупых холопов.

— Но ведь обычные люди, как правило, не способны пережить что-то подобное.

Лада осторожно приняла из руки Мстислава клинок и убрала его в ножны.

Боярин кивнул и безрадостно улыбнулся.

— Верно. Я должен бы поблагодарить вас за развлечение, но мне кажется, что эта игра мне уже наскучила. Идёмте, разделите со мной ужин перед тем, как покинуть мои владения. Я не хочу, чтобы вы оставались здесь на следующую ночь. Да и свой скарб вы уже успели собрать, как я посмотрю.

Не дожидаясь ответа, Мстислав развернулся и направился к двери. Но Лада не двинулась с места.

— Как быть с ней?

Пленница всё ещё рыдала, но судорожные всхлипы постепенно затихали. Мстислав обернулся.

— Града останется здесь. Скоро она забудется сном, где вновь будет молодой и здоровой. Эти небольшие передышки — всё, что ей дозволено. Тем горестнее будет её возвращение к реальности. Идёмте, я расскажу вам свою историю, и тогда вы согласитесь, что эта женщина заслуживает своего наказания. Если же нет — что ж, это всё равно ничего не изменит. Града останется здесь, пока я не решу иначе.

С этими словами Мстислав вышел. Лада и Дроган переглянулись. Им ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

Коридоры и переходы, по которым пролегал путь, ещё больше погрузились во мрак. Алый, хищный свет предзакатного солнца окрасил их тревожными цветами, вновь укрыв ветхую плоть дряхлеющего дома. В конце концов, охотники вновь оказались в гридне, где впервые встретили Мстислава. Навстречу им со скамьи поднялся, всплеснув руками, Мормагон.

— Милостивый Создатель, как же я волновался! Правда, я уже думал, что мне сейчас подадут ваши головы на блюде! Богом клянусь, это не я навёл его на вас...

— Верно, — махнул рукой Мстислав, усаживаясь на свой стул.

Тут же вошли слуги, словно только и ожидали, чтобы появиться с тарелками. А может быть, так оно и было.

— Ешьте и пейте без страха, — сказал Мстислав. — Здесь ничего не отравлено. Кроме того, подавать человечье мясо — не в моём обычае.

Но гости не торопились. Видя их нерешительность, хозяин поместья рассмеялся, хотя в голосе его и не было веселья.

— Говорю же вам, не бойтесь! Вы видели — меня не берёт оружие смертных. Неужели вы думаете, что, решись я от вас избавиться, прибег бы к яду? Кроме того, к этому способу убийства я питаю особую ненависть. Почему — о том и будет моя история.

Мстислав налил в кубок вино и сделал глоток. Затем протянул бутылку Дрогану. Тот принял её с лёгким кивком.

— Прежде всего, должен поблагодарить вас. Забавно было наблюдать, как вы ползаете по коридорам, думая, что делаете это втайне от меня. Хотя за прошедшие десятилетия эта игра мне немного наскучила, всё же здесь не так много развлечений, как вы могли заметить.

— Рады, что смогли тебя позабавить, — сказал Дроган, глядя прямо в глаза боярину. — Кто такая Града?

Но Мстислав не спешил, наслаждаясь теперь уже собственным представлением. Он усмехнулся и сделал ещё один глоток.

— Это было давно. Как успела убедиться Лада, проникнув в комнату моей невесты.

— Так это всё же был ты?

Мстислав кивнул.

— Я был тогда немного моложе и гораздо свежее, но да. На картине был я со своей невестой. Это её комнату ты нашла, — голос хозяина поместья вдруг стал глуше, в нём послышались нотки горечи. — Она жила там и была счастлива, пока моя семья не узнала о том, что я выбрал для себя обыкновенную девушку. Не из знати, небогатую. Но с ней я был счастлив. На её беду, я был упрям и своеволен. Мои родичи, как ни старались, не смогли убедить меня отказаться от своего намерения жениться на ней. И тогда они подослали Граду, мою любимую сестру. Как я был рад, когда она приехала и возвестила, что семья приняла моё решение! Я ликовал!

Глядя на Мстислава, Лада видела, как впервые загорелся румянец на его бледной коже. Было ясно, что боярин говорит правду. Или, по крайней мере, верит в сказанное. Его пальцы побелели, вцепившись в подлокотники при воспоминании о тех далёких временах, которые для самого Мстислава были так свежи, будто всё произошло вчера. Лада безошибочно читала это у него в глазах.

— Но моя радость быстро угасла, — мрачно продолжил боярин. — Это случилось следующим же утром, когда я обнаружил мою дорогую Равнику в её постели. Бледную, бездыханную, с выступившей на губах пеной. Как же беспомощен был я в те ужасные часы! До самого вечера я просидел, держа её за руку. А когда вечерние тени окутали поместье, я встал на этот стул, перекинул верёвку через балку, и затянул её на своей шее. Грубое вервие разодрало мою шею, навеки оставив этот шрам.

Мстислав коснулся горла, заново переживая давние события. Минуту он молчал, глядя в пустоту, затем встрепенулся, возвращаясь обратно в реальность.

— Но, как видите, я не умер. Я уже чувствовал, как ломается мой хребет, и перед глазами встаёт смертная тень, когда давление вдруг исчезло, а взор прояснился. Тогда я увидел его в первый раз. Того, кто станет моим мрачным гением на следующие десятилетия. Он говорил холодно, словно его устами вещала предвечная тьма. Явившийся мне незнакомец предложил сделку, от которой я не мог отказаться. Я не буду стареть и не умру, пока в моей душе горит пламя ненависти. Я смогу отомстить предавшей меня сестре! И я согласился. В ту же ночь Града была у меня. Я посадил её на цепь в той самой комнате, где вы нашли её сегодня. Сто с лишним лет я наблюдаю за её страданиями. Иногда, когда через мои земли проезжают путники, я велю слугам соткать и вывесить ту шпалеру. А потом слежу, как они

пытаются найти и освободить пленницу.

— Зачем?

— Мне нравится дарить Граде надежду, чтобы потом отобрать её. Хотя, кажется, она уже давно сошла с ума и плохо понимает, что происходит вокруг.

На некоторое время повисло молчание. Слуги принесли свечи, и потрескивание фитилей было единственным звуком в зале. Наконец, Дроган выпрямился и посмотрел хозяину поместья прямо в глаза.

— Ты заключил сделку с демоном и мучаешь свою сестру. Пусть она совершила ужасный поступок, но ты всё равно творишь зло. Мы обязаны остановить тебя.

Мстислав усмехнулся и медленно кивнул.

— Благородные герои. Я понимаю, вы не можете не попытаться. И уважаю ваши принципы. С другой стороны, будьте благоразумны. Я знаю, зачем вы здесь — тот, за кем вы гонитесь, проезжал недавно через мои земли. Готовы ли вы рисковать? Вполне вероятно, я мог бы уничтожить вас, ведь оружие против меня бесполезно. И тогда ваш поход прервётся. Вы отвлечётесь на истребление меньшего зла, но большее останется безнаказанным.

Лада, минуту назад готовая согласиться с названным братом, заколебалась. Но Дроган был твёрд.

— Готов попробовать. Я поклялся бросать вызов таким, как ты. Если я начну выбирать, на что закрывать глаза, я сам стану соучастником творимых злодеяний. Не каждый чернокнижник повинен смерти. Но те, кто наслаждаются мучениями других — точно.

Мстислав пожал плечами.

— Не стану тратить усилия на то, чтобы тебя переубедить. Зачем? Сотню лет я сражался. Побеждал могущественных врагов, истинных мастеров боя. Кроме того, я неуязвим для оружия. У вас нет шансов, даже если вы втроём выступите против меня. Хотите атаковать меня в моём собственном доме, нарушив законы гостеприимства, только чтобы очистить свою совесть? Пусть будет так. Но вам придётся напасть первыми, ибо я не подниму руку на своих гостей.

Дроган медленно поднялся, сжимая топор. Его пальцы побелели, а ноздри раздувались от сдерживаемых эмоций. Мстислав не пошевелился, лишь следил за ним взглядом. Неизвестно, чем закончилась бы борьба, бушевавшая в душе воителя, но на его плечо легла тонкая женская рука.

— В этом нет необходимости, — ровным голосом произнесла Лада. — Ты уже и сам устаёшь от своих игр. Твой мрачный попугчик обещал поддерживать жизнь, пока в тебе горит пламя ненависти. Но ты остываешь. С каждым годом становится всё сложнее ненавидеть то жалкое существо, что заперто в комнате наверху. Сколько ещё ты сможешь обманывать себя, притворяясь, что её мучения доставляют тебе наслаждение? Как часто ты вспоминаешь, как вы были близки когда-то? Возможно, и сейчас ты провоцируешь Дрогана, чтобы он оборвал твою собственную жизнь, хотя и думаешь, что это невозможно. Но не можешь не попробовать, ведь твоя затянувшаяся агония стала тебе в тягость. Скажи мне, могущественный владыка пограничных земель, разве я не права?

Их взгляды скрестились. Некоторое время они словно безмолвно сражались в жестокой схватке, где никто не хотел отступать. Оба так и не отвели взгляда, пока Мстислав, наконец, не произнёс:

— Ты права лишь отчасти. Верно, я помню, как когда-то Града была моим лучшим другом. И я ужасаюсь, глядя на то, во что я превратился. Это и стало моим наказанием.

Бременем, которое я должен влечь, будучи заложником этой жизни. Остываю ли я? Нет. Просто со временем я начинаю всё больше ненавидеть себя. За то, чем я себя сделал. За то, что из-за моей слабости и жажды мести я никогда не смогу воссоединиться с моей возлюбленной у престола Всевышнего. А теперь — довольно. Вас ждёт дорога.

— Последний вопрос, — подал голос Мормагон. — Что стало с девушкой, которую привёл твой слуга?

Мстислав растянул губы в усмешке.

— Её никогда не существовало.

Спутники выехали из ворот поздним вечером, когда багряное солнце уже обжигало своими лучами горизонт. На прощание Мстислав сказал лишь, что им следует направиться на старое ратное поле в трёх днях пути к северо-востоку.

«Там», — пообещал боярин, — «вы найдёте того, кто поможет вам».

Больше он ничего не прибавил, а странники не пожелали спрашивать. Молча, они покинули двор и направились к тракту. Выезжая из ворот, Лада обернулась. В одном из окон второго этажа она увидела фигуру личного слуги Мстислава. Как обычно, его лицо было словно высечено из камня. Бесстрастно. Неподвижно.

Слуга сделал шаг назад, и тени укрыли его. Всё поместье будто пылало в свете гаснущего дня. Лада повернула голову и взглянула на тракт, змеёй изгибающийся впереди, между холмов. Там, на востоке, ждал человек, заменивший ей отца. Тот, которого в ближайшем будущем ей, возможно, придётся убить.

Или пасть от его руки.

На первый взгляд это было обычное поле. Разнотравье колыхалось под тёплым ветром, вдалеке тихо шелестел листьями лес. Три дня путники спешили на восток, насквозь проезжая небольшие деревеньки и города. Но не сразу поняли, когда добрались до того места, о котором говорил Мстислав. Только ступив на него и пройдя несколько шагов, Лада наткнулась на выбеленный костяк. За ним лежал второй, рядом — заржавленное лезвие топора на прогнившей рукояти. Кости лежали беспорядочно, растащенные падальщиками. То тут, то там виднелись обломки оружия и выцветшие, никому уже не нужные знамёна забытых отрядов.

Лада вопросительно взглянула на Дрогана, но тот лишь покачал головой.

— Так проходит земная слава, — тихо проронил Мормагон, вылезая из седла.

Он подошёл к ближайшему черепу и присел над ним, вглядываясь в пустые глазницы, сквозь которые проросла свежая, изумрудно-зелёная трава.

— Осторожно, — бросил Дроган. — Как-то слышал я легенду о князе, который умер от укуса змеи, что свила себе гнездо в костях его дохлого коня.

Музыкант кивнул.

— Верно, я тоже слышал её.

Помедлив мгновение, он поднялся и отошёл к товарищам. Лада вдохнула полной грудью запах полевых цветов. Засмотрелась на миг, как резная зелень древесных крон уступает место пронзительно-голубому небу. Приятно было немного расслабиться после долгой дороги и хоть на мгновение ощутить мир, раскинувшийся вокруг. Охотница наклонилась и провела ладонью по траве. Ощутила, как та щекочет кожу. Такая сочная зелень словно сотворена была для пастбища, на прокорм крутобоким тучным коровам. Но вместо неспешно жующего траву скота поле было усеяно останками людей.

— Что мы здесь ищем?

Лада пожала плечами.

— Обойдём округу. Будем искать что-то достаточно странное, чтобы зацепить взгляд.

Странники молча разошлись в стороны.

— Как всё-таки скоротечна жизнь, — через некоторое время не выдержал Мормагон. — Вот так ты живёшь, мечтаешь, ешь, спишь. А потом раз — момент! — и нет тебя. Лишь бездыханный труп, который волки и трупоеды растаскивают по окрестностям.

— Ты предстаёшь перед взором Создателя. Всё, что случается с тобой прежде, лишь подготовка к этой встрече.

— Но ведь для чего-то же Создатель сотворил этот мир? Дал нам чувства, волю. Умение ощущать страдания и наслаждение. Неужели только для того, чтобы мы потом просто умерли? И остаток вечности провели там, где нет той полноты эмоций, которая существует в подлунном мире? Вот взять хотя бы тебя, Лада.

— А что со мной?

— Давно хотел спросить. Почему монахини приносят обет безбрачия?

— А что, — хмыкнул Дроган, — тебе перестало хватать женщин, и ты решил переключиться на монашек?

— Протестую! Монашки — тоже женщины! — весело отозвался Мормагон, но затем, поймав хмурый взгляд Лады, притих. — Нет, правда. Почему? Разве Создатель против брака?

— Нет, конечно же. В Писании много говорится о важности брачного союза. Дело в другом. Скажем, ты ведь не станешь забивать своей лютой гвозди, так ведь?

— Это — лира. Но нет, не стану.

— Однако ты не против забивания гвоздей? Просто у музыкального инструмента другое предназначение. Так и с людьми.

— Предназначение — это звучит как-то слишком мрачно. Как будто мне пытаются навязать чужую волю.

Лада кивнула.

— Бывает так, что ребёнок просит выпить вина или мёда. Это — его свободная воля. Любящие родители говорят ему, что он ещё слишком мал, и не готов к этому. Но ребёнок всё же крадёт напиток, выпивает, и ему плохо. А ведь его предупреждали те, кто обладает более высоким знанием, пониманием ситуации. Предназначение — это не что-то, что заставляет тебя действовать определённым образом. Оно придаёт смысл и нужность. Если ты отказываешься от предназначения и утверждаешь, что ты сам способен определить свой путь, ты становишься бессмысленным и ненужным. Как лира, которой забивают гвозди.

Мормагон покачал головой, помолчал немного, затем произнёс:

— Нет, я не могу принять такой взгляд на вещи. Надо мной тоже висит пророчество, как ты помнишь. Я просто не хочу верить, что от меня ничего не зависит.

— От тебя зависит многое. Например, выполнишь ли ты своё предназначение. Просто иногда оно совсем не то, что ты думаешь. Не зная своей судьбы, ты можешь пытаться что-то спланировать, стать кем-то, кем тебе не суждено быть. Но я лучше доверюсь в этом вопросе мудрости Создателя. Не хочу быть непослушным ребёнком, который погибает, напившись мёда и свернув шею в канаве только чтобы доказать, что он может выбрать свой собственный путь.

— Но зато он умирает на своих условиях!

— Нет, он умирает, подчинённый демону пьянства. В бессмысленной борьбе против тех, кто даже не пытался бороться с ним в ответ.

— Сюда! — крикнул Дроган, прерывая спор.

Лада и Мормагон подбежали к тому месту, где стоял воитель. Это был невысокий пологий холм почти в самом центре поля. На вершине его рос узловатый молодой дуб.

— Что ты нашёл?

Вместо ответа воитель указал вперёд. Там, меж корней дерева, лежала отрубленная голова. Шея её словно вросла в землю, а макушку венчал остроконечный шлем с бармицей. Дожди и влага немилосердно обошлись с металлом — ржавчина давно погасила стальной блеск. Голова, на которую был надет шлем, выглядела не лучше. Плоть почти целиком истлела, местами обнажив кости. Но всё же эти останки сохранились гораздо лучше, чем выбеленные ветрами скелеты на остальном пространстве поля.

— И что? — коротко спросил Мормагон.

В ответ послышался протяжный не то вздох, не то стон. Глаза мертвеца открылись и уставились на гостей.

— Живые, — прохрипел он. — Давно здесь не было живых.

— Что за чёрное колдовство? — нахмурился Мормагон. — Опять мертвецы! Видит Создатель — с тех пор, как я связался с вами, я видел мёртвых больше, чем за всю свою прошлую жизнь!

Дроган пожал плечами.

— Мне больше интересно, почему этот сохранился лучше, чем его павшие товарищи.

Голова чуть повернулась в его сторону.

— В том нет никакой загадки. Друг твой верно сказал. Чёрное колдовство держит меня в мире живых, не давая уйти в обитель мёртвых. Потому, если вы только веруете в Создателя и в вас есть хоть капля милосердия, молю! Оборвите моё проклятое существование и дайте мне упокоиться с миром!

— Думал, что уже всё повидал, — удивлённо воскликнул Дроган, — но нежить, просящую её добить, вижу впервые!

— Многое есть в этом мире, что и мудрейшим не довелось познать, — философски заметил Мормагон. — Но, думаю, мы должны проявить к нему сочувствие и дать уже умереть.

— Но прежде этого, ответь нам, — спросила Лада, — кто ты и чем заслужил такую участь?

Послышался тяжёлый вздох, словно поднявшийся из-под земли.

— Разве что своим рождением. Не повезло мне родиться раньше моего брата Витольда. Двое нас было, княжьих сыновей. Теперь он один остался.

— Витольда? — недоверчиво переспросил Мормагон. — Ты — Хольг, старший брат князя? Но ведь все уверены, что ты умер!

— Князя? — мертвец смотрел всё такими же невыразительными белёсыми глазами, но что-то, казалось, неуловимо изменилось в его взгляде. — Значит, он теперь — князь. И мой батюшка умер, считая, что я погиб. Я бы оплакал свою судьбу, будь у меня ещё слёзы. Но тем паче — прервите уже моё мучительное бытие. Освободите из этой тюрьмы.

— Мы это сделаем, — кивнула Лада. — Но всё же, как ты сюда попал? И почему отрубленная голова вдруг может говорить?

Мертвец невесело усмехнулся.

— Они закопали меня стоя, пока я был ещё жив. Только голова и осталась наверху. Затем слуга моего брата наложил заклятие. Зловещий колдун, лица которого я никогда не видел, поскольку он закрывал его маской. Он сказал, что даже когда смерть придёт за мной, то не сможет забрать. Что это за человек, как сподобился власти над самой смертью — всё это мне неизвестно. Знаю лишь его имя — Молтраст. И вот, слова его сбылись. Я чувствовал, как истлевают моя плоть. Как корни дерева пронзают её, прорастая сквозь кости — но мог лишь кричать от боли. А потом она ушла. С тех пор прошли многие лета, и всё, что мне остаётся, лишь ждать, пока удерживающее меня в этом мире чёрное колдовство ослабеет, и я смогу его покинуть.

— Мы едем в столицу за человеком, который предал нас так же, как тебя — брат. Скажи, можешь ли ты чем-то помочь нам?

Мертвец замолчал, прикрыв глаза. Ладе уже начало казаться, что он больше не заговорит, но тут послышался его тихий скрежещущий голос.

— В те давние дни, когда я ещё дышал, был у меня верный друг. Принесите ему весть о моей судьбе, и он поможет вам. Зовут его Горст, по прозвищу Меченый. Бравый рубака и весёлый товарищ. Надеюсь, он давно уже оплакал меня, и ваши слова не принесут ему несчастье. Но в благодарность он непременно поможет. Теперь же, прошу, исполните обещание. Я так долго ждал, что теперь уже не вмоготу.

Дроган кивнул, отодвинул в сторону Ладу, и замахнулся топором над нежитью. Мертвец закрыл глаза.

— А всё же страшно, — проскрипел он.

И в тот же миг вздрогнула земля, так что даже могучий воитель едва устоял. А Лада и Мормагон, не выдержав толчка, упали на колени. Земля сотряслась вновь, словно большой зверь, внезапно просыпающийся от спячки. А затем разверзлась. Из разлома показалась огромная костяная рука, схватившаяся за край. Затем — вторая. И вот появился череп, глазницы которого светились потусторонним бледно-зелёным светом. Встав на ноги, существо вытащило из чрева земли оружие и повернулось к живым. Исторгнув костяного гиганта, почва закрылась и успокоилась, словно и не вздрагивала она только что в мучительной судороге. Вновь мирно зеленела трава, раскинулось над ней голубое небо.

А посреди поля возвышался костяной колосс, объятый призрачным огнём. В одной своей руке он сжимал грубый щит, словно сколоченный из гробовых досок. В другой — тяжёлый кистень, шар с короткими тупыми шипами на несуразно длинной ржавой цепи.

— Проклятье! — ругнулся Дроган.

— Оно и есть, — подтвердила Лада. — Кажется, колдун, который обрёк Хольга на страдания, подготовил ловушку.

— Молтраст, — мрачно напомнил Мормагон.

Дроган кивнул.

— Ну, ничего. Жизнь, в конечном итоге, завсегда побеждает.

С этими словами воитель двинулся на ужасающего противника. Лада покачала головой, неуверенная в его словах. Нужно было разрушить проклятие, и сделать это быстро.

— Создатель, сохрани! — прошептала она, со страхом глядя на невиданное до того чудовище.

Скелет взмахнул кистенём, сдирая дёрн и оставляя на земле борозды. Дрогану ничего не оставалось, кроме как подпрыгнуть — и тут же отлететь назад от мощного удара щитом. Не теряя ни мгновения, нежить прокрутила кистень и опустила шипастый шар туда, где только что распластался воитель. Дроган едва успел откатиться в сторону. Для мертвеца существо двигалось необычайно быстро. Оно дёрнуло на себя рукоять, и в воздух взметнулись комья земли.

Но и Дроган был опытным поединщиком. Он уже стоял на ногах, готовясь уклониться от удара врага и использовать хотя бы малейший его промах. Вновь взметнулся кистень, и Дроган отступил на шаг. Шар пронёсся прямо у его груди. Воитель бросился вперёд, занося топор, но скелет принял удар на щит и снова атаковал сверху. Дроган отскочил в сторону, и шипы жадно вгрызлись в землю. Быстро взмахнув оружием, воитель опустил лезвие на ногу нежити, прямо под колено. Брызнули осколки костей, гигантский скелет завалился на бок, а Дроган продолжал наносить удар за ударом, круша врага. Вот уже цеп отлетел в сторону, а от щита осталась лишь груда щеп. Минута, и грозная нежить перестала отбиваться. Погасло свечение внутри разбитого черепа. Костяные пальцы в последний раз заскребли по земле, сдирая дёрн, и замерли. На траве осталась лежать лишь куча костяных обломков.

— Делов-то, — бросил Дроган и сплюнул.

Развернувшись, он направился к товарищам, утирая пот тыльной стороной ладони. Лада молча указала ему за спину. Там опять уже разгоралось призрачное пламя. Кости соединялись, срастались без следа, будто и не было тех ужасных ударов, что разбили их на части. С земли поднимался гигантский скелет. Рука его вновь потянулась к рукояти кистеня.

— Да чтоб тебя, — пробормотал Дроган, оборачиваясь. — Ладно, сестрёнка, ты права. Снимай уже проклятие, я задержу его, сколько выйдет.

С этими словами воитель ринулся вперёд. Лада судорожно соображала, как разрушить чары колдуна, но ничего не приходило на ум. Вдруг послышался вскрик. Подняв взгляд, охотница увидела, как оступился Дроган, и кистень прогудел совсем рядом с его головой. Воитель упал, и тяжёлая костяная нога тут же опустилась ему на грудь. Повинуясь порыву, Лада бросилась вперёд, чтобы прикрыть товарища. Доставая на ходу кинжал, она понимала, что не сможет им навредить костяному гиганту, но всё же надеялась хотя бы отвлечь его. Тот уже заносил руку для удара. Дроган схватил его за ногу и дёрнул, но нежить лишь слегка качнулась. С громким криком Лада нырнула под опускающийся кистень, готовясь каким-то чудом парировать удар, и вознося молитву Создателю.

В последний миг гигант отвёл руку и шар рухнул на землю. Он прошёл совсем рядом с Ладой, чудом не задев её.

«Длань Создателя?» — мелькнуло в голове охотницы.

Но нет. Нежить смотрела прямо на неё, не атакуя, но и не убирая ногу с груди Дрогана.

Вдруг скелет вздрогнул и начал разваливаться. Кости будто потеряли связь друг с другом. Словно исчезло нечто, удерживавшее их вместе. Последним на землю рухнул череп. Призрачное сияние внутри него уже погасло.

— Сработало! — донеслось сзади.

Лада обернулась.

Мормагон стоял с торжествующим видом, вытирая лезвие своего топорика. У его ног лежала отрубленная голова Хольга.

— Некого стало охранять — отпала и надобность в страже, — заявил музыкант, всем своим видом излучая самодовольство.

Дроган поднялся и стряхнул с себя землю.

— Спасибо, — коротко сказал он.

Лада кивнула.

— Кажется, мы обязаны тебе жизнью.

— Я — определённо, — тихо согласился Дроган. — Насчёт тебя не уверен. Ты сама видела, что тварь смотрела на тебя, как зачарованная. Не знаю, что это было, но она могла убить тебя одним ударом. Однако не сделала этого.

Лада нахмурилась.

— Я не знаю, что сказать. Сама не понимаю, что произошло.

— Эй, чего вы там застыли? — крикнул Мормагон. — Нас ждёт столица!

Музыкант был прав. Впереди ждала Чудь. Там, в самом сердце княжества, находились ответы на все вопросы. Кто стоял за культом Пожирателя? Почему Тихомир предал их?

А, возможно, ждали своего часа и другие, более зловещие тайны.

Вереница телег тянулась к воротам. Вопреки ожиданиям Лады, Чудь оказалась вполне обычным городом, поменьше Миргорода. Не было здесь ни скелетов в клетках, ни голов, насаженных на пики перед стенами. Лада и сама не до конца понимала, что ожидала здесь увидеть. И даже немного разочаровалась, глядя на мирный пейзаж.

Спутники пристроились в конец колонны и ждали своей очереди проехать в город. Городская стража, не торопясь, осматривала грузы, брала положенную пошину и пропускала телеги в ворота.

Первым, что бросалось в глаза, был огромный каменный мост, перекинутый через ров, и черневшие на фоне голубого неба мощные квадратные башни. Подковы коней сначала гулко стучали по камню, затем, глухо, по деревянному настилу подъёмного моста. В арке под сводом крайней башни, ближней ко входу в город, за столом сидел сборщик податей. Взглянув на путников бесцветным взглядом, он кивнул на стоявший рядом короб.

— Сколько? — спросил Дроган, не сумев сдержать скорбного вздоха.

— Пять, — коротко отозвался чиновник.

Мормагон бросил пятнадцать мелких монет, и путники проехали дальше, мимо скучавших стражников, не удостоивших их и взгляда.

— Кажется, здесь уверены в собственной безопасности, — заметил Дроган.

— Ну, а чего им беспокоиться?

— И то правда, — согласился воитель. — Куда теперь?

Проехав через мост, путники оказались во внешнем городе.

— Хольг сказал, что приятеля его зовут Горст. Но где тот сейчас — кто бы знал? Надо было бы подробнее расспросить.

— Угу, — буркнул Дроган. — Вот только гигантский скелет пытался размозжить мне голову. Не то, чтобы времени на разговоры было особенно много.

Мормагон кивнул и грустно добавил:

— Как и денег. Надо бы нам как-то подзаработать, если поиски затянутся.

Путники остановились на перепутье. Лада бросила взгляд на указатель с ничего не значившими для неё символами.

— Узнаем в церкви, — предложила она.

Впереди Лада уже заметила здание с золочёной дланью Создателя на шпиле. Охотница задрала голову и посмотрела вверх. На фоне голубого неба над крышами кружилась стая быстрокрылых чёрных птиц.

— Пошевеливайтесь! — окрикнул возница, остановившийся позади путников. — Понаехали, головами тут вертют!

Дроган потянул поводья, заставляя своего коня отойти, и телега с громыанием прокатилась мимо. Сидевший на козлах человек в красных шароварах и ярко-голубом кафтане одарил его хмурым взглядом исподлобья.

— А ведь и верно, — сказал воитель, — люди здесь такие же, как и везде. И город похож. Мне как-то всегда казалось, что в Чуди всё серое, а вот поди ж ты...

Мормагон усмехнулся.

— Враг всегда кажется немножко не человеком, да?

Дроган покосился на него, но ничего не сказал. Лада тронула коня пятками за бока, и

тот шагом направился вниз по улице, глухо стуча копытами по голой земле.

Город шумел разноголосицей. Стучали колёсами телеги, доносились звуки удара металла о металл. Слышались крики торговцев, всю нахваливавших свой товар — видать, неподалёку была ремесленная улица или торговая площадь. Звучали крики горожан, ругавшихся возле столкнувшихся повозок. Людской гул давил на уши странникам, за прошедшие дни привыкшие к величественному спокойствию полей и лесов.

Запах также оставлял желать лучшего. Как и в других крупных городах, отходы свозились в огромные выгребные ямы неподалёку от ворот. И теперь, с наступлением жары, приходилось зажимать нос, пытаясь проехать мимо них как можно быстрее. Лада с грустью вспоминала аромат полевых цветов, наполнявший воздух последние дни их путешествия. Теперь он остался там, за высокими каменными стенами, окружавшими человеческое поселение.

Оглядываясь вокруг, Лада ловила себя на мысли, что будто и не выезжала из родного княжества. Всё те же дома с черепичными крышами, камень стен и потемневшие брёвна старых домов. Если бы не звучал вокруг непривычный говор, можно было бы представить, что охотница вернулась в Миргород.

Но нет — путь туда ей был теперь заказан. Может быть, со временем, когда князь Мирослав покинет этот мир, что-то изменится. Но до тех пор ей предстояло провести долгие годы в изгнании. Только сейчас охотница поняла, что мысли об этом омрачали её дни с тех самых пор, как князь вынес приговор. Оставалось лишь идти вперёд и хранить надежду. Ведь всё в руках Создателя.

Лада вспомнила, что не молилась уже несколько дней. То, что раньше было так естественно, ныне отошло на второй план. Храм её сердца теперь напоминал опустевший, покинутый жильцами дом. Покинутый Богом. Прикрыв глаза, Лада попыталась шёпотом произнести слова молитвы, но гул голосов то и дело отвлекал её, не давая сосредоточиться. Оставив бесплодные попытки, охотница дала себе обещание, что обратится к Создателю перед сном. И попросит не оставлять её в час нужды.

Не так. Она попросит дать ей силы не оставить Его.

Лада лишилась дома, призвания, всего прошлого. Создатель и пара друзей теперь были единственным, что ещё не ушло.

Предаваясь мрачным мыслям, Лада не заметила, как спутники проехали вдоль высокой каменной стены внутреннего города, мимо арки ворот, и оказались у самой церкви, отмеченной ею раньше. Вблизи становилось видно, что здание находится в плачевном состоянии. Несколько балясин деревянного крыльца было выломано и кое-как приставлено на место. Между ними выткал себе жилище жирный чёрный паук. Ступени жалобно скрипели под весом Дрогана, когда он ставил на них ногу. Словно жаловались на то, что им уже так много лет, но жестокосердные люди не спешат отправить их на покой.

«Бес знает, что», — пробормотал Дроган, видимо, думая о том же.

Он зацепил пальцами выступавший край кирпича, и тот легко раскрошился под ними.

Внутри путников ждало такое же запустение. Посеревшие от времени доски пола, низкий сводчатый потолок с осыпавшейся штукатуркой, прогнувшиеся за годы опорные балки. Вся церковь, казалось, готовилась обрушиться на головы людей, забредших под её крышу. Таких, впрочем, не наблюдалось.

Впереди, на возвышении, стоял накрытый тканью алтарь. Рядом суетился невысокий сгорбленный старик в одеждах священника. Жидкая длинная борода двигалась из стороны в

сторону в такт метле, которой служитель пытался согнать в угол пыль и грязь с пола. Получалось это неважно. Похоже, старик и сам это понимал — то и дело он останавливался и глядел на дело своих рук. Горестно вздыхал, не замечая вошедших.

— Бог в помощь! — произнёс Дроган, привлекая внимание.

Священник вздрогнул, обернулся и подслеповато уставился на путников.

— Спасибо на добром слове, — проскрипел, наконец, старик. — Но пока это больше похоже на посланное мне испытание.

Прислонив метлу к стене, он спустился к посетителям, выжидающе глядя на Дрогана, стоявшего ближе всех.

— Прости, но что-то твой храм выглядит довольно... — Дроган замолк, подбирая слова, чтобы не обидеть священника.

Тот вновь тяжело вздохнул и махнул рукой.

— Он больше похож на руины. И, думаю, скоро и правда развалится. Лет двадцать назад Церковь была в почёте, и многие из моих братьев тогда пользовались этим. Щедрые пожертвования шли на красивые одежды, золотую утварь, богатые дома для священников. И где теперь вся та роскошь? Я предупреждал, говорил им! Но куда было меня слушать. И вот — никому больше не нужны фальшивые благословения. Паства очерствела сердцем. Бедные люди больше не могут отличить истину ото лжи и отвергают всё, что говорят им служители Церкви. Без разбора. Теперь сами они предались тому разложению, что терзало моих братьев. Но где же они? Оставили служение. Несчастные, теперь они пресмыкаются перед знатью, выпрашивая от них подачки, а те рады бросить им кость. «Смотрите, вот мой домашний поп!», говорят они. Несчастные глупцы, погрязшие в гордыни, но забывшие о гордости!

Оторопевший от такого потока откровений Дроган молча выслушал старика, не зная, что ответить.

— А что же ваш епископ? — спросила Лада.

Старик перевёл на неё усталый взгляд. Только теперь женщина заметила тёмные круги и глубокую сеть морщин вокруг них. Священник был отравлен ядом минувшего, и для него уже не было возврата к былому величию. Только скорбь об утраченном.

— Давно я его не видел. Он — там, за стеной. Туда простым людям ходу нет.

Лада и Дроган переглянулись.

— Кстати, об этом. Мы ищем человека по имени Горст. Некогда он был другом старшего брата князя Витольда. Не слыхал о таком?

Старик неопределённо махнул рукой.

— Говорю же — там они все. Знать уже сколько лет из внутреннего города носа не кажет. Только и знают, что присылать сборщиков податей. Да и вам туда не попасть. Тем более — с таким приметным миргородским выговором. Скажите спасибо, что пока вас никто не сдал страже — соглядатаев тут не очень-то жалуют.

— Мы не соглядатаи! — возразил Дроган, но священник лишь пожал плечами и вернулся к метле.

«А мне какое дело?», — словно бы говорил он.

Тихо попрощавшись, путники вышли. Облезшие и полустёртые образы святых смотрели им вслед со стен.

— Старик прав, — сказал Мормагон. — Давайте-ка я буду говорить за всех. Мой-то говор не так режет ухо.

Дроган пожал плечами.

— Хорошее предложение, — согласилась Лада. — Не стоит выдавать себя. К тому же, ты в последнее время необычайно задумчив и тих, так что разговоры пойдут тебе на пользу. А то я уже начинаю волноваться за тебя.

Музыкант криво усмехнулся.

— О, ты начинаешь за меня волноваться? Быть может, в твоём холодном сердце, наконец, просыпаются чувства к бедному бродяге?

Шутка вышла натянутой, и Лада даже не удостоила её ответом. Вместе путники двинулись вдоль стены в поисках ворот, ведя лошадей за собой.

Лада вспоминала всё, что знала о Чуди. Это был старый город, стоявший на руинах более древнего поселения. Некогда оно принадлежало народу, прозванному людьми чудью белоглазой. Теперь он сохранился лишь в сказках, да байках стариков. Те утверждали, что вся белоглазая чудь сгинула в один день, когда вырос Чёрный лес. И следа не осталось. Лишь опустевшие белокаменные города, в которые со временем пришли люди. Теперь уже ничего не осталось от некогда величественных строений, которые, как говорят сказания, достигали самого неба. Из страха перед неведомыми колдунами-язычниками, какими считали чудь, люди уничтожали всё, что о тех напоминало. А на фундаментах возвели свои дома. Из рассыпающегося красного кирпича. Забавно, что при этом соседи, а за ними и сами жители княжества, стали называть себя именем тех, чьи земли заняли. Чудью.

Но почему же, глядя вокруг, Лада словно наяву видела беломраморные стены и тонкие шпили, упирающиеся в небо? Тонкие, будто созданные из облаков. Исчезающие под пристальным взором призраки былого.

Лада не знала, почему родители сбежали отсюда. И страшилась получить ответ.

— Тут нам не пройти.

Из размышлений Ладу вывел тихий голос названного брата. Охотница посмотрела вперёд — там, у закрытых наглухо мощных ворот из окованного медью дерева, дежурили два охранника. Сразу было понятно, это — не те городские стражники, что считают ворон и ждут часа, когда можно будет отправиться в ближайшую корчму. Те, что стерегли ворота во внутренний город, внимательно следили за происходящим вокруг.

— Похоже, личная дружина князя, — решил Дроган. — Уходим, пока не обратили на нас внимание.

Взгляд одного из воинов уже и так задержался на стоявших неподалёку путниках. Мормагон громко рассмеялся, хлопнул Дрогана по плечу и указал на видневшуюся невдалеке вывеску трактира.

— Рассмейся в ответ и сделай вид, что споришь, предлагая другое место. Пусть они нас забудут, — проговорил музыкант.

Дроган так и сделал. Взгляд охранника скользнул дальше.

— Что будем делать? — спросил воитель, когда они отошли от ворот.

Мормагон пожал плечами.

— У любого человека есть цена. Проблема в том, что вы не приняли мою идею заработать, и теперь у нас нет столько денег, чтобы подкупить стражу. Да и вообще монеты почти закончились, а мы на чужой земле.

— Ты прав, — кивнул Дроган. — Надо действовать быстро, пока нас не заметили. Этой же ночью попробуем пробраться за стену.

— Зачем так торопиться? — спросила Лада. — Уверена, время ещё есть. Мы можем

заработать немного денег и лучше узнать, что происходит в городе.

Музыкант усмехнулся.

— Раньше надо было думать. Здесь пытаться получить работу — всё равно, что надевать себе на шею петлю. Стоит кому-то узнать, откуда вы, и мигом будете сидеть на пике.

Лада нахмурилась.

— Ведь это Чудь постоянно нападала на Миргородское княжество. — Почему же они нас так ненавидят?

— Видишь ли, — тихо сказал Мормагон, задумчиво глядя на текущий мимо поток людей, — их научили ненавидеть. Ненависть — это товар, который легко продаётся. А причинам для ненависти их учить было необязательно.

— Хватит уже болтать, — сказал Дроган, хмурясь и недобро посматривая по сторонам. — Давайте найдём, где пересидеть до темноты. Мормагон, веди. Теперь ведь ты у нас за говоруна.

Музыкант усмехнулся, кивнул и огляделся.

— Туда, — скомандовал он, найдя взглядом расписанную яркими красками вывеску корчмы.

Заведение закрывалось с закатом. Добродушный краснощёкий корчмарь, остаток дня наливавший изгнанникам доброго пива, продал им на прощание пару факелов.

— По всему видать — вы не местные, — ухмыльнулся он. — Тут-то все знают, что после наступления темноты по городу можно ходить только с зажжённым светом.

В ответ Мормагон рассмеялся пьяным смехом и весело хлопнул его по плечу.

— У нас, на севере, такого нет. Просто если выйдешь в темноту за дверь, наутро у тебя может не быть головы!

Лада с трудом понимала его слова из-за сильного рыкающего гальрадского акцента, внезапно появившегося в речи музыканта.

Корчмарь сделал оберегающий знак, проведя ладонью перед лицом.

— Страшные дела у вас творятся, не приведи Создатель! Неудивительно, что вы решили к нам податься. Ну, бывайте. Скажи своим приятелям, чтобы учили наш язык. Без него никуда!

Мормагон в ответ опять разразился смехом.

— Обязательно! Храни тебя Бог!

С этими словами Мормагон, шатаясь, прошёл к выходу. Он едва не ударился лбом об угол двери, но Дроган успел перехватить музыканта за руку.

Оказавшись на улице, Мормагон огляделся. Вокруг было тихо. Он направился вперёд петлявшей походкой, а его спутники пристроились следом, надеясь, что музыкант отвлекает на себя возможное внимание. Сами они не обладали тем актёрским талантом, который позволял Мормагону так убедительно изображать припозднившегося гуляку, который просто бредёт домой, никого не трогая.

Дойдя до места, где стена внутреннего района была прикрыта прижавшимися друг к другу домами, Мормагон нырнул в тень. Спутники последовали за ним. В темноте послышалась возня — это Дроган на ощупь доставал верёвку и крюк. Миг, и где-то наверху послышался удар железа о камень.

— Готово, — шепнул воитель.

Лада почувствовала, как в темноте он нащупал её руки и вложил в них верёвку. Она уже

собиралась ухватиться за неё и подтянуться, когда со стороны улицы мелькнул отблеск огня и послышался властный голос.

— Эй, вы! Мы знаем, что вы там! Немедленно выходите, именем князя!

— Попробуем договориться, пока они не собрали сюда всю окрестную стражу, — шепнул Дроган. — Выходим. Мормагон — вперёд.

Вслед за музыкантом Лада и Дроган выбрались на улицу. Там их ждал полноватый мужчина средних лет в коричневом кафтане и красных шароварах. За его спиной стояли вооружённые люди, в которых Лада опознала дружинников, вроде тех, что охраняли ворота во внутренний город.

«Откуда, Навь их побери, они здесь взялись?»

— Известно ли вам, — спросил толстяк, — что по ночам запрещено передвигаться по улицам без факелов или иного освещения?

Лада и Дроган переглянулись. Верно, кабатчик сказал об этом, но они так увлеклись своей игрой в пьяных, что махом забыли об этом.

— Сударь, да откуда? Мы же люди пришлые, — проговорил Мормагон заплетающимся языком.

Незнакомец усмехнулся.

— Ну что ж. Закон обязателен для всех, знаете вы о нём, или нет.

— Может, — музыкант огляделся по сторонам и понизил голос, — мы заплатим штраф и забудем об этом досадном моменте?

Человек в расшитом кафтане нахмурился и внимательно оглядел стоящих перед ним путешественников.

— Это мо-ожно, — протянул он задумчиво, словно пытаясь понять, сколько можно взять с этих бродяг и стоит ли вообще с ними связываться. — Сколько у нас штраф за отсутствие факела, а, Нарь?

С этими словами он повернулся к стоявшему за ним дружиннику, словно разделяя с ним ответственность за получение взятки.

— Пять гривен, — коротко бросил тот в ответ.

Дроган, не удержавшись, присвистнул. Огромные деньги. Больше, чем у них оставалось.

— Пощади, господарь, откуда у бедных странников такие деньжищи? Можем дать две. Больше-то у нас и нет, — пробормотал Мормагон.

— Ну, на нет — и суда нет. Хотя, в вашем случае, скорее наоборот! Извольте с нами.

От взгляда Лады не укрылось, что дружинники покрепче перехватили рогатины, готовясь в любой миг пустить их в дело. Мысли лихорадочно метались. Никак нельзя было дать схватить себя. Их сразу же раскроют как жителей враждебного княжества, и тогда судьба их повисла бы на волоске. Считанные мгновения отделяли Ладу и её друзей от ареста и неминуемой расправы. Действовать нужно было быстро.

И она решилась.

Лада прикрыла глаза. В ушах её нарастал шум ветра, переходивший в грохот урагана. Фиолетовые искорки плавали в темноте перед внутренним взором. Глубоко вздохнув, она нырнула в океан обжигавшей душу энергии, зачерпнула, сколько смогла, и, с выдохом, направила её вовне.

Не было ни эффектных вспышек света, ни странных потусторонних звуков. Истинная магия — вещь довольно невзрачная. Просто ноги дружинников вдруг подкосились, и они осели на землю. Их самодовольный предводитель плюхнулся в грязь, заляпав красивый

расшитый кафтан.

Мормагон осенил себя дланью Создателя и повернулся к Ладе, безошибочно угадав, кто послужил причиной произошедшего. Дроган наклонился к ближайшему из дружинников.

— Дрыхнут. Сколько у нас времени?

— Часа два, — тихо ответила Лада и пошатнулась.

Заклинание отняло слишком много сил, и вряд ли было последним за эту ночь. Названный брат тоже это понимал.

— Теперь надо действовать быстро, ты же понимаешь? Пока их не хватились. Или пока они не проснулись.

— Если перерезать им горло и свалить в той подворотне, их не хватятся гораздо дольше, чем два часа, — задумчиво проронил Мормагон.

Дроган покачал головой.

— Я — не душегуб. Пусть я ненавижу чужь, просто так убивать беззащитных людей не стану. Хватит болтать. Сестра, сможешь найти этого Горста? Теперь уж поздно прятаться и чураться магии.

Лада кивнула.

— Как окажемся за стеной.

— Ладно. Мормагон, помоги.

С этими словами Дроган ухватил за руки одного из дружинников и потянул в тени. К счастью, вокруг не оказалось полуночных свидетелей этого непотребства. Как только все дружинники оказались укрыты, спутники вновь вернулись к закинутой на стену верёвке. К счастью для них, в этот раз всё прошло без проблем. Оказавшись на земле по ту сторону стены, Лада огляделась. Изгнанники оказались в небольшом саду, раскинувшемся у самой стены. Кусочек живой природы в тесноте каменного мешка большого города. Луна ярко светила с небес, заставляя тени деревьев и кустов переплетаться в невероятную паутину, раскинувшуюся вокруг охотницы и её спутников.

«Атара мена лерис»

Лада не знала, что означают эти слова. Ей не было известно даже, принадлежат ли они хотя бы к одному человеческому языку. Но, отзываясь на звуки её голоса, где-то в глубине души проснулась небольшая искра и, покалывая кожу, вытекла сквозь пальцы. Небольшой тусклый огонёк завис в воздухе, показывая направление.

Мормагон не сдержал восхищённого вздоха, глядя на маленькую голубую искорку в темноте.

— Как бы то ни было, магия может быть красивой.

Дроган кивнул.

— Что теперь?

— Идём по следу. Путеводный огонь показывает направление на то, что я держала в уме при сотворении заклинания. Но обходить препятствия нам придётся самим. К тому же, я знаю только имя нужного нам человека, а также то, что он был другом княжича Хольга. Указания нечёткие, поэтому временами огонёк может немного как бы зависать в воздухе без движения.

С этими словами Лада осторожно выбралась из кустов. Она пересекла открытое место, направляясь, к большой мраморной статуе, изображавшей молодую женщину, сложившую руки на груди в немой молитве Создателю.

Лада узнала её. Святая Катарина. Ведьма-язычница, узревшая свет Создателя и

обратившаяся в истинную веру.

Переждав пару минут в её тени, пока невдалеке смолкнет тихий разговор проходивших по краю парка дружинников, Лада двинулась дальше. Стремительной походкой она пересекла дорожку и нырнула в густой мрак проулка у роскошного трёхэтажного особняка, украшенного на фасаде диковинным цветным камнем. Пробравшись задворками, путники оказались у широкой мраморной лестницы, плавно изгибавшейся вправо.

Тут и произошло то, о чём предупреждала Лада. Когда она двинулась к ступеням, огонёк моргнул, и прошёл сквозь тело женщины, оставшись на месте.

— Что случилось?

Дроган нахмурился, едва не налетев на резко остановившуюся охотницу.

— Надо подождать.

Мормагон огляделся по сторонам. На лице его отражалось беспокойство.

— Мы здесь как на ладони. Нужно отойти.

Лада мотнула головой.

— Если далеко отойдём от огонька, он может погаснуть.

— Дурацкое заклинание! — в сердцах воскликнул музыкант.

— Без него мы и сюда бы не добрались.

— Ладно. Ну, скоро он там?

— Не знаю, — огрызнулась Лада, — он мне не говорит!

Ей начинала передаваться нервозность спутника. Тот с беспокойством оглядывался по сторонам, теребя рукоять топорика, заткнутого за пояс. Словно в ответ на его беспокойство, вдалеке послышались голоса.

— Ну? — прохрипел Мормагон.

Музыкант явно изо всех сил сдерживался, чтобы не сбежать.

— Ждём, — мрачно проронил Дроган.

Воитель подобрался, перехватив рукоять топора.

Голоса приближались.

— Ну, что там?

— Ждём! Заткнись уже!

Лада криво усмехнулась.

«Интересно», — подумала она вдруг удивительно спокойно, — «сбежит, или нет?»

Голоса раздались у самого поворота. Ещё несколько мгновений — и дружинники увидят замерших у лестницы нарушителей.

Мормагон дёрнулся.

— Бежим уже, потом новый сделаешь!

— Ещё на одно такое заклинание у меня не хватит сил, — спокойно ответила Лада.

— Жизнь дороже!

Охотница взглянула в глаза приятеля. Зрачки его были расширены.

— Беги, — коротко сказала она.

Плечи музыканта поникли.

— Вот как ты обо мне думаешь? Что я вас брошу после всего этого? Да если бы не вы, я может, ещё из Жигани б не выбрался. Святые зайчики, он дёрнулся! Вперёд!

И правда — огонёк вздрогнул и переместился. Схватив Дрогана за плечо, Лада бросилась вверх по лестнице. Мормагон бежал следом, перепрыгивая по несколько ступеней за раз.

Если кто-то из дружинников и услышал посторонние звуки, то не придал этому значение. Погони не было. Беглецы остановились наверху, тяжело дыша.

— «Святые зайчики»?

Лада повернулась к Мормагону. Музыкант в ответ пожал плечами.

— Запаниковал. Почему-то в голову вдруг пришли зайцы, которых я видел на полях нескольких манускриптов. Монахи изобразили их в виде известных святых. Не знаю, что их натолкнуло на эту идею, но мне они запомнились.

— Да уж, — хмыкнул Дроган. — То ещё, должно быть, было зрелище.

Мормагон открыл рот, видимо, собираясь подробнее рассказать о запавших в душу рисунках, но Лада решительно оборвала его.

— Мы ещё не пришли. Рано расслабляться.

Не дожидаясь ответа, она распрямилась и направилась в ту сторону, куда указывал путевой огонь. Вперёд тянулась широкая мощёная аллея, но Лада не решилась идти по ней. Вместо этого она кралась в тени деревьев, росших по краям. За ними рядами выстроились особняки, слепо глядевшие в темноту чёрными провалами окон. Если бы кто-то из их обитателей выглянул наружу, то непременно увидел бы странные тени, скользившие мимо. К счастью, таких полуночников не отыскалось, и вскоре путевой огонь указал на один из домов. Лада обошла его, чтобы убедиться, что отыскала нужное место. Это было узкое высокое строение из жёлтого кирпича. В вытянутых стрельчатых окнах виднелись разноцветные стёклышки витражей.

Мормагон присвистнул.

— Ну как, похоже на жилище княжеского приятеля?

— Вполне, — кивнул Дроган. — Но теперь у меня возник вопрос, который отчего-то не пришёл в голову раньше. Что делать теперь? Не можем же мы просто вломиться внутрь. И стучать нет смысла — откроет слуга, который позовёт стражу. В таком доме наверняка есть охрана.

— Я залезу к нему, — сказала Лада.

Дроган скривился, будто проглотил скисшее пиво.

— А в этом есть смысл, — согласился с охотницей Мормагон. — В конце концов, если бы меня посреди ночи разбудила красивая женщина, я бы, по крайней мере, узнал, что ей нужно. Мало ли, вдруг...

— Спасибо за поддержку, но остальное оставь при себе. Прошу тебя.

Музыкант оскалился и подмигнул.

— Дроган, у тебя верёвка и крюк?

Воитель молча вытащил моток и протянул названной сестре. Та скинула походный мешок, плащ, самострел и налегке отправилась к ближайшему балкону. Лада не знала, где искать комнату Горста, но та, скорее всего, была на верхнем этаже. Наверняка здесь, как и в Миргороде, на первых этажах обитали слуги.

Легко зацепив крюк за перила, Лада поднялась по верёвке, быстро перебирая руками и ногами. Пара мгновений, и женщина спрыгнула на пол, аккуратно отворила дверь. По ту сторону тянулся полутёмный коридор. Охотница неслышно двигалась вперёд, внимательно оглядываясь.

Внешность хозяина дома, пусть и приукрашенную, она узнала довольно быстро. Лада не успела подойти и до середины коридора, но трижды ей на стенах попадались портреты одного и того же человека, выполненные в полный рост. Каждый раз он блистал изукрашенными

парадными одеждами поверх отделанных золотом доспехов.

«А он тщеславен», — улыбнулась про себя Лада. — «Похоже, нужно просто найти самую красивую дверь».

Такая обнаружилась в самом конце коридора. Две створки из белого ясеня, украшенного позолотой. В изящном рисунке угадывалось изображение оленя. Следовало отдать должное хозяину — в работе чувствовалась рука истинного мастера. Лада чуть замешкалась, прежде чем толкнуть дверь — ей казалось, что она касается грязными руками произведения искусства.

Её взору открылся большой зал. На миг Ладе подумалось, что она ошиблась, и комната хозяина — в другом месте. Здесь же — светлица для приёма важных гостей. Но нет — на спинку стула был небрежно накинута кафтан. Точь-в-точь как тот, в котором Горст щеголял на одной из картин. Роскошные шёлковые шаровары лежали рядом на полу.

«Надеюсь, он сейчас один», — запоздало подумала Лада, разглядев в глубине зала дверь во внутренние покои.

Пройдя по ковру, целиком покрывавшему пол, охотница тихонько заглянула внутрь. На огромной кровати, в ровном свете свечи, храпел невысокий полноватый человек, весьма отдалённо напоминавший своё изображение на картинах. Недавно он метался во сне — покрывало съехало на пол, простыни смялись, подушка лежала на самом краю. Лада приблизилась, пристальнее взглянув на свечу. Она прогорела почти наполовину, и будет гореть ещё около часа. К этому времени служанка, должно быть, придёт её заменить.

Что ж, массивный серебряный канделябр может пригодиться, если переговоры пойдут не по плану. Впрочем, что делать потом у Лады не было решительно никакого представления. Глубоко вздохнув, она опустила свои пальцы на лоб Горста.

Тот проснулся мгновенно. Взглянул на Ладу и отшатнулся, испугавшись незнакомого лица. Затем, разглядев, что перед ним лишь невысокая женщина, расслабился, нащупал рукой подушку, и, подоткнув её под спину, сел.

— Полагаю, если бы ты хотела меня убить, я был бы уже мёртв?

— Рада, что ты верно понимаешь ситуацию. Кроме того, заверяю тебя, я бы не прервала твой сон без необходимости. Ты ведь Горст, я полагаю?

Мужчина кивнул и слабо махнул в сторону массивного дубового комода.

— Подай воды.

Лада отошла, на всякий случай не упуская хозяина поместья из вида. Левой рукой налила в кружку воды из большой глиняной крынки, и подала её Горсту. Тот сделал большой глоток. Его глаза так же неотрывно следили на полуночной гостьей.

— Так и думал, — сказал он, наконец. — Ты, хоть и выглядишь хрупкой женщиной, та ещё волчица. Ещё этот говор. Что понадобилось миргородской убийце в моих покоях посреди ночи?

— Я — не убийца.

Когда Лада произнесла эти слова, перед её внутренним взором ясно всплыл образ Ратибора, оседающего на пол. Видимо, лицо её изменилось — Горст усмехнулся.

— И кто же ты?

— Монахиня.

— По молодости я, бывало, захаживал в женские монастыри. Видать, с тех пор монашки изрядно изменились. И что же ты хочешь? Неурочное время для проповеди.

Подумав, Лада решила выложить всё напрямую.

— Нас послал Хольг. Он сказал, что ты можешь помочь проникнуть в замок князя. Там мы должны разыскать одного человека, сбежавшего из Миргорода, и предать его суду. После этого мы покинем ваше княжество, никому не причинив вреда.

— Вот как?

Горст беспокойно огляделся. Серебряный колокольчик, который он, должно быть, искал взглядом, Лада демонстративно отодвинула подальше.

— Не делай глупостей. Сейчас ты думаешь, что я не в своём уме. Уверю, это не так. Мы нашли твоего старого приятеля, превращённого в нежить. Он нам и рассказал о тебе. Зачем бы иначе мне столько сложностей? Попасть в твою комнату было очень непросто, уверю тебя.

Хозяин поместья нахмурился, недоверчиво глядя на Ладу. Несколько минут он в задумчивости молчал. Наконец, покачал головой.

— Всё это слишком безумно, чтобы быть выдумкой или бредом. Неужели, правда? Много я вещей повидал на свете. Превращение в нежить была бы не самой странной. Но всё же. Что ж, другой вопрос, который меня беспокоит — кто эти «мы», о которых ты говоришь?

— Я и мои спутники. Не думай о них пока. Хольг сказал, что избавиться от него приказал брат. Ваш нынешний князь. Вы ведь с Хольгом были друзьями?

— Были, — ответил Горст, тяжело вздохнув. — Но для меня он давно уже мёртв. Я не отважусь на измену из-за тех давних событий.

— Этого я и не прошу. Выполни лишь его последнюю просьбу — подскажи способ попасть в замок, чтобы мы могли найти нашего беглеца. Он — монах моего ордена. Я знаю, что он должен быть при здешнем дворе. Больше никто нас не интересуется. Схватив его, мы тут же уйдём, никому не причинив вреда.

Горст покосился на кинжалы, которые Лада носила у пояса. Подумал. Решился.

— Вам повезло. Завтра князь устраивает пир. Если какой-то гость сейчас находится при его дворе, то непременно будет там. В замок же можно попасть по тайному ходу, вырытому на случай осады. Слушай, как его найти...

В замке былолюдно. Слуги бегали по коридорам, сбиваясь с ног, стараясь подготовить всё к предстоящему пиру. До него оставалось всего ничего. Гости уже съезжались и расхаживали с важным, напыщенным видом. Тихомира среди них видно не было.

К счастью, Горст не только рассказал, как попасть в замок, но и открыл способ проникнуть в тайный проход внутри него. Теперь Лада и её спутники могли незамеченными передвигаться по всей этой каменной громадине и следить за происходившим в коридорах и комнатах. В оставшуюся часть ночи и большую часть утра им удалось даже поспать. Сон был тревожным и тяжёлым, но глаза сами собой слипались от накопленной усталости.

Скрытые ходы пронизывали весь замок. Узкие пыльные переходы, лестницы, потайные камеры со смотровыми щелями — вскоре у Лады возникло чувство, что всё строение было изначально задумано для того, чтобы шпионить за гостями и слугами. Первое время она шарахалась от каждого шороха, боясь наткнуться на кого-то из хозяев. Но, если те и пользовались тайными переходами в нынешние времена, то в тот день были заняты другими делами.

Дроган зевнул.

— Может, обсудим план? Чего делать-то будем?

Лада оторвалась от смотровой щели.

— Дождёмся, пока начнётся пир. Горст сказал, что на нём соберутся все, кто находится при дворе Витольда. Будем следить за Тихомиром. Выждем, пока он останется один.

— А дальше?

Лада задумалась. Действительно, что потом?

— Узнаем у него, кто такой Пожиратель и как Тихомир с ним связан.

— Допустим, монах откажется говорить, — подал голос Мормагон. — Что тогда?

Спутники не сводили с охотницы выжидающего взгляда.

— Пока не могу сказать. Будем действовать по обстоятельствам. Что бы ни случилось, он был мне как отец. Чего вы от меня ждёте? Что я предложу его пытаться?

Дроган поднялся и подошёл ближе. Заглянул в глаза. Он едва помещался между стен и смотрелся довольно нелепо и забавно. Но отчего-то Ладе не хотелось смеяться.

— Нерешительность может нас погубить. Мы — в самом сердце враждебного княжества. Стоит замешкаться, и не уйдём отсюда живыми.

Лада пожалала плечами.

— Не могу предложить ничего другого. Прошу тебя, просто доверься. Я не подведу.

Лицо названного брата оставалось каменным.

— Ещё не так давно я бы доверил тебе свою жизнь без колебаний. Но ты изменилась. Я не узнаю стоящую передо мной женщину.

Лада открыла рот, чтобы возразить, но Дроган прервал её, подняв руку.

— Просто хочу, чтобы ты знала — у нас есть работа. Я собираюсь её выполнить. Во что бы то ни стало.

С этими словами он вернулся на место.

Время до вечера прошло в мрачном молчании. После разговора с Дроганом Лада не находила себе места. В конце концов, она отправилась бродить по коридорам, сославшись на

то, что хочет разведать пути для отхода. Её никто не остановил.

Света, проникавшего из щелей снаружи, хватало, чтобы не наткнуться на стены. Иногда из темноты доносились пицание и шорохи. Лада предпочитала не думать о тех, кто шуршит в тених. Она чувствовала себя призраком, позабытым и покинутым. Вокруг слышались разговоры, совсем рядом было царство света и жизни. Лада была недалеко. На расстоянии вытянутой руки. Но никто не видел её, не знал о её существовании. Она была лишь бледной тенью, незаметно ходящей среди живых. А вокруг царили сырость и тлен.

Охотница вернулась к своим спутникам, когда слуги начали носить еду. Гости исчезли из коридоров — очевидно, собрались в большом зале.

— Мы уже начали волноваться, — сказал Мормагон. — Надо выступать.

Они двинулись вслед за Дроганом. За день охотники достаточно хорошо научились ориентироваться в переходах замка. Теперь они безошибочно нашли дорогу и прокрались на верхнюю галерею. Укрытые теньями, они лежали на полу и наблюдали за собравшимися на пир людьми.

Главный стол стоял на возвышении, под хоругвью, на которой был изображён лик святого Фомы. Покровителя чудского князьего рода. В самом центре, на огромном резном кресле с подушками из красного бархата, сидел немолодой мужчина. Несмотря на возраст, он был высок и плечист, хоть и совершенно лыс. Нос его напоминал клюв хищной птицы. Несмотря на грозный вид, сейчас человек широко улыбался, поднимая золочёный кубок. По правую руку от него сидела красивая женщина в тёмно-синем платье. Всё её внимание было поглощено стоявшей перед ней тарелкой с мясным рагу. Место слева занимал худой человек в одеянии епископа. Лицо его скрывала безликая белая маска, но, казалось, никого в зале это обстоятельство не смущало.

— Витольд.

Лада кивнула. Очевидно, Дроган был прав. Но взгляд её был прикован не к правителю чудского княжества. Ведь на углу стола, в тени, неподвижно сидел старик в монашеском одеянии и с чёрной повязкой на глазах. Дроган не мог не заметить его, но пока не обмолвился ни словом.

Шло время. Гости хмелели, часть из них начинала покидать банкетный зал. Пара детей, до того игравших в углу с деревянной лошадкой, тихо дремали под гул голосов. Кого-то тошнило прямо на пол, вокруг суетились слуги. Тихомир почти не шевелился, словно был лишь мрачной статуэткой. Обманкой, какие иногда ставили в своих домах богачи, чтобы разыграть гостей.

Витольд много пил, но не хмелел. Его взгляд оставался таким же ясным, он с охотой поддерживал разговор со своим соседом.

Вдруг Витольд кивнул, поднялся на ноги и трижды хлопнул в ладоши. Гул голосов и звон посуды мгновенно смолкли. Все лица обратились к главному столу.

— Друзья! — голос князя был низким, рокочущим. — Сегодня я собрал вас здесь, чтобы отпраздновать день своего рождения!

Витольд сделал паузу, чтобы выслушать нестройные здравницы гостей.

— В этот день я бы хотел выпить за здоровье всех собравшихся, а в особенности — за долгую жизнь моей прекрасной супруги, моих преданных друзей и давних советников!

Вновь пауза и нестройный гул хвалебных криков.

— Я рад, что в день моего рождения подарок получает также мой самый близкий друг и наставник. Все вы знаете его святейшество епископа Молтраста. Кажется, он с нами целую

вечность! Да, надеюсь, так и будет.

Человек в маске медленно кивнул.

— Поэтому я хочу, чтобы остальные гости, присутствующие здесь, но не занявшие ещё места за столом, спустились с галереи и присоединились к празднеству!

Повисла тишина. Лада не сразу поняла, о ком говорил Витольд. А когда до неё, наконец, дошёл смысл сказанного, сердце рухнуло куда-то вниз. Внутри похолодело.

— Что будем делать? — прохрипел Мормагон, словно невидимая рука сдавливала его горло.

— Либо спускаться, либо бежать, — сказал Дроган.

— Обрато в туннели? Их наверняка перекрыли. А за дверью, скорее всего, уже куча стражи. Но как так вышло?

Лада выругалась.

— Горст.

— Но ведь Витольд убил его друга! Как он мог нас сдать?

— Этот хорёк явно не бедствует. Что, если это он и предал Хольга в руки его брата?

— Жаль, что такая хорошая мысль не пришла нам в голову до того, как мы сунулись в этот капкан, — проворчал Дроган.

В зале, между тем, продолжала царить тишина. Все взгляды сейчас были направлены на галерею, где укрылись охотники.

— Вы ставите меня в неловкое положение, а я этого не люблю, — весело сказал Витольд. — Ну же, мышки, выходите на свет! Кошки всё равно вас уже учуяли!

Дроган, а за ним — и остальные, поднялся в полный рост. По залу пронёсся шёпот удивления. Только теперь Тихомир повернул голову к своим бывшим товарищам, словно мог их видеть. Лада смотрела на него и могла бы поклясться, что и правда столкнулась с ним взглядом.

— Что теперь? — пробормотал Мормагон.

Дроган молча повернулся и направился к лестнице. В зале вновь стало тихо. Как только охотники оказались внизу, к ним тот час же шагнула стража, дежурившая у дверей. Лада кинула взгляд на створки. На массивных железных скобах лежал тяжёлый деревянный засов.

— Оружие, пожалуйста. Негоже садиться за стол в таком виде!

Дроган кивнул. Топор уже был в его руках. Он медленно протянул его подошедшим солдатам.

Всё случилось мгновенно — Лада и глазом не успела моргнуть. Мощный взмах — и оба стражника были отброшены на пол, заливая плиты кровью. Дроган схватил Ладу за руку и потянул к дверям.

— Держи!

Воитель сунул своё окровавленное оружие опешившему музыканту, и одним рывком снял засов. По ту сторону двери и правда оказалась стража. Но всё же она была не готова к стремительному прорыву. Выхватив из рук Мормагона топор, Дроган парой взмахов расчистил путь и бросился по коридору. Спутники едва поспевали за ним. Позади уже слышались крики гнева и ужаса.

— На что ты рассчитывал только! — бросила Лада. — Как мы теперь доберёмся до Тихомира?

— Да хрен с ним! Жизнь дороже. Всё, что мне было нужно, я узнал. Он и правда заодно с этим ублюдком Витольдом. Гори оно всё огнём, я сваливаю!

— Не ты ли говорил про задание, которое нужно выполнить?

— Береги дыхание, не то собьёшь.

Выругавшись напоследок, Лада молча припустила за братом. Топот за спиной заставлял прибавить ходу. Целый рой мыслей кружился в голове женщины. Неужели Дроган и правда готов отказаться от цели и просто сбежать? Как вообще он собирается сделать это без денег и вещей, которые пришлось скинуть, чтобы их не догнала стража? Как выбраться хотя бы из этого замка?

Ответов не было, и Лада решила просто плыть по течению. Довериться Создателю. Нет. Не особенно-то он и помогал в этом деле. Уж лучше она доверится себе и своим товарищам.

До внутреннего двора получилось добраться легче, чем Лада предполагала. В конюшне было полно лошадей — выбирай любую! Жаль только, что все рассёдланы. Но один крытый экипаж как раз стоял подготовленным к отбытию. Видимо, кто-то из гостей собирался отправиться домой. Но не успел.

Дроган прыгнул на козлы.

— Быстро!

Лада заскочила следом, Мормагон, тяжело дыша, ввалился внутрь. Охотница зарядила самострел. Удивительно, что по ним пока никто не стрелял. Экипаж рванулся с места прямо в ворота, створки которых дрогнули и начали медленно закрываться. Лада подняла оружие и разрядила его в одного из солдат. Тот с визгом рухнул на землю, схватившись за бок. Между пальцами торчало короткое оперение. Остальные тут же попрятались, и беглецам удалось выскочить.

Стоял поздний вечер. Серп луны уже висел в небе, но темнота не успела укрыть землю. Редкие прохожие, едва заслышав грохот повозки, отпрыгивали с дороги. Ладе уже начало казаться, что удастся выбраться, когда позади раздались крики. Обернувшись, она увидела преследовавший их отряд всадников.

— Бесы вам в подпругу! — выругалась Лада, вставая в полный рост под прикрытием повозки.

Выстрел — и одним преследователем стало меньше. Однако остальные стремительно приближались. Как только предводитель отряда поравнялся с экипажем, занавесь сбоку откинулась, и в проёме появился Мормагон. От его резкого крика лошадь вздрогнула, и всадник не успел уклониться от короткого удара топорика в руке музыканта.

Что ж, оставалось ещё четверо. Один из них как раз сумел зацепиться за край и заскочить на крышу повозки. Двое других обгоняли по бокам, стараясь держаться подальше от Мормагона. Однако музыкант не сдавался — метким броском топорика он вывел из строя ещё одного всадника. Но теперь Мормагон остался без оружия.

Не успевая перезарядить самострел, Лада попыталась положить его под ноги, чтобы достать кинжал, однако колесо, налетев на камень, резко подпрыгнуло. Самострел соскочил с края и исчез позади.

— Держи!

Дроган сунул поводья в руки охотнице и развернулся. Взмахнув топором, он попытался подсесть ноге противника, но тот ловко подпрыгнул, избегая удара. Впрочем, это не сильно помогло. Прыгать на крыше несущегося со всей скоростью экипажа — не самая разумная идея. Всадник наверняка понял это, когда оступился при приземлении и, с коротким вскриком, рухнул под колёса. Раздался неприятный хруст, и крик резко оборвался.

Всего двое. Впереди уже показались ворота внутреннего города. Почти выбрались!

Один из преследователей продолжал держаться справа на безопасном расстоянии. Лада обернулась, чтобы найти взглядом второго. Тот возник неожиданно, стремительно вырвавшись слева. Всадник протянул руку, пытаясь схватить Ладу, но она оказалась быстрее. Стремительным движением женщина выхватила кинжал и вогнала его в бок преследователя по самую рукоять. Охотница торжествующе улыбнулась.

Вслед за этим она почувствовала удар. Ощущение полёта. И сознание провалилось в темноту.

Лада недолго пробыла в беспомощности. Когда она открыла глаза, вокруг всё ещё была улица. Чуть в стороне лежала перевернутая повозка. Мир вдруг обрушился на охотницу — по ушам ударило истошное ржание лошадей, ругань и крики каких-то людей. Кажется, оставшийся без управления экипаж наткнулся на что-то. Следом за этой мыслью пришла боль. Ногу словно сдавили в тисках, выкручивая под неестественным углом. Лада опустила глаза и увидела осколки костей, пробивших ткань штанов.

«Плохо дело», — отстранённо подумала охотница.

Она прикрыла глаза. К горлу подступила тошнота, голова кружилась, не давая сосредоточиться. Послышались звуки шагов. Неимоверным усилием Лада разлепила веки и увидела приближающегося всадника. Последнего из выживших. Охотница улыбнулась.

А ведь почти получилось!

Солдат был уже рядом, когда раздался рёв и из-за повозки выпрыгнул Дроган. Его лоб был рассечён, лицо заливала кровь, но всё же воитель крепко держался на ногах. Враг не ожидал его внезапного появления и рухнул, разрубленный топором. Дроган опустился перед Ладой на колени. По его виду было ясно, что дела её плохи.

— Что с Мормагоном?

— Не видел его. Вставай, я тебе помогу.

Охотница мотнула головой.

— Видишь же, что я — не ходок. Если когда-то и смогу наступать на ногу, то уж явно не сейчас.

— Я тебя понесу, — упрямо сказал Дроган и протянул руки. — Здесь нельзя оставаться.

Лада вяло оттолкнула его.

— Хватит этих глупостей. Со мной на руках тебе далеко не уйти. Не теряй время. Беги. Потом вернёшься и спасёшь меня. Как в старые добрые времена, до всей этой истории.

— Как я могу тебя бросить?

Лада нахмурилась и огляделась. Вокруг начинала собираться толпа.

— Не будь дураком! Ещё пара минут, и тебе не выбраться. Тогда все погибнем. Давай, беги уже. Спаси нас с Мормагоном! Только непременно спаси...

Дроган плотно сжал губы. Огляделся. С явным трудом кивнул и поднялся на ноги.

Лада повернула голову к небу. В нём сиял месяц. Как обычно, далёкий и отстранённый. Что за дело ему было до коротких человеческих жизней и мимолётных страстей?

Лада смежила веки.

Сознание вернулось вместе с болью. Дёрнувшись, Лада поняла, что ремни на руках и поперёк тела надёжно удерживают её на поверхности стола.

— Лежи спокойно, дитя.

Голос был до боли знаком.

Лада огляделась. Комната, в которой оказалась охотница, была небольшой, без окон. Она скорее напоминала каменный мешок, ибо всё здесь, от пола до сводов низкого потолка, было облицовано плитами. Больше всего это место напоминало полупустой склеп. Пространство занимали лишь обитый медью стол под охотницей, да мраморный постамент у одной из стен. На нём, в ряд, лежали инструменты, набору которых мог бы позавидовать любой палач. Перед постаментом, спиной к Ладе, стоял худой сутулящийся старик. Женщина не видела его лица, но прекрасно знала, кто перед ней.

— Собираешься пытать меня? — спокойно спросила Лада.

В ответ послышался сухой смехок.

— Глупая девчонка. Я пытаюсь починить тебя, а не сломать.

Лада взглянула на свою покалеченную ногу. Та была надёжно зафиксирована железными скобами и плотно перевязана. Охотница перевела взгляд обратно на своего бывшего наставника.

— И как давно ты работаешь на Витольда.

Тихомир снова усмехнулся.

— Я никогда на него не работал. А теперь постарайся не шевелиться, как я и советовал.

Старик обернулся. Лада подозревала, что он прекрасно видел, но всё же не сумела сдержать восклицание, взглянув в его глаза. Они были жёлтыми и совершенно нечеловеческими.

Тихомир медленно приближался, наслаждаясь произведённым впечатлением.

— Как давно ты стал этой тварью?

— В тот самый раз, когда уничтожил ту деревню. Я рассказывал тебе. Именно тогда я переменялся и стал тем, кто я сейчас.

— Жалкий прислужник мелкого божка?

Тихомир пожал плечами.

— Скоро сама встретишься с Пожирателем. Истинным правителем Чудского княжества. Тогда всё и узнаешь.

Он принялся обрабатывать раны, полученные Ладой при падении с повозки. Чем бы ни был тот вонючий состав, которым мазал Тихомир, он быстро приносил облегчение. Хотя щипало ужасно. Похоже, на память об этой истории останется ещё несколько шрамов. Если, конечно, она не закончится в ближайшее время.

— Зачем было подбирать меня, обучать? Для тебя это была просто игра?

Бывший монах покачал головой.

— Сколько нетерпения. Поэтому ты никогда бы не добилась настоящего успеха в своей работе.

— Того, которого достиг ты? Стать тварью, выродком? Нет уж, спасибо.

Если эти слова и задела Тихомира, то он не показал виду.

— Где мои друзья?

— Один сбежал, второго ты скоро увидишь.

Лада рассмеялась в лицо старику.

— Значит, Дроган на свободе? Ты никогда ему не нравился. А я тебя защищала. Что же, когда он придёт вогнать топор тебе в череп, я с радостью помогу.

— Будь честна хотя бы с собой. Он один, во вражеском городе. Его дни сочтены. И помолчи уже, пожалуйста.

Лада замолкла. Но ненадолго.

— Просто ответь. Хотя бы на один вопрос. После этого я оставлю тебя в покое. Ты подобрал меня после того, как сёстры обнаружили мой дар. Воспитывал меня. Стал мне ближе, чем отец. К чему было это всё?

Тихомир расстегнул ремни и помог Ладе сесть. Охотница заметила, что монах отводит взгляд. Видно, он был не так уж и циничен, как хотел показать.

— Так мне было приказано. Взять тебя, воспитывать. Присматривать до поры. Не спрашивай, кто отдал приказ — скоро ты встретишь его и сможешь всё узнать сама. Вот, теперь у тебя получится передвигаться, почти не испытывая боли.

— Это из-за моих проклятых способностей? Вам нужны были они?

Тихомир покачал головой.

— Сёстры-монахини испугались не твоей пробудившейся силы. Они испугались того, что увидели на твоём теле.

Монах подошёл сзади и резко дёрнул за ворот. Послышался треск раздираемой ткани. Лада вскрикнула, чувствуя, как обнажилась её спина.

— Позволь, я помогу тебе, — сказал Тихомир, доставая зеркальце и поднимая его у охотницы за спиной. — Взгляни.

Лада нерешительно посмотрела. На её левой лопатке, отражённый в зеркале, багровел Знак Пожирателя.

— Лада!

Охотница обернулась. У стены, между двумя стражниками, стоял Мормагон. На лице его были видны ссадины, но в остальном музыкант был цел и почти невредим.

— Ты жив! Где мы?

Лада огляделась. Со стен вокруг смотрели лики святых. Ряды колонн подпирали сводчатый потолок. Сырой воздух наполнял густой запах ладана. Было похоже, что она оказалась в каком-то заброшенном храме. Лишь там, где должен был находиться алтарь, на постаменте возвышался трон, собранный из невероятно переплетённых между собой костей, покрытых тонкой резьбой.

— Почему негодяи будто соревнуются между собой, кто сделает самый неудобный стул? — спросил Мормагон, проследив за взглядом Лады.

Несмотря на показное веселье, голос музыканта дрожал.

Дверь в зал открылась, и на пороге появился епископ Молтраст. Человек, который сидел слева от князя Витольда на пиру в честь дня его рождения.

— Bravo, Мормагон. Ты всегда отличался непревзойдённым чувством юмора.

Голос был неприятным, скрежещущим, невыразительным. Пустым. Епископ прошёл вперёд и уселся на трон. Лада нахмурилась и обернулась к товарищу.

— Он знает твоё имя? Не хочешь объяснить?

Музыкант выглядел смущённым. Он открыл, было, рот, но затем лишь пожал плечами и

отвернулся.

— Ты предал нас? Не Горст?

— Клянусь, Лада, это был не я!

Епископ махнул рукой.

— Бродяга говорит правду. Я действительно послал его следить за вами. Но он быстро нарушил своё слово. Вот что значит поручать безродным дворнягам важную работу — они просто не способны ни на что серьёзное. Хорошо, что на нём была колдовская печать, позволявшая следить за каждым вашим шагом. И вот ты здесь. Как и было предreshено. В некотором роде, Мормагон даже проявил благородство. Он рискнул жизнью и следовал за вами, нарушив мой приказ.

— Почему?

Мормагон пожал плечами.

— Я видел, с какими ужасами вам приходится иметь дело. И понял, что оказался не на той стороне.

— Почему ты просто не рассказал нам?

Музыкант фыркнул.

— О, и как же ты себе это представляешь? «Друзья, я иду за вами уже несколько дней. Кстати, на самом деле епископ вражеского княжества заставляет меня шпионить, но я понял, что не хочу быть на его стороне. Поэтому я перестал отсылать ему донесения. Но вы можете мне верить! Правда, я о нём ничего не знаю толком, и мало что полезного могу рассказать. Ну а теперь пойдёмте дальше!». Что-то вроде этого я должен был сказать?

Лада задумалась и вынуждена была признать, что после такого Дроган сломал бы ему ноги. Если не шею. А ведь Мормагон следовал за ними и помогал, вместо того, чтобы просто сбежать. Так или иначе, вреда от него не было.

Не считая магической печати, благодаря которой враг знал обо всех перемещениях отряда.

Охотница вздохнула.

— Бог с тобой. Ладно. Я на тебя не злюсь.

— Великолечно, — прокрипел Молтраст. — Теперь моя очередь быть с вами откровенным.

Епископ протянул руку и снял маску. На Ладу смотрело лицо трупа. Ссохшееся, с проступавшими сквозь пергаментную кожу костями, оно заставляло содрогнуться.

— Кто ты? — прошептала Лада.

Её шёпот разнёсся под сводами извращённого подобия храма.

— Твоя судьба, — коротко ответил мертвец.

По лицу Молтраста невозможно было понять, о чём он думает и что чувствует. Да и чувствует ли?

— Я слышал, как ты играешь, — вновь послышался глухой скрипучий голос, взгляд пустых глаз переместился на Мормагона. — Когда в прошлый раз ты был в городе. Это было прекрасно. В былые времена, давно, мне очень нравилась музыка. Теперь я отринул все радости жизни. Но всё же. Сыграй.

Повинуясь его жесту, один из охранников вернул музыканту инструмент, который тот вынужден был бросить, убегая с княжеского пира. Мормагон высоко поднял голову и вышел вперёд. Его пальцы почти не тряслись, когда он извлёк первые звуки, хотя мелодия и звучала жалобно, словно писк потерявшегося котёнка. Музыкант продолжал играть, с каждым

звучком становясь всё увереннее. Мелодия окрепла, превратившись в величественный гимн самой жизни. Мормагон играл так, как никогда прежде. Владыка Молтраст поднялся со своего трона и начал медленно спускаться с пьедестала. А мелодия то неслась, кружась в вихре, то замирала на миг, затихала, словно укрывшись от бури.

— Нет, пожалуйста, всеблагой Создатель! — шептала Лада.

По её щекам катились слёзы. Мормагон играл всё увереннее. Лада не видела его лицо, но ей казалось, что глаза музыканта сейчас закрыты. Он полностью отдался своей мелодии, растворился в звуках.

И не видел, что грозная чёрная тень уже нависает над ним. Мелодия неслась вперёд. Но всё когда-либо кончается. Закончилась и она.

— Это было прекрасно, — повторил Молтраст.

Лада увидела, как начал оборачиваться Мормагон. Казалось, он хочет взглянуть на Ладу. Но вдруг его колени подогнулись. Вздвогнув, музыкант повалился на холодный каменный пол. Охотница успела увидеть, как последние струйки серебристого тумана затекают в распахнутую пасть нежити. Голова Мормагона запрокинулась, и его глаза уставились на Ладу. В них не было жизни. Одна пустота.

Лада еле удержалась на внезапно подкосившихся ногах. Она подняла взгляд на Молтраста. Тот смотрел прямо на неё своими белёсыми глазами. Ещё более холодными, чем у мёртвого музыканта.

— В своей жизни я видела много чудовищ. Самые страшные из них — те, что раньше были людьми.

— Но ты ведь даже не попыталась меня остановить.

Лада нахмурилась.

— Что я могла сделать?

— Хоть что-нибудь, вместо того, чтобы скулить. У тебя есть величайший дар. Почему ты не использовала его?

Лада презрительно скривилась.

— Дар? Ты о том проклятии, с помощью которого сейчас отнял жизнь?

Молтраст пожал плечами.

— Все вещи в мире имеют, по крайней мере, две стороны. Светлую и тёмную. А частое — множество оттенков между ними. Разве тем оружием, которым ты защищаешь невинных и караешь злодеев, вроде меня, нельзя отбирать жизни?

— Вот только кинжалы не используют энергию человеческих душ! Не уничтожают их окончательно, не давая шанса на искупление!

Молтраст растянул губы в зловещем подобии усмешки.

— Монахини сказали тебе это?

— Не пытайся уверить меня в том, что это — неправда!

Падший епископ внимательно смотрел в глаза охотнице несколько долгих мгновений.

— Глупое дитя. Церковники обманули тебя самой худшей ложью. Они сказали лишь половину правды. Верно то, что заклинания используют энергию душ, мучимых в Нави, и те перестают существовать. Но верно также, что сила, полученная от этих грешников, не пропадает. Она очищается, и из неё образуются новые души, у которых есть шанс стать более совершенными, праведными. Творя магию, мы освобождаем заключённых в Нави, и даём им ещё один шанс. Твоя мать могла бы многое рассказать об этом, ведь она сама была ведьмой.

— Ты лжёшь мне!

— К чему лгать приговорённому? Подумай, и сама уверишься, что мои слова истинны.

Лада задумалась. Затем тихо произнесла:

— Но кто мы такие, чтобы перечить Создателю, отнимая души, которые он обрёл на мучения?

— Разве Создатель не есть любовь и прощение? Дав нам магию, он дал возможность искупления для наших братьев. Это — и есть его милосердие. Шанс на искупление для всех. Все души в конечном итоге должны прийти к благодати и оказаться в его владениях. В навигации же не должно остаться ни одной. Ибо никому не позволено соревноваться с Богом в праве на души его созданий.

Лада чувствовала, как рушится мир. Всё, в чём её убеждали всю жизнь, оказалось ложью. Она отвергала дар, являвшийся неотъемлемой частью бытия, считая его злом. Однако реальность оказалось совсем иной.

Не зная, хочет ли она теперь получить ответы на остальные вопросы, Лада всё же произнесла:

— Почему я здесь? Почему на мне твой знак? Кто ты такой?

Молтраст приблизился, глядя на Ладу сверху вниз. Вместо знака Создателя на его груди висела длинная костяная игла, потемневшая от времени. Лада смотрела на неё, как зачарованная, не в силах оторвать глаз.

«Слушай всё, что он скажет».

Голос в голове раздался так ясно, будто говоривший стоял за плечом. Хотя прошло много дней, Лада узнала его.

«Равуна?»

«Не отвлекайся. Слушай».

— Это было столетия назад, — проскрипел Молтраст. — Тогда мир был совсем другим. Я был молод, полон амбиций. Вместе с другими такими же мы исследовали само мироздание. Пытались понять замысел Создателя. Заглянуть в его владения. То, что из этого получилось, ты можешь увидеть, если отправишься на границы наших нынешних земель.

— Чёрный лес?

Молтраст кивнул.

— Что это такое?

— Тебе не нужно этого знать. Мы совершили ужасный поступок, из-за которого я начал бояться смерти и того, что будет со мной после. Насколько мне известно, кроме меня больше не осталось никого. Столетиями я цеплялся за свою жизнь. Но что поделать — не могу иначе. И всё же рок настигнет меня. Как только я убью своего последнего потомка. Видишь ли, в чём ирония ситуации. В мире есть несколько жалких недоучек, которым достались крупницы моих знаний. Они поддерживают свою никчёмную жизнь, поглощая души тех, кто попадает им на пути. А я, тот, кто сделал это величайшее открытие, позволяющее жить вечно, не могу полноценно воспользоваться плодами собственных же трудов. Я вынужден питаться лишь теми, кто состоит со мной в кровном родстве. И вот передо мной стоит последняя из моего рода. Ты сможешь дать мне ещё несколько десятилетий, но после пустота всё же настигнет меня, и моё наследие канет в небытие. Можешь представить, что я чувствую, глядя на тебя?

Лада не могла.

— Поэтому мать сбежала отсюда?

Молтраст кивнул.

— Она узнала обо всём. Я ждал, когда ты появишься, чтобы в будущем продолжить мою кровную линию. Хотел поглотить её душу, как только ты появишься на свет. Но один из моих никчёмных слуг полюбил её и раскрыл мой план. Они бежали. С тех пор я ждал, пока ты подрастёшь. Созреешь. Присматривал за тобой через своих верных. Надеялся, что ты родишь ребёнка, что мой род продолжится. Увы, моё время почти на исходе. Нельзя больше ждать. Поэтому ты здесь.

— К чему столько сложностей? Разве не легче было просто похитить меня?

— Сначала я не мог тебя найти. А потом стало поздно. Выкрасть служительницу Церкви? Нет, это привлекло бы слишком много внимания. Мне было нужно, чтобы от тебя отвернулись. Считали преступницей. Чтобы ты сама пришла ко мне, желая получить ответы. И вот мы здесь. Последний порог пройден.

Лада смотрела в белёсые глаза Молтраста.

— Зачем ты говоришь мне всё это, если просто собираешься убить?

— Это не будет грубым убийством. Ты сольёшься со мной, станешь моей частью. Продлишь мою жизнь. Передашь мне накопленный тобой опыт. Ты ведь всего лишь никому не нужная сирота. Твоя жизнь не имеет смысла. Она пуста и бесцельна. В то время как моё величие ещё только грядёт. Но нужно время. А его так мало...

«Он говорит это всё, чтобы оправдать себя. Всего лишь пыльный старый паук, застрявший в своей собственной паутине, вот он кто. Глядя на тебя, он видит, что потерял и уже никогда не вернёт. Он боится. Но теперь ты знаешь его историю и сделаешь то, что нужно».

«О чём ты?»

«Видишь иглу на его груди? В ней сосредоточена вся его жизненная сила. Тебе нужно вонзить эту иглу в его прогнившее сердце, а после произнести нужные слова».

«Я не смогу!»

«Конечно, сможешь. Всё, что нужно, уже заложено в тебе. Должно быть лишь желание этим воспользоваться и воля, чтобы воплотить задуманное. Либо ты найдёшь в себе силы, либо отправишься в небытие. А теперь слушай и запоминай».

Лада слушала шёпот Равуны. Перед ней мертвец, никак не желавший умирать, говорил о судьбе, о величии. О вещах, которые имели для него значение. Не зная, что всё это — лишь прах. В который он и обратится лишь несколько мгновений спустя. Охотница перевела взгляд на безжизненное лицо Мормагона. Впервые оно было таким пустым и невыразительным.

Молниеносным движением Лада сорвала костяную иглу с груди нежити и воткнула её в грудь Молтрасту. Слова заклинания словно горели перед её взором.

Истинная магия — не очень зрелищная вещь. Не издав ни единого звука, некогда один из величайших умов Семи Княжеств рухнул на пол кучкой пыли.

Дроган сидел в грязном закоулке внутреннего города, не зная, что делать дальше. Он остался совсем один. Без денег, без помощи. Его друзья, возможно, были уже мертвы, и он никак не мог им помочь.

Воитель сплюнул и поднялся на ноги. Он был не из тех, кто будет просто сидеть на заднице и ждать чуда. Как бы то ни было, нужно действовать.

Жжение в районе груди отвлекло его от мрачных мыслей.

— Что за чёрт?

Запустив руку под кольчугу, он выудил небольшой амулет с ликом святого Гордея. Покровителя странников. Металл обжигал кожу, и Дроган, ругаясь, сорвал образок и отбросил в сторону. Тот упал на землю, вздрогнул, и вдруг поднялся над землёй, превратившись в чёрное пятно. Оно всё расширялось, пока не превратилось в подобие норы.

— Похоже, иногда магия всё-таки может быть зрелищной, — пробормотал Дроган, перехватывая топор поудобнее.

— Вот так ты встречаешь подкрепление? — послышался насмешливый голос из темноты.

Воитель нахмурился. Всё это слишком уж напоминало те колдовские фокусы, с которыми он боролся уже много лет. Но голос он узнал безошибочно.

— Снуд?

— Ты ждал кого-то другого?

С этими словами из висевшего в воздухе сгустка пустоты появился знакомый Дрогану послушник. За ним, один за другим, появилось ещё два десятка людей. Все они были в полном вооружении.

— Сдаётся мне, я был прав. Вовсе ты никакой не служка.

Снуд рассмеялся и хлопнул воителя по плечу.

— Епископ Антонид передаёт тебе привет.

— Но что это за колдовство? Как такое возможно?

Пустота схлопнулась. На земле лежал неприметный амулет с изображением святого Гордея. Снуд подобрал его и засунул за пазуху.

— Возрадуйся, ибо ты прикоснулся к одной из величайших святынь нашего мира. Немного тех, кто мог бы этим похвастаться. Мы почувствовали, что время пришло, и явились на помощь.

Но вместо радости Дроган испытывал лишь гнев.

— Вы с самого начала это спланировали! Хотели, чтобы мы попали сюда и помогли тебе добраться до Витольда!

Снуд вдруг стал необычайно серьёзен.

— Не до Витольда. Здесь есть кое-кто пострашнее. Идём, и по дороге слушай, что я скажу тебе о местном епископе.

Последний стражник рухнул к ногам Снуда, истекая кровью. Внезапная атака оказалась необычайно эффективна. Послушник наклонился к умирающему и заговорил тихим, уверенным голосом.

— Тебе осталось недолго. Можешь выбрать — уйти мирно или вопя от боли и наложив

себе в штаны. Говори, где нам найти его святейшество епископа. Времени для выбора у тебя немного, так что я считаю до трёх.

— Я не знаю! Милостивый Создатель, я правда не знаю! Только князь и тот монах, Тихомир, могут найти...

— Где нам искать Тихомира? Раз...

Захлёбываясь кровью и рыданиями, охранник рассказал всё, что от него хотели.

— Благодарю тебя, — Снуд положил руку на лоб раненного и улыбнулся. — Думай о садах Создателя. Как там прекрасно...

Стражник вздрогнул. Глаза его закатились. Снуд поднялся на ноги, вытирая кинжал об одежду мертвеца.

— Нужно торопиться. Скоро к ним придёт подкрепление, и тогда нам не выбраться.

Снуд шагал вперёд уверенно. Его люди не отставали. Дрогану не оставалось ничего, кроме как двинуться следом. Всё, о чём он мог думать, это опасность, которая грозила Ладе. Что бы между ними не произошло, Дроган любил её. И, наверное, всегда будет любить.

Каменная лестница вела вниз. Дроган почти бежал вслед за воинами Антонида. Коридоры и лестницы мелькали перед его взбудораженным взором. Воитель даже не запоминал дорогу.

Снуд выбил дверь мощным ударом плеча. За ней оказалась совсем небольшая комнатка. Скорее даже келья. Обоняние уловило слабый запах крови, и Дроган ринулся вперёд, опасаясь увидеть тела друзей, но внутри был лишь один старик. Ссутулившись, он сидел напротив двери, словно ожидая, что к нему придут.

Тихомир был почти таким же. Лишь жёлтые глаза на его лице горели странным, неестественным огнём. Не зря монах никогда не нравился Дрогану — воитель словно нутром чувствовал его прогнившую суть.

— Дроган.

Тихомир положил на стол скальпель, демонстративно не обращая внимание на толпу вооружённых людей.

— Монах. Всё же я был прав на твой счёт.

— Позже обсудите, — в голосе Снуда явно читалось нетерпение. — Где Лада и Мормагон?

Тихомир перевёл на послушника удивлённый взгляд. Слово смотрел на насекомое, залезшее на полу его рясы и вдруг вздумавшее с ним поговорить.

— Думаю, на данный момент они уже мертвы.

Снуд нахмурился.

— Не смей издеваться над нами! Отвечай, где нам найти Молтраста!

Монах покачал головой.

— Его святейшество Молтраста. Проявите больше уважения. Иначе мне придётся научить вас этому.

Дроган опустил руку на плечо послушника и наклонился, чтобы предупредить, но тот лишь нетерпеливо сбросил её.

— Я повторяю в последний раз...

— Нет, — прорычал Тихомир внезапно грубым и низким голосом. — Это я говорил вам в первый и последний раз, чтобы вы проявили уважение. Теперь пришло время умирать.

Обращение было стремительным. Первый соратник Снуда встретил свою смерть, даже не успев схватиться за оружие. Клыки распороли его горло, обдав окружающих брызгами

крови. Дроган выругался, отпрыгивая в сторону. Когда он обернулся, ещё с двоими было покончено. Перед ним стоял огромный чёрный волк. Дроган взмахнул топором, но чудовище увернулось, толкнув одного из храмовников, и лезвие опустилось прямо на его спину. Тот протяжно захрипел и забился в конвульсиях.

— Наружу! — крикнул Снуд. — Здесь слишком тесно!

Дроган не успел. Оборотень рванулся наперерез, сбив с ног и прикончив ещё одного из людей Антонида.

— Окружаем! — скомандовал Дроган.

То, что ещё минуту назад было отцом Тихомиром, вертелось и рвало клыками всех, до кого могло дотянуться. Вскоре в живых оставался лишь Снуд, сжимавший левой рукой покалеченную правую, Дроган, да ещё пара храмовников, один из которых в панике остутился на кишках своих товарищей и рухнул на пол с пронзительным визгом. Вскоре он оборвался.

— Уходите, я задержу, — оставшийся в живых храмовник с мрачной решимостью шагнул вперёд, но Дроган отдёрнул его.

— Куда ты? Даст Создатель — пару мгновений нам выиграешь. Толку-то от этого.

Тихомир стоял напротив и смотрел на Дрогана, слизывая кровь с морды. Он явно наслаждался страхом врагов.

Воитель сплюнул на пол, глядя оборотню прямо в глаза. Казалось, тот ухмылялся. Дроган сделал стремительный выпад, ткнув лезвием вперёд, но волк ушёл вбок, перевернув стол, на котором лежали инструменты. Те со звоном посыпались на пол.

— Зараза! — ругнулся Дроган.

И в этот миг волк бросился в атаку. Лишь в последний момент воитель успел подставить топориче, и мощные челюсти сомкнулись на нём. Дроган почувствовал, как падает на пол, и ударился спиной о твёрдую каменную поверхность. Волк продолжал напирать. Из последних сил Дроган сдерживал его натиск, одной рукой держа рукоять, второй нащупывая, чем бы ударить ненасытную тварь. Хирургический нож? Лезвие пропороло шкуру, не причинив видимого вреда. Несколько тупых стальных предметов полетели в сторону. Рука шарила по пустому полу. Кажется, не осталось больше ничего. Клыки приближались. Слюна капала прямо на лицо Дрогану. Сморщившись от отвращения, он видел, как храмовник изо всех сил лупил булавой по загривку оборотня. Но тот, казалось, даже не обращал на это внимание.

Вдруг пальцы Дрогана легли на какой-то маленький гладкий предмет. Что это? Неважно! Воитель, что было сил, схватился за него и ударил оборотня прямо в глаз. Тот взвыл, отшатнулся на мгновение, но этого мига Дрогану было достаточно. Подтянув ноги, он упёрся в живот волка и толкнул. Тихомир отлетел назад, едва не опрокинув храмовника. Вскочив, Дроган обрушил лезвие топора на хребет бывшего монаха. Тот пошатнулся, получил булавой по голове, и медленно осел на пол, возвращаясь в свою человеческую форму. Храмовник занёс булаву для удара, но Дроган успел его остановить.

— погоди! Сперва нужно получить от него ответы. Тихомир, слушай меня. Где мне найти Ладу? Ты ведь был ей, как отец. Даже если ты такая сволочь, какой я тебя считаю, не может быть, чтобы её судьба совсем тебя не волновала.

Монах ухмыльнулся.

— Поздно уже. Нет её. Хочешь найти тело — иди. Я объясню.

Слова вырывались с хрипами. Кровавая пена пузырилась на губах Тихомира. Наконец,

старик застыл, скрючившись на холодном полу.

— Ну что ж. Вроде бы понятно. Мразью жил — мразью помер.

Дроган поднялся на ноги и плюнул на тело монаха.

— Помощь нужна? — спросил храмовник.

Дроган покачал головой. Он прекрасно понимал, что это был вопрос из вежливости. Человеку Антонида хватило уже боёв с порождениями Нави и он мечтал убраться отсюда как можно дальше.

— Выведи Снуда. Об остальном я позабочусь.

Храмовник кивнул, молча пожал Дрогану руку, подхватил Снуда, почти бессознательного от потери крови, и вышел.

Оставалось лишь надеяться, что Снуд придёт в себя и сумеет воспользоваться амулетом. Дрогану было, о ком волноваться. Люди Антонида пусть заботятся о себе сами.

Идти было недалеко. Перед смертью Тихомир успел дать на удивление подробные указания. Вот, наконец, двери проклятого храма. За ними находился враг, за которым они охотились несколько месяцев. Дроган перехватил топор, надеясь, что рунное лезвие колдовского оружия сможет его защитить. И страшась того, что может увидеть по ту сторону.

Двери отворились от первого же удара. За ними не было ни единой живой души. С мрачным предчувствием Дроган огляделся. И тут же вздрогнул, увидев обгоревшие трупы.

— Что же здесь произошло? — пробормотал воитель, осматривая тела.

Судя по закопчённым доспехам, это были стражники. Вероятно, охрана епископа. С нарастающим беспокойством Дроган продолжал осматриваться, опасаясь следующим увидеть тело сестры, однако этого не произошло. Вместо неё он увидел Мормагона.

— Ох, бедовая твоя голова, — вздохнул Дроган, опускаясь рядом с ним на колени. — Как же так вышло?

Подняв голову, воитель заметил надпись на ближайшей стене. Она была совсем свежей. Кажется, вместо чернил использовали кровь.

«Сорняки выдирают с корнем».

Дроган поднялся. Он знал, где искать сестру.

Дроган двигался быстрым шагом. С каждой минутой его беспокойство нарастало. Он с трудом ориентировался в незнакомых переходах и лишь надеялся, что рано или поздно наткнётся на нужный ему зал. Воин был уверен, что найдёт свою названную сестру там.

Везде царило запустение. Некогда шикарные интерьеры давно пришли в упадок. Побелка потемнела, позолота потухла, прекрасные древние статуи были затянuty паутиной. Из мрака то и дело выплывали осколки былого величия, чтобы затем снова кануть в темноту, лишь на миг разогнанную пламенем факела. Но более пугающей была тишина.

Наконец, он почуял запах. И тот Дрогану не понравился. Слишком хорошо он знал его по былым временам. Дроган замер на перекрёстке. В четыре стороны тянулись серые каменные коридоры. В темноту уходили покрытые орнаментом контрфорсы. Глубокие тени, до которых не дотягивался свет факела, поглотили потолок. Дроган принюхался и безошибочно определил направление. Туда, откуда затхлый воздух доносил запах горячей плоти.

Это был тот самый зал, где совсем недавно Витольд принимал гостей. Лада стояла

посреди него, с ног до головы покрытая копотью. Её одежда приобрела зловещий, неравномерный чёрный оттенок. Растрепавшиеся по плечам волосы напоминали потёки засохшей крови. А перед ней дрожало и изгибалось в чудовищной пляске мертвенное бледно-зелёное пламя. Казалось, горят не только скрученные неимоверной болью, лежавшие на полу тела мертвецов, но и сам камень.

Дроган огляделся, пытаясь найти хоть малейшее свидетельство того, что дети, виденные им ранее, выжили. Наконец, его взгляд наткнулся на обугленную кучу плоти в дальнем углу. Маленькие почерневшие тела. До последнего они не отпускали друг друга, навеки сцепившись в объятиях.

Дроган видел много зла. Да и сам творил немало, ведомый яростью и жаждой мести. Но сейчас он судорожно вздохнул. И, возможно, впервые в жизни, искренне забормотал молитву.

— Скафея.

— Что?

— Ты хотел знать моё настоящее имя. Скафея.

Дроган покачал головой.

— Во имя милосердного Бога, женщина, что же ты натворила?

Плечи бывшей охотницы поникли. Она склонила голову, развернулась, и, устало пошатываясь, направилась к выходу. За её спиной догорало пламя.

Дроган непроизвольно вздрогнул, когда Лада остановилась перед ним. Она выпрямилась и посмотрела воителю прямо в глаза, и от этого взгляда ему стало не по себе. Он видел много опустившихся людей, опустошённых убийствами бойцов. Людей, потерявших всё.

Но ничто это не могло сравниться с зияющей раной сломленной веры.

— Здесь нет Бога, — тихо произнесла Лада и направилась к выходу.

Дроган не пытался её остановить. Не пошёл следом, хотя знал, что нужен ей. Он просто стоял и смотрел на истерзанные тела мужчин, женщин и детей перед ним. Лада вынесла свой приговор этим людям.

И себе.

— Когда-нибудь я приду за тобой, — произнёс Дроган.

Но не смог заставить себя обернуться, пока шаги потерянной сестры не замолкли вдалеке. Языки пламени угасли, оставив его наедине с прахом. Выгорело всё, остался лишь голый, почерневший камень. Глядя на опустошённый зал, Дроган словно заглядывал в душу Лады. Теперь она была мертва. В повивальном пламени боли и разрушенной веры восстала Скафея. Та, кем ей суждено было стать. Предназначение взяло свою плату.

Так рождаются настоящие ведьмы.

Больше книг на сайте - Knigoed.net